АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТРУДЫ
ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том XVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЫЛЫМ“
АШХАБАД — 1978

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТРУДЫ
ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том XVI

ЮТАКЭ
1960-1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЫЛЫМ»
АШХАБАД — 1978

МАТЕРИАЛЫ
ПО АРХЕОЛОГИИ МЕРВА

902.6
T78

Под редакцией научного руководителя ЮТАКЭ
академика АН ТССР профессора *М. Е. Массона*

Т78 **Труды** Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. 16. (Материалы по археологии Мерва). Под редакцией проф. М. Е. Массона. Ашхабад, «Ылым», 1978.
192 с. с ил.

В томе подводятся многолетние итоги археологического изучения города и области античного и средневекового Мерва. Освещаются вопросы исследования Маргианской стены Мерва, возведенной по распоряжению Антиоха I Сотера, интерпретации, а также типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы, изучение жилых домов средневекового Мерва и др.

Вводится в научный обиход совершенно новый археологический материал, который раскрывает новые страницы истории материальной культуры античного и средневекового Туркменистана.

Книга рассчитана на научных работников — историков, археологов, этнографов и антропологов, а также преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов.

902.6

Т $\frac{10602—003}{M561(30)—78}$ 36—77

© Издательство «Ылым», 1978 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий том «Трудов ЮТАКЭ» обобщает исторические, историко-топографические, историко-архитектурные и археологические исследовательские работы, охватывающие прошлое Мерва с IV в. до н. э. и до XIV в. Его самое крупное в СССР городище со стеной городской округи античного времени, а позднее средневекового рабада, окружающей территорию свыше 60 км², представляет определенные трудности для изучения не только своими грандиозными размерами, но целым рядом специфических особенностей. Среди них немаловажным фактором является то, что основным строительным материалом здесь в подавляющем большинстве случаев была глина в виде пахсы или сырцовых кирпичей. Жженый кирпич употреблялся не очень часто и никогда не применялся камень из-за отсутствия вблизи мест, где его можно было добывать.

При археологических вскрытиях большие осложнения вносит то обстоятельство, что, хотя центр городской жизни на протяжении свыше 2500 лет дважды передвигался сначала в западном направлении, а затем в юго-западном, все же на каждой обжитой территории за столетия накапливались многометровые толщи наслоений, причем неоднократно на развалинах более ранних сооружений возводились новые строения, некоторое время спустя уступавшие свое место следующим. Это привело к путанице сильно нарушенных культурных слоев и к дополнительному разрушению более ранних руин путем извлечения из них позднейшими обитателями кирпичей для нового строительства. Те же обстоятельства привели былые городские стены крепостного типа к тому, что от неоднократных ремонтов и надстроек на протяжении многих веков они постепенно приобрели огромную толщину и высоту, в результате чего их даже полуразрушенные остатки дошли до нас в виде огромных валов. Так, например, древнейшая стена города на Эрк-кале, позднее служившая Мерву цитаделью до раннефеодальной поры включительно, в месте осуществляемого ЮТАКЭ крупного разреза даже в разрушенном состоянии имеет свыше 25 м высоты, а в оплывшем основании до-

стигает 90 м ширины. Все это определяет колоссальный кубометраж земляных работ, необходимых при проведении археологических раскопок, чтобы выяснить стратиграфию культурных наслоений в разных частях города.

Вполне понятно, почему скромные разведочные раскопки в 1885 г. А. В. Комарова, а в 1890 г. В. А. Жуковского дали ничтожно малые результаты, разочаровавшие самих исследователей. Своего рода «булавочными уколами» явились в 1904 г. и несколько шурфов американской экспедиции Пампелли. Несмотря на самоуверенную оценку осуществлявшего их Шмидта (якобы ими «заложена основа» для будущих исследований), они дали очень мало конкретных фактов, к тому же неправильно истолкованных членами американской экспедиции. Нельзя предъявлять больших требований и к скромным работам 1937 г. на Эрк-кале, производившимся Туркменским научно-исследовательским институтом.

Никаких других археологических исследований путем раскопок на городище Мерва до ЮТАКЭ не проводилось. Приходится констатировать, что выход в свет в 1894 г. капитального труда В. А. Жуковского «Развалины Старого Мерва» с извлечениями из письменных первоисточников сведений об этом городе преимущественно для времени после присоединения его к Арабскому халифату отнюдь не способствовал развертыванию на месте работ хотя бы по археолого-топографическому изучению городища. Итак, многие годы археологи не решались исследовать этот трудный объект. Обстановка изменилась с 1946 г.

Накопленный опыт по изучению ряда городов, в том числе Бухары, Самарканда, Ташкента, Термеза, обеспечил ЮТАКЭ успех при постановке в широком масштабе подлинной археологической комплексной разведки Мервского городища. Работы производились ряд лет крупным XVIII отрядом экспедиции в составе нескольких групп при наличии в лучшие годы до 10, а иногда и более раскопочных площадок. Последние разбивались как на всех трех разновременных мервских городищах (Гяур-кала с Эрк-калой, Султан-кала и Абдуллахан-кала с Байрам-Али-хан-калой), так и в разных пунктах обширного пригорода. При изучении всех видов памятников материальной культуры за все эпохи существования Мерва особое внимание уделялось тому, как протекал процесс развития города с момента его сложения и до начала XIX столетия включительно.

В первые годы раскопочных работ М. Е. Массон снял план городища разработанным им методом археолого-топографического поднятия по данным микрорельефа и по растительному покрову на нем. Это оказалось весьма своевременным, так как вскоре сооружение Каракумского канала позволило осуществить интенсивное освоение обширных заброшенных земель старого орошения, причем десятки квадратных километров пригорода Мерва в пределах стены его городской округи оказались занятыми хлопковыми полями соседнего колхоза, а также садами, огородами и застройками вновь созданного плодоовощного совхоза. Таким образом, план М. Е. Массона является в своем роде единственным историческим документом, поскольку на нем запечатлена утраченная теперь историческая топография с показом элементов былой планировки в виде улиц, каналов, кварталов и отдельных сооружений.

При разрешении крупных исторических проблем специальные выездные группы XVIII отряда ЮТАКЭ осуществляли разведочные марш-

руты по всему району низовьев Мургаба. Так, ими были получены десятки неопровержимых закономерно запечатленных в развалинах былых населенных пунктов археологических фактов, наглядно свидетельствующих о наличии суровых последствий кризиса рабовладельческой формации, охватившего Маргиану в целом с конца III в. н. э. и продолжавшегося на протяжении почти всего IV в. Как выяснилось, сам Мерв тяжело перенес пору кризиса, но все же легче, чем ряд окружавших его мелких городов и селений, из которых не все благополучно оправились от него. Некоторые из них возродились по соседству на новом месте, а некоторые навсегда прекратили свое существование.

В настоящее время Мерв археологически изучен лучше всех других древних городов на территории республик Средней Азии. Некоторые ранее не известные науке и установленные ЮТАКЭ моменты в периодизации его многовековой истории отражены во вступительной статье к XII тому Трудов ЮТАКЭ[1].

Большое количество вещевых археологических материалов и графической документации, полученных при закладке в ряде пунктов стратиграфических шурфов и при осуществлении на самых разнообразных объектах раскопок, позволило ЮТАКЭ приступить к выполнению большой сводной работы по составлению культурно-исторических и археологических таблиц по Мерву и его области в пределах границ Маргианы за все эпохи до середины XIX в. Намечено публиковать их отдельными выпусками по мере изготовления с приложением краткого пояснительного текста. Каждая таблица включает планы Мерва соответствующей эпохи некоторых современных ему маргианских городков, селений, крепостей, планировки отдельных кварталов, чертежи, характерные для эпохи архитектурных памятников и жилых домов, керамических (иногда и кирпичеобжигательных) печей с предметами их мелкого припаса и продукции, наиболее типичных предметов утвари, инструментов, украшений, скульптуры, монеты и т. д. По другим республикам Средней Азии подобных работ нет, и приоритет составления первого такого капитального труда, как и в ряде других случаев в области археологии, остается за Туркменистаном.

В дальнейшем после окончания проводящихся ЮТАКЭ на некоторых мервских раскопочных площадках земляных работ предстоит завершение монографии по общей исторической топографии Мерва.

Настоящий же том Трудов ЮТАКЭ посвящен в основном ряду обнаруженных и изучавшихся объектов очень индивидуальных, а вместе с тем важных для исследований близких групп памятников не только Туркмении, но также прочих Среднеазиатских республик и сопредельных стран Востока.

Учитывая серьезность проблемы взаимоотношений населения земледельческих оазисов и кочевой степи, вопрос об отыскании следов Маргианской районной стены, возведенной в III в. до н. э. по распоряжению Селевкида Антиоха I, был включен академиком В. В. Струве и М. Е. Массоном еще в план предполагавшейся Парфянской историко-археологической экспедиции и представлен в 1943 г. президиуму Академии наук СССР. Позднее в двух местах севернее Байрам-Али почти на границе песков остатки этой стены в виде оплывшего земляного вала были найдены в 1946 г. IV отрядом ЮТАКЭ, возглавлявшимся

---

[1] *Массон М. Е.* К изучению прошлого Старого Мерва.— «Труды ЮТАКЭ», т. 12. Ашхабад, 1963, с. 7—19.

С. А. Вязигиным. С проведением Каракумского канала началось энергичное освоение площадей под посевы хлопка. Создалась угроза утраты для науки уцелевших еще кое-где, но не зафиксированных специалистами следов указанной стены. Поэтому в 1960 г. ЮТАКЭ было срочно организовано дальнейшее их изучение, порученное археологу Л. Н. Мережину, который проследил ее на протяжении около 71 км, нанес на план и осуществил некоторые археологические разрезы. Специальной исследовательской статьи об этом представлено не было, а сам Л. Н. Мережин вскоре покинул Среднюю Азию. Поэтому в данном томе публикуется составленный им полевой отчет, который интересен для науки, поскольку в нем содержится немало конкретных данных о следах стены на всем выявленном ее протяжении с северной стороны. Последнее составляет несколько менее одной трети ее былой окружности, которая, по словам Страбона, равнялась якобы 1 500 стадиям. Членам Общества охраны памятников истории и культуры Туркменистана было в качестве специального им задания поручено искать остатки Маргианской районной стены в южных районах.

Статья Г. А. Пугаченковой «К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы» затрагивает дискуссию о вскрытых ЮТАКЭ парфянских постройках: «круглом» здании, возвышавшемся на гребне стены у южных крепостных ворот Эрк-калы в Мерве, Квадратном зале и Башенном храме Старый Нисы. Автор определяет первое как дворец-форпост парфянских правителей Мерва; второй — как аудиенц-зал аршакидской ападаны «Митридатокерта»; третий — как башнеобразный храм, связанный с династическим культом Аршакидов. Приводимые доводы показывают несостоятельность выдвигавшейся Г. А. Кошеленко в ряде публикаций интерпретации всех этих памятников как зороастрийских храмов огня, обосновывая это квадратной формой залов, коридорообразным обводом эрккалинского здания (хотя такие залы и обводы не менее типичны для гражданских зданий той поры) и мнимым сходством огромного нисийского храма с нурабадской башенкой (сама храмовая функция которой гипотетична). Статья Г. А. Пугаченковой поднимает и более широкую проблему архитектурной типологии восточнопарфянского зодчества. Привлекая обширный комплекс памятников, автор дает анализ их архитектурной типологии, устанавливая, в частности, чрезвычайную близость ее с типологией Восточной Парфии, Бактрии и античного Согда.

Исследование М. И. Филанович посвящено обнаруженным ЮТАКЭ за разные годы на мервском городище Гяур-кала любопытным и пока уникальным терракотовым, по ее определению, курильницам, из которых две добыты в слоях III—IV вв. и одна—в слое V—VI вв. Путем сопоставления с рядом археологических объектов и с их изображениями из Передней Азии, Месопотамии, Ирана, Индии, Дахистана, Анау, Узбекистана и Хорезма автор устанавливает наличие двух типов культовых курильниц Древнего Востока и Средней Азии. Давая подробный анализ форме и декору трем гяуркалинским башнеобразным курильницам, найденным в руинах жилых домов Мерва поры античности и раннего средневековья, М. И. Филанович приходит к выводу, что они стилизованно передают архитектурную форму былых мервских храмовых башен огня.

П. Г. Булгаков, еще будучи молодым ленинградским арабистом, неоднократно принимал участие в работах ЮТАКЭ с 1955 г. и по линии экспедиции до 1963 г. были уже опубликованы четыре его работы. В на-

стоящем томе профессор П. Г. Булгаков со своей ученицей Б. А. Вахабовой выступает со статьей «Средневековые ученые Мерва». В ней приводятся сведения о целой плеяде ученых, проживавших в феодальном Мерве после арабского завоевания до монгольского нашествия и являющихся авторами ряда трудов по различным отраслям Нельзя при этом не вспомнить, что среди уроженцев Мерва еще в пору вхождения его в состав государства Сасанидов имелось немало лиц «выдающихся дарований и образованности», а такие из них, как врач Барзуе, Бузурджимхр и певец-музыкант Барбуд, пользовались широкой известностью даже много столетий спустя.

Среди встречающихся на территории Южного Туркменистана археологических памятников феодального времени специфическую группу представляют намогильные мусульманские кирпичи с арабскими эпитафиями. Прежде на них не обращали должного внимания. До ЮТАКЭ им не было посвящено ни одной работы, а в печати о них вообще не упоминалось. Между тем эти оригинальные объекты интересны не только с точки зрения эпиграфики. При всей краткости содержащихся в эпитафиях сведений они выступают как документы, в которых заключены некоторые данные о составе местного общества за тот или иной отрезок времени, не запечатленные в других письменных источниках. На протяжении многих лет осуществлялся их поиск, регистрировалось местонахождение, снимались эстампажи и фото, а в ряде случаев собирались, что спасло многие из них от утраты для науки. Результаты всестороннего изучения указанных объектов из Марыйской области отражены в нашем специальном исследовании, включенном в данный том. Оно является первой сводной публикацией не только по Туркмении, но вообще для всех прочих республик Средней Азии. В настоящее время фонды Ашхабадского музея истории благодаря сборам ЮТАКЭ обладают единственной в своем роде коллекцией из нескольких десятков указанных намогильных кирпичей. Хочется надеяться, что изучение их по примеру Туркменистана начнут специалисты Таджикистана и Узбекистана, где встречаются аналогичные памятники в ряде случаев иных типов, особенно для XI—XII вв.

В соответствии с § IV «Положения об ЮТАКЭ», предусматривающим особое внимание к памятникам материальной культуры Туркменистана эпохи XI—XII вв., XVIII отряд ЮТАКЭ на протяжении нескольких лет осуществлял на территории мервского городища Султан-кала и обоих обводов исследование руин жилой архитектуры данного периода. При этом экспедиция не ограничивалась изучением сохранившихся на поверхности земли их остатков, а производила по мере возможности археологические вскрытия.

Изучение древних отвалов брака керамического производства никогда и нигде не было темой самостоятельного исследования. В этом отношении ЮТАКЭ еще раз оказалась пионером в постановке такой проблемы при многолетней разведке пригородного квартала гончаров к западу от Султан-калы. Масштабам городища Мерва оказались под стать и исключительно крупные размеры некоторых отвалов, накопленных кулялями на протяжении столетий. Поскольку упомянутая археологическая работа проводилась впервые, пришлось продумать некоторые наиболее целесообразные приемы методики при осуществлении вскрытий отвалов, включая вопросы учета огромного материала по типам, размещения его на площадках «полевого музея» (повторявших в некоторых случаях контуры проделываемого разреза) и т. д. Помещен-

ная в настоящем томе статья Л. И. Жуковой «Стратиграфическое изучение средневековых керамических отвалов в западной части Мервского рабада» очень наглядно отражает ее работу по этой теме в течение трех полевых осенних сезонов 1960—1963 гг., когда ею были подвергнуты исследованию три отвала. Самый большой из них, напоминающий по внешности высокий бугор, вытянутый с востока на запад, имел в основании длину 70, а в ширину до 50 м. Полученные результаты показали полную рентабельность изучения керамических отвалов тем, что они дали массовый керамический материал, в том числе высокохудожественной продукции (в частности по изящной штампованной безглазурной керамике). Исключительно большое количество обнаруженных разнообразных и разновременных предметов мелкого печного припаса позволило выявить ряд деталей в технике керамического производства и ее эволюции во времени. Уточненные стратиграфические наблюдения за слоями, содержавшие фрагменты с именами мастеров, чьи печи были уже раскопаны ЮТАКЭ в разных местах изучаемого квартала керамистов, дали возможность установить одновременность работы ряда гончаров. Из вопросов более широкого плана особенно важны полученные новые факты по исторической топографии и истории самого квартала с момента его обживания как пригородной территории.

Мероприятия по осуществлению работ четвертой очереди строительства Каракумского канала вызвали в кругах связанных с этим лиц повышенный и частично практический интерес к прошлому подлежащих орошению земель Древнего Дахистана. ЮТАКЭ отреагировала на это статьей «Орошение Мешед-и Мисрианского района и познание его прошлого», опубликованной в журнале «Памятники Туркменистана» (1971, № 1).

Совершенно очевидно, что едва ли удастся опубликовать в виде статей все многочисленные открытия и наблюдения, сделанные во время маршрутных исследований и стационарных работ ЮТАКЭ за время ее деятельности. Вместе с тем все, кто так или иначе связан с изучением прошлого Туркменистана, весьма положительно встречают краткие сводки о проделанных экспедицией работах за тот или иной год в течение полевых сезонов. Учитывая это, в конце настоящего тома помещается очередная статья научного руководителя экспедиции «Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ 1955—1957 гг.».

Л. Н. МЕРЕЖИН

ОБСЛЕДОВАНИЕ РАЙОННОЙ СТЕНЫ III в. до н. э ВОКРУГ МАРГИАНЫ

(полевой отчет IV отряда ЮТАКЭ)

Сведения о районной стене вокруг плодородных земель Маргианы по нижнему течению Мургаба приведены в «Географии» Страбона. Этот автор начала I в. н. э. писал, что она была возведена по распоряжению Антиоха I Сотера (280—261 гг. до н. э.), второго представителя династии Селевкидов, и длина ее равнялась якобы 1500 стадиям, т. е. около 250 км. Стена давно пришла в упадок, следы ее были видны еще в X в., причем Истахри считал, что эта стена, называвшаяся в ту пору ар-Рай, охватывала все городские поселения тогдашних мервских рустаков.

В 1929 г. во время первой экспедиции в Туркмению М. Е. Массон слышал от местных жителей, что туркмены Байрам-Алийского района знают о тянущемся в северной его части земляном вале, который они именуют «чиль», тянущийся на много километров. В 1932 г. Среднеазиатским аэрофотогеотрестом при съемке культурных земель по Мургабу были засняты на двух планшетах отрезки какого-то вала к северо-северо-западу и к северо-северо-востоку от Байрам-Али на протяжении 22 км. В 1939 г. А. А. Марущенко при рекогносцировочном обследовании Марыйской области видел примерно в 30 км севернее Байрам-Али какой-то вал и предположил, что это оплывшая районная стена Маргианы.

Чтобы выяснить, являются ли указанные отрезки валов подлинными следами стены III в. до н. э., ЮТАКЭ в первый же полевой сезон в 1946 г. выделила специальный маршрутный отряд из пяти человек, возглавлявшийся С. А. Вязигиным. Проведенная им разведка зафиксировала на месте несомненные остатки древней маргианской стены, которые удалось проследить с северо-восточной стороны культурных земель низовьев Мургаба на протяжении 8 км, а с северо-западной — 22 км. Они тянулись в виде вала высотой от 1 до 3 м, представляя собой

оплывшую, некогда большую стену, выведенную из пахсы. Разведочный раскоп одного из крупных бугров на валу и все сделанные в разных местах наблюдения показали, что отряд обследовал именно районную стену Маргианы.

Для археолого-топографического изучения низовьев Мургаба М. Е. Массон в разные годы неоднократно пересекал в северных районах остатки этой стены у Яз-депе, у городища Хурмузфарра и в других местах. В частности, в 1950 г. в 1,5 км севернее Мунон-депе было замечено, что к юго-западу от дороги вал стены III в. до н. э. был использован в парфянское время на некотором расстоянии для проведения по нему арыка к Гебеклы-депе. К северо-востоку же до самого горизонта тянулась беловатая полоса вровень с прилежащей поверхностью такыра. На ней не росли ни колючка, ни солянка, что характерно для археологического микрорельефа древних туркменистанских поселений в местах, где залегают былые пахсовые кладки. Проход вдоль этой полосы показал, что кое-где на ней самой и непосредственно рядом лежат фрагменты античной керамики, в частности куски от хумов для воды. Было совершенно очевидно, что здесь на большом протяжении былая стена под влиянием выветривания сохранила лишь свое основание на уровне поверхности такыра.

Проводившиеся М. Е. Массоном в середине 50-х гг. опросы местного населения показали, что старики туркмены хорошо знают этот «чиль», но имеют о его размерах неправильное представление. По словам одних, он тянется с перерывами до Каахка, другие утверждали, что он вообще представляет одно целое с валами «мерз» вдоль северных предгорий Копетдага почти до Ашхабада, а далее по Гюргену в пределах Ирана. Лишь немногие ограничивали его только пределами Мервского района. Время же сооружения «чиля» связывали с правлением сельджукидского султана Санджара. По словам Нурмухаммеда-юлчи, много лет участвовавшего в разъездах М. Е. Массона в качестве проводника, некий Хиляки (нетуркмен) прибыл в Мервскую область, чтобы схватить Санджара, а чтобы тот не убежал, дал распоряжение окружить ее стеной. Отсюда произошло название «Хилякин-чиль». Так, преломился в народных преданиях эпизод с пленением Санджара гузами. От некоторых стариков пришлось услышать и более прозаическое истолкование появления «чиля», который якобы представляет остатки насыпи для железнодорожного полотна и свидетельствует о том, что здесь еще задолго до прихода русских уже была железная дорога. К 1960 г. ирригационное строительство и освоение земель древнего орошения под посевы хлопка в Марыйской области приняли очень большие размеры. Учитывая это, ЮТАКЭ решила немедленно продолжать обследования остатков районной стены Антиоха I Сотера, которым грозило уничтожение. Начальником вновь организованного IV маршрутного отряда был назначен автор настоящего отчета. Отряд работал с 19 октября по 2 ноября. Базируясь на Старо-мервском лагере ЮТАКЭ, автор совершил несколько выездов на грузовой машине с шофером Касымом Ахадовым и проводником Нурмухаммедом-юлчи вдоль сохранившихся отрезков Хилякин-чиля с северной и частично с восточной стороны былого оазиса Маргианы. Кроме того, 8 ноября во время обследования XVIII отрядом ЮТАКЭ развалин Кушмейхана (Старый Кишман) автор с тремя коллекторами-студентами осуществил к северо-западу от этого городища археологический разрез вала в 10 м от предполагаемой башни.

В северо-восточной части Мервского оазиса крайний пункт, где в 1960 г. обнаружен остаток районной стены, оказался расположенным в 6,5 км к северо-востоку от Одунчи-депе. Здесь сразу же за каналом по древнему валу проложен арык для огородно-бахчевого поля. Начинается этот арык у канала, идущего с запада на восток по северному краю хлопкового поля. Сам арык тянется по валу на протяжении 2,5 км, затем пересекается еще одним каналом, идущим с юга на север, за которым уже нет огородно-бахчевого поля, а районная стена идет по закрепленным пескам в виде вала (1 км) по прямой линии на северо-восток. На этом участке вал возвышается от 0,75 до 1 м при ширине оплыва от 35 до 40 м, потом делает поворот на северо-северо-запад и тянется прямолинейно на 1,5 км. Затем чиль отклоняется на север и идет прямолинейно 4,5 км. С внутренней стороны огороженного пространства в 5 м от поворота районной стены расположен холм, условно названный «башней». Высота его 3, диаметр около 6 м. Отрезок стены длиной 4,5 м, также проходящий по закрепленным пескам, имеет вид вала, возвышающегося над прилежащей местностью от 0,75 до 1,5 м, а иногда исчезающего под надувным песком. Делая легкий поворот на северо-северо-запад, чиль идет 2 км прямолинейно, возвышаясь на 1—1,5 м над такыром. В средней части от стены отходит на восток прямой шлейф-вал, который удалось проследить на 0,6 км. Дальше начинаются большие пески. С. А. Вязигин в 1946 г. проследил вал на протяжении 2 км. Делая поворот на северо-северо-восток, районная стена идет по пескам прямолинейно на 4 км. Шлейф на восток от чиля находится восточнее Убайдош-депе в 3 км. В 4 км на северо-восток от Убайдош-депе вал прерывается на 35—40 м. По-видимому, здесь некогда были ворота, проем которых затем расширился в результате размывов водой. У этого проема вал возвышается на 4, а на всем протяжении данного отрезка поднимается на 2,5—3 м над уровнем прилежащей местности. Здесь с обеих сторон вала идут закрепленные пески. Ширина оплыва стены достигает 15—20 м. Предполагаемые ворота находятся в 4 км к юго-юго-востоку от городища Кушмейхан. Делая поворот на северо-запад, районная стена огибает пространство такыра в 2 км юго-восточнее в 1 км северо-восточнее Старого Кишмана примерно на протяжении 3,5 км. Здесь чиль тянется по пескам, возвышаясь от 0,5 м до 1 м над местностью. Местами же, наоборот, пески возвышаются по краям оплыва вала и образуют как бы канаву шириной в 1,5—2,0 м, дном которой в таких случаях служит сам вал. Севернее городища Старый Кишман стена теряется на обширном такыре. Здесь ее пересекают две грунтовые дороги, первая — восточнее и вторая—западнее упомянутого городища. В 2 км северо-западнее его чиль появляется вновь и идет прямолинейно до деревянного репера на отрезке в 5,5 км. В 2 км к северо-западу от Старого Кишмана имеются остатки «башни», которые в виде бугра возвышаются над валом на 0,75 м. Последний на этом участке имеет высоту 1,5 м. В 20 м западнее «башни» 8 ноября Мережиным сделан разрез через стену. Ширина ее у основания определилась в 4 м. Сложена она из пахсы, сохранившейся на высоту 1,5 м. Величину пахсовых блоков выяснить не удалось. Между «башней» и деревянным репером остатки районной стены прослеживаются среди песков, возвышаясь на 0,5—1 м. Вал частично сливается с рельефом и дважды исчезает под песками. У репера, делая маленький поворот, он продолжается в таком же виде, исчезая под песком, через 4 км делает хорошо заметный поворот на запад с некоторым отклонением на юг. Перед поворотом стена пере-

секается грунтовой дорогой, идущей на северо-восток от городища Хурмузфарра. Угол поворота находится в 4,5 км к северо-северо-востоку от него. От Старого Кишмана до этого поворота вал частично сливается с рельефом, иногда прерывается барханными песками, но строго ограничен с двух сторон буйными зарослями саксаула. Ширина этой своеобразной «аллеи» саксаула колеблется от 3 до 4 м. После поворота на юго-запад районная стена идет прямолинейно по такыру, на который частично надвигаются пески и под которыми она кое-где исчезает. На этом отрезке в 4,5 км стену пересекают две теперешние грунтовые дороги, идущие на север от городища Хурмузфарра.

В 3,5 км северо-западнее Нового Кишмана вал стены делает поворот на юго-запад и через 300 м исчезает сначала на такыре, а затем в песках, в которые теперь вклиниваются посевы хлопка. Участки хлопка и огородно- бахчевых культур, среди которых имеются отдельные пространства, занятые песком, тянутся на протяжении 11 км. Остатки стены вновь появляются только в 2,5 км юго-восточнее Гебеклы-депе на левом берегу широкого вала, идущего с востока на запад к котловану у Гебеклы-депе и Яз-депе. На правом берегу этого канала проходит шоссейная дорога в совхоз «Байрам-Али». Выше по каналу, в 1,5 км от пересечения им чиля, находится новый бетонный мост. Вдоль дороги, на ее правой стороне, прослежен канал для орошения хлопкового поля. От него на северо-восток отходит русло арыка, проложенного по валу районной стены. Протяженность его по чилю 1,5 км.

На левом берегу большого канала, идущего к котловану, вал идет первые 0,5 км по хлопковому полю, затем по такыру, оставляя на севере от себя хлопковые карибы, а на юге — бахчевые и огородные поля. Он прямолинейно тянется в юго-западном направлении на протяжении 16 км до солидных остатков башни в виде четырехметрового по высоте бугра, расположенного на линии вала и несколько выступающего своими оплывами за его пределы. На данном отрезке остатков районной стены Маргианы до угла канала в 2 км северо-западнее Мунон-депе вал идет на протяжении 6 км. Высота его от 0,75 до 2 м. Последовательно с севера на юг он пересекается пятью каналами, из которых южный— самый большой. В 1960 г. он только еще проводится. Ширина его 15 м. Все эти современные каналы идут с востока на запад. Угол шестого канала, расположенного в 2 км северо-западнее Мунон-депе, лежит на линии нашего чиля, а его головное сооружение расположено у упомянутого депе. Начиная от угла этот канал идет по валу районной стены Маргианы на протяжении 700 м, затем отклоняется на север, оставляя чиль. На этом шестикилометровом отрезке Хилякин-чиль значительно поврежден бульдозерами. Однако в основном вал древней маргианской стены сохранился благодаря тому, что по нему проходит грунтовая дорога, обслуживающая хлопковые совхозные поля и бахчи по обе стороны вала.

За углом канала северо-западнее Мунон-депе вал тянется до полукилометра по такыру, затем среди хлопкового поля до бугра от развалин былой башни, расположенной в 8 км на юго-запад от Мунон-депе. По валу проходит в настоящее время грунтовая дорога, в некоторых местах проложенная то с южной, то с северной его сторон. В 3 км северо-восточнее башни чиль перерезают три канала. От самого южного из них берет начало небольшой канал, тянущийся параллельно валу с северной его стороны. От упомянутой башни Хилякин-чиль идет прямолинейно еще около 300 м, после чего хлопковые поля кончаются, а вал

следует на запад до Джара. В 0,5 км перед ним он теряется и его можно проследить только по вытянутой возвышенности, обильно поросшей янтаком и гребенщиком. Здесь обнаружен небольшой участок вала в 150 м, хотя он густо зарос янтаком. Этот участок чиля упирается на западе в большие барханы песка, которые через 1 км заканчиваются. Здесь также был выявлен небольшой участок вала в 250 м, прерывающийся огородно-бахчевыми грядками. В 2,5 км западнее барханов, у Кош-депе, обозначился угол районной стены, которая делает тут поворот на юго-запад, а затем опять теряется среди огородно-бахчевых грядок. После опроса местного населения выяснилось, что остатки Хилякин-чиля имеются также на землях пятой бригады колхоза «Совет Туркменистаны» (бывший колхоз им. Ворошилова). Здесь он идет по хлопковому полю.

Выехав на указанную территорию, отряд обнаружил среди хлопка вал Маргианской стены, возвышающийся на 0,5—0,75 м. На нем запашки не производили, и он сохранен на этом участке как местная дорога, обслуживающая обширные хлопковые поля по обе стороны вала. Кое-где он изрезан поперек плугом, при этом вал районной стены хорошо прослеживается на протяжении 4,5 км. В 4 км к юго-западу от угла у Кош-депе вал идет 1 км по парующему полю, где он еще виден. Дальше хлопковые поля трех колхозов идут непрерывно на протяжении 13 км от колхоза «Совет Туркменистаны» до центра Пешан-Али в 18 км севернее Мары. Поиски продолжения нашего вала в Сакар-Чагинском районе положительных результатов не дали, хотя местное население колхоза «Совет Туркменистаны» Марыйского района уверяло, что Хилякин-чиль якобы доходит до Теджена. На этом были прекращены работы IV отряда, которому удалось осмотреть на протяжении 70,9 км и нанести на схематический план остатки районной стены Маргианы, построенной Антиохом I Сотером.

В период работы отряда на участке районной стены между городищами Новый Кишман — Старый Кишман были собраны фрагменты керамической посуды раннеантичного времени. Подавляющее большинство их дает в изломе черепок красного цвета, глину хорошей отмучки и прекрасного обжига. В своей массе фрагменты располагаются на внутреннем пространстве оплывов вала в виде скопления на участках в 15—20 м, которые находятся друг от друга на расстоянии до 120—150 м. Преобладают черепки от корчаг, хумов и крупных горшков с подкошенными донными частями. Фрагменты кувшинов и кубков встречаются очень редко. На западном и восточном участках районной стены черепки керамических сосудов на оплывах вала отсутствуют, что объясняется наличием здесь мощного слоя более плотной пушонки. В районе же, где процесс выдувания протекал более интенсивно, в оплывах стены оказался обнаженным упомянутый керамический материал.

В 3 км к северо-северо-западу от городища Новый Кишман, в 20 м южнее остатков Хилякин-чиля, обнаружены оплывшие остатки квадратного в плане сооружения 20×20 м, от наружных стен которого остались только валы до 1 м высоты. Внутренность этого сооружения изобилует большим количеством человеческих костей, где в массе имеются и черепа. Вероятно, это зороастрийская дахма, или наус жителей ближайшего городка Хурмузфарра.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ТИПОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ МЕРВА И НИСЫ

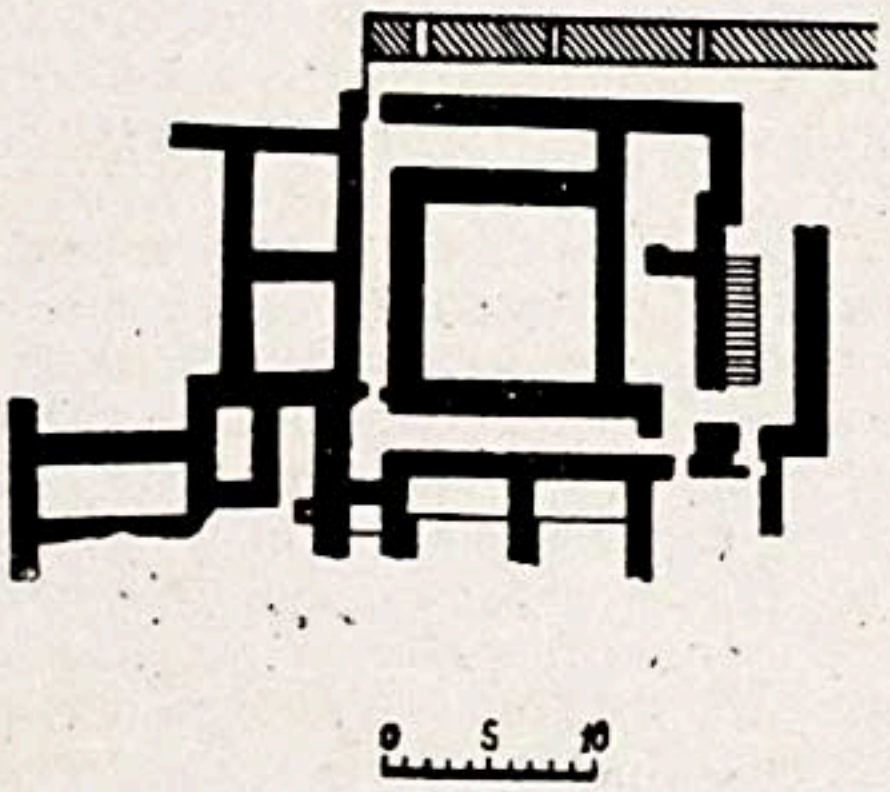

Рис. 1. Эрк-кала. Замок-форт.

С 1955 по 1959 г. на самом возвышенном участке южного гребня стен Эрк-калы З. И. Усмановой осуществлялись раскопки здания парфянской эпохи, сырцовые стены которого сохранились на высоту до 5—6,5 м (рис. 1). На основе монетных находок и иных археологических данных было установлено, что его возведение падает на I в. до н. э. и функционировало оно вплоть до III в. н. э., подвергаясь за это время некоторым ремонтам и перестройкам[1].

Здание возведено на древней крепостной стене на высоте 26 м от подошвы, в том участке античной цитадели, где вдоль самой стены тянулся к единственным воротам пандус, позволявший подниматься не только пешком, но на конях и, вероятно, на колесницах. Материалом для стен служил крупноформатный квадратный сырец. Перекрытия большепролетных помещений были в основном балочными, но коридоры, по-видимому, перекрывались сводами. Длинная внутренняя лестница вела на крышу, которая служила отличным обсервационным пунктом (она возвышалась до 35 м над городом и его округой) и также использовалась в обороне. Стены помещений оштукатурены глиной и побелены ганчем. В оплывах южного фаса крепостной стены найдены мелкие фрагменты разноцветных штукатурок[2], входившие в декор каких-то несуществующих, воз-

можно, более поздних построек, так как в интерьерах описанного парфянского здания ни на стенах, ни в завалах они не обнаружены[3].

Первоначально сооружение включало квадратный зал (8,6 м в стороне), охваченный с трех сторон кулуаром и примыкавшим с восточной стороны продолговатым помещением; вдоль южного коридора располагалось еще четыре комнаты. Позднее его значительно расширили пристройкой добавочного коридора с северной стороны, а также пяти новых помещений — с западной и пяти — с восточной. Последний строительный этап отмечен усилением стен коридоров путем их сплошной обкладки. В III в. при первых Сасанидах все помещения были сплошь забутованы сырцовым кирпичом и глиной, а постройка преобразована в платформу нового форта с боевыми площадками и оборонной стенкой с бойницами.

Исходя из характера планировки, размеров, археологического инвентаря и стратиграфических наблюдений научный руководитель экспедиции М. Е. Массон и производитель раскопок З. И. Усманова пришли к заключению, что парфянское здание в Эрк-кале представляет античный памятник гражданской архитектуры, выполнявший функцию «мощного замка» (М. Е. Массон)[4] или «дворцового замка парфянских правителей Мерва» (З. И. Усманова)[5].

Иную точку зрения отстаивал Г. А. Кошеленко. На основании того, что центральный зал эрккалинского здания с обводными коридорами напоминает иранские храмы огня ахеменидского времени в Сузах, селевкидо-парфянского — в Персеполе, Кухи-Ходже, Хатре, Нисе и кушанский храм в Сурх-Котале, он пришел к заключению, что это был зороастрийский храм огня и само здание объединяло храмовые и дворцовые функции[6].

Интерпретация эта вызывает большие сомнения. Прежде всего невозможно представить, чтобы сасанидский наместник Мерва пошел на такое святотатство, как уничтожение зороастрийского храма и преобразование его в платформу, которую буквально и фигурально будут топтать солдатские сапоги. Никаких признаков храмового использования зала — основания алтаря, скопления или хотя бы следов пепла — при археологических раскопках не обнаружено. Архитектура его строга и лишена какого-либо декора. Единственным аргументом Г. А. Кошеленко остается квадратная форма зала и обводной коридор. Но присущи ли они только храмам?

В науке иногда укореняется определенное традиционное мнение, которое кочует из публикации в публикацию и тем самым закрепляется как неоспоримо доказанное. Так и выдвинутое некогда У. Моннере де Вилларом[7] и поддержанное К. Эрдманом[8] определение зданий древней иранской архитектуры в виде квадратного зала в обводном кулуаре как храмов прочно вошло в литературу и повторялось в последующем большинством исследователей.

Между тем археологическое изучение античных памятников на территории Восточной Парфии, Бактрии и Согда ныне дает неоспоримые доказательства того, что наряду с использованием данной композиционной схемы в храмовых постройках, она широко применялась в зданиях гражданской архитектуры. Более того, на наш взгляд, она сформировалась первоначально именно в гражданской архитектуре, откуда перешла в культовое зодчество.

Рассмотрим некоторые памятники этого рода. Южный отдел огромного административно-дворцового здания III—II вв. до н. э. на греко-

бактрийском городище Ай-Ханум (Северный Афганистан) имеет обширный зал и многокомнатный портик в охвате коридоров и разнообразных помещений (рис. 2)[9]. Планировку расположенного там же крупного жилого дома той же эпохи характеризует центральный зал-гостиная (михманхана в среднеазиатской терминологии), обведенная коридором, вдоль которого следуют многочисленные бытовые помещения[10]. Вариант подобной же планировочной схемы дает кушано-бактрийский жилой дом I—II вв. на городище Дальверзин-депе (Южный Узбекистан)[11]. Нередко кулуар заменяют системой продолговатых комнат: такова планировка жилых домов, один из которых раскопан в парфянском селении Гарры-Кяриз (датировка его II—I вв. до н. э.)[12] (рис. 6Б), а другой — в согдийском селении Кизыл-Кыр (I в. н. э.)[13] (рис. 6А, Б).

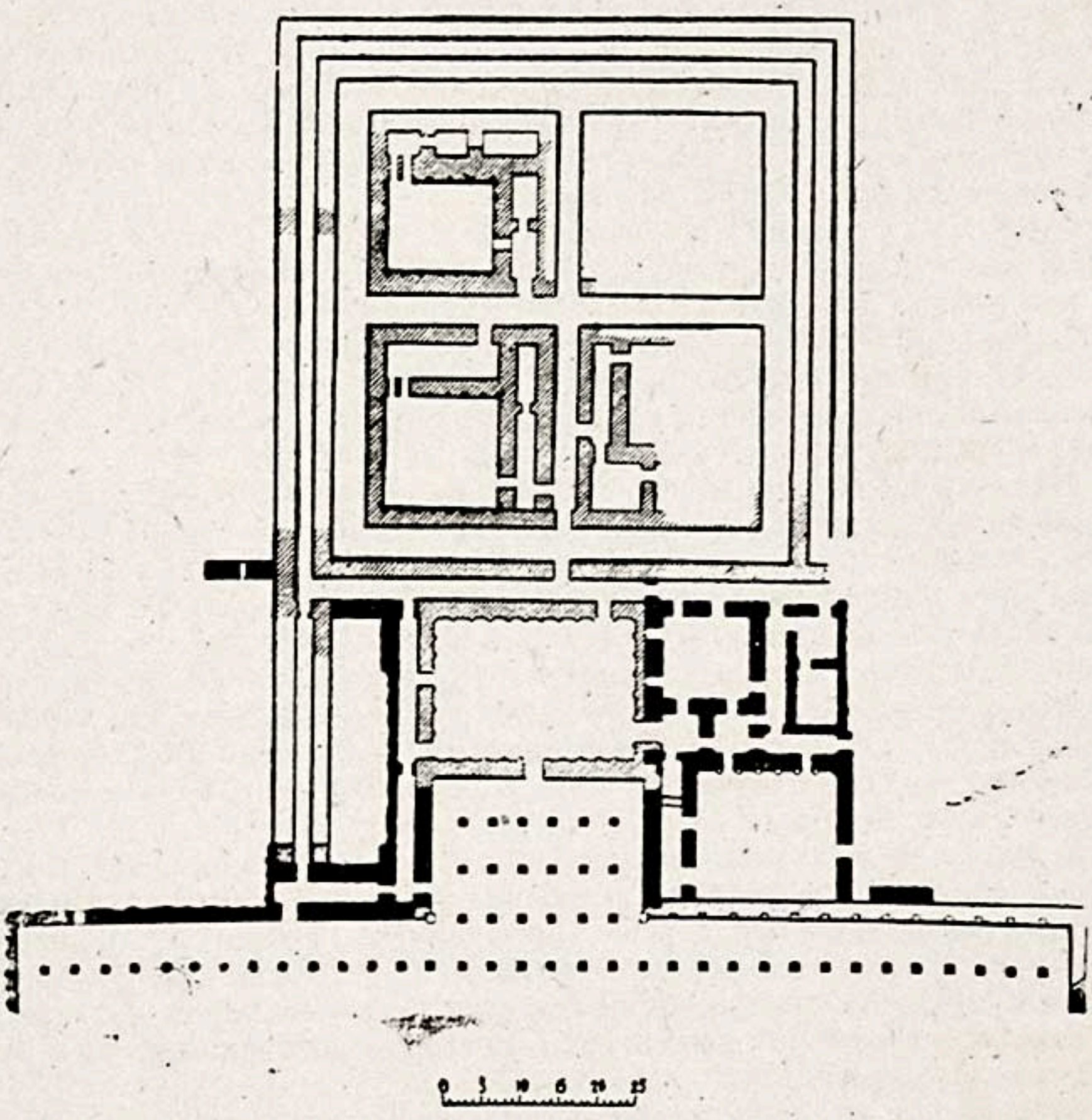

Рис. 2. Ай-Ханум. Административно-дворцовое здание.

Аналогичный планировочный прием входит и в архитектуру крупных крепостных сооружений. Греко-бактрийский дворец-форт на городище Айртам (рис. 9А) включает 14-метровое центральное помещение (зал или скорее внутренний дворик), коридоры и комнаты которого представляли глухие казематы[14]. Позднекушанский форт в Беграме невелик по размерам и потому его центральный зал или дворик (прямо-

угольной формы, с двухколонной возвышенной суфой) обведен помещениями без соединительного коридора[15] (рис. 6 Г).

И, наконец, постройки культового назначения. В бактрийской и парфянской архитектуре вырабатывается типология святилища с квадратным залом, охваченным с трех либо с четырех сторон коридором, причем последний нередко расчленен перегородками на отсеки в виде длинных комнат. Таков один из парфянских храмов в Мансур-депе близ Нисы[16] (рис. 4А), таковы храмы кушанского времени в Северном Афганистане — святилище Канишки и храм В в Сурх-Котале[17] (рис. 4 В, 6 В), храм на городище Дальверзин[18] (рис. 4 Б). Та же композиционная схема и в молельнях скального (буддийского) монастыря II—III вв. на холме Кара-Тепе в Термезе[19] (рис. 4 Г). Но характерно, что схема зала в обводе анфилады продолговатых комнат применена и в постройке ансамбля Сурх-Котала (рис. 6 Д), имевшей служебное назначение[20].

Таким образом, если планировочная система зала в обводе коридора или анфилады продолговатых комнат присуща как культовым, так и гражданским постройкам Бактрии, Восточной Парфии и Согда, то схема—зал в охвате разнообразных комнат и коридора (а при небольших размерах постройки и без него) присуща архитектуре жилых домов, дворцов и фортов. К этой категории принадлежит и планировка здания в Эрк-кале. Возведенный на южном гребне ее форт играл роль главного бастиона в крепостной обороне античной цитадели. Это был замок, господствовавший над всем античным городом и его округой и защищавший крепостные ворота цитадели и пандус, который к ним вел. Квадратный же зал его служил местом сбора, трапез, совещаний, возможно, и молений пребывавшего здесь гарнизона, куда, вероятно, являлся и сам правитель Маргианы, проживавший внутри могучих укреплений Эрк-калы.

Говоря о храмовой функции эрккалинского форта, Г. А. Кошеленко ссылается, в частности, на Квадратный зал южного архитектурного комплекса Старой Нисы, который считает храмом огня[21]. Поскольку такое истолкование Квадратного зала повторено им уже в ряде публикаций, считаем необходимым вновь вернуться к вопросу — что же представлял собой Квадратный зал?

Данные археологических вскрытий и архитектурных исследований зала, осуществлявшиеся ЮТАКЭ в 1946—1949 гг., опубликованы[22]. Изучение его еще в первые годы работ экспедиции позволило сделать вывод, что это был приемный зал дворца правителей Парфиены, оформленный портретными статуями старших Аршакидов, который позднее, освященный временем и памятью о родоначальниках династии, обрел сакральные функции «дома обожествленных предков». Обоснованием к интерпретации этой постройки прежде всего как дворцового аудиенц-зала являлись его архитектура, общность с четырехстолпными залами парфянских дворцов Ашура и Ниппура, открытый характер всей композиции, поскольку зал имел три обширных внешних входа с западной стороны и один — с восточной (где впоследствии появились подсобные комнатки типа кордегардий) и проход в смежное северное помещение с красной панелью, между тем как для храмов ираноязычного мира присуща, как правило, изоляция святилища.

Г. А. Кошеленко аргументирует свое утверждение, будто Квадратный зал являлся храмом огня парфянского времени, где возжигался огонь в честь божественных предков, следующими соображениями.

1. Ниса не была столицей Аршакидов, следовательно, в ней вряд ли был аудиенц-зал. 2. Квадратная форма зала характерна для храмов огня ахеменидского, парфянского, кушанского и сасанидского времени. 3. В парфянское время наблюдается упрощение структуры храмов, чем якобы объясняется отсутствие вокруг Квадратного зала обводного коридора, трехпортальные же входы были распространены не только в дворцовой, но и в храмовой архитектуре (Кухи-Ходжа, Сурх-Котал, храм А в Ашуре). 4. При входе в Квадратный зал (в другом месте сказано, что в самом зале) обнаружен каменный алтарь[23].

Приведем контраргументы к этим доводам:

1. Если Ниса и не была столицей Аршакидов, то она была их родовым гнездом, имела основанный Митридатом I укрепленный «царский город»—Митридатокерт (городище Старая Ниса), который в течение нескольких веков служил резиденцией наместника, управлявшего Парфиеной и принадлежащего к правящей династии. В его распоряжении, несомненно, был дворец с аудиенц-залом, в котором осуществлялись торжественные приемы. Прямое подтверждение существования такого дворца дают парфянские хозяйственные документы из Старой Нисы, писанные на черепках. На двух из них названы подчиненные Митридатокерту имения — Ападанак и Ападана-Новак[24], то есть как бы принадлежавшие дворцовому ведомству. Термином «ападана» еще в ахеменидском Иране именовали парадные царские дворцы для церемониальных приемов, которые имели иные функции, нежели дворцы, предназначенные для интимной жизни — таджара. Те и другие представлены в ансамбле построек Персеполя (VI—IV вв. до н. э.), причем если строительные принципы их почти едины, то общекомпозиционный облик существенно иной[25]. Таджара — это многокомнатные здания с небольшим центральным залом, в то время, как в Большой и Стоколонной ападанах Персеполя господствует огромный приемный зал. Таковым был и старонисийский Квадратный зал, хотя архитектура его во всех своих чертах уже принадлежит иному, античному мировоззрению парфянской архитектурной школы[26].

2. Квадратные залы, как было показано выше, в античную пору на Среднем Востоке входили в архитектуру жилых домов, дворцов, крепостных сооружений и культовых построек; применение их в храмах — лишь частный случай.

3. Упомянутые «трехпортальные входы», якобы присущие храмам, ничего общего с системой входов Квадратного зала не имеют, ибо в Нисе все три обширных западных входа, а первоначально еще и восточный открывались извне прямо в зал. Между тем в Кухи-Ходжа и Сурх-Котале в целлу снаружи ведет единственный вход, а два других — в обводные коридоры, что же касается храма А в Ашуре, то у него вообще вход только один[27]. Даже если считать, что в парфянскую эпоху структура храмов была упрощена (?) в них сохранялась изоляция от внешнего мира, вызванная запросами самой религии. В целлу восточно-парфянских и бактрийских храмов попадали через дверной проем либо из приподнятого на платформе обводного колонного портика (парфянский храм в Новой Нисе[28], святилище Канишки в Сурх-Котале), либо из обводного кулуара (храм В в Сурх-Котале, Кухи-Ходжа[29]).

Показательно, что Квадратный зал Старой Нисы расположен в комплексе с чисто дворцовой группой помещений, включающей дворики с колонными портиками, небольшие комнатки, в числе которых непосредственно примыкающее к залу хозяйственное помещение с пифо-

сами-хумами для воды или вина и кухонными остатками. Между тем сакральная группа того же южного комплекса Старой Нисы — Круглый храм и Башенный храм — изолированы длинными обводными коридорами, имея при них лишь несколько небольших служебных комнаток[30].

4. Что касается небольшого каменного алтарика из Старой Нисы, то найден он не в Квадратном зале, а в древних отвалах (отдельно ступенчатое основание и биконическая часть). Был ли он уже в древности выброшен из Круглого либо Башенного храма или из Квадратного зала — неизвестно. Впрочем, последнее не исключено: можно допустить, что в пору, когда Квадратный зал становится местом воздавания почестей статуям предков, располагавшимся в верхнем ярусе его стен, здесь совершались какие-то церемонии воскурения священных трав или возжигание светильника. Но сам алтарик настолько невелик (около 25 см в диаметре), что он никак не мог обслуживать «храм огня». Кстати, при тех тщательнейших расчистках, которые осуществлялись археологами ЮТАКЭ в Квадратном зале и в смежном продолговатом помещении с красной панелью, никаких следов ни пирея, ни пепла не обнаружено. Уместно напомнить в этой связи об огромном скоплении пепла в храме В Сурх-Котала, где действительно возжигался священный огонь[31].

Таким образом, все объективные данные подтверждают дворцовое в своей основе назначение Квадратного зала, который можно с полным правом именовать «аршакидской ападаной» Митридатокерта.

Третьим памятником, ставшим предметом дискуссии, является так называемый Башенный храм II в. до н. э. в южном комплексе Старой Нисы[32] (рис. 5 А). Он представляет сплошной сырцовый массив 20×20 м при шестиметровой высоте, охваченный по периметру сводчатым коридором, с трех сторон которого позднее был возведен еще один. Массив этот служил платформой второго этажа, где располагалось центральное помещение и может быть имелись еще какие-то комнаты или кулуары.

Храмовое назначение этой постройки ни у кого из исследователей сомнений не вызывало. Что касается его архитектурной идеи, то она невольно воскрешает в памяти массивы древних зиккуратов (напомним хотя бы зиккурат в Чога-Занбиль, раскопанный Р. Гиршманом, огромный сырцовый массив которого охвачен по периметру сводчатым кулуаром)[33]. Но, отмечая это сходство, Н. И. Крашенинникова подчеркивала, что «старонисийское сооружение далеко стоит от месопотамских зиккуратов как в планировочном, так и в объемном решении»[34]. Г. А. Кошеленко выдвигает иное сопоставление, считая, что наиболее близка по типу к храму Нисы башня в Нурабаде в Персиде (III—I вв. до н. э.), и усматривая «единственное отличие в том, что башня в Нисе построена не из камня, а из сырца, из-за чего лестница идет не внутри, а снаружи»[35]. Думается, однако, что отличия гораздо существеннее — и не только в материале и в расположении лестницы (кстати, почему она не могла быть устроена и в сырцовой конструкции внутри?), а во всем своем архитектурном строе. Различны масштабы (20×20 м в нисийском храме и 2,5×2,5 м в башне Нурабада). Различна и общая композиция — столбообразная форма с внутренней лестницей — в Нурабаде и огромный «зиккуратообразный» массив в обводе коридоров, в верху которого расположены помещения, — в Нисе. Башенный храм — явление совершенно иного архитектурно-стилистического порядка, нежели Нурабадская башня. Иной была и его функция. Назначение башни в Нурабаде остается неясным. По мнению Р. Гиршмана, она служила для выноса на крышу священного огня зороастрийцев[36], но в ней, как убе-

дительно доказывает В. Л. Воронина, «внутренняя лестница не оставляет места для огня»[37]. Вообще это могло быть просто небольшое сторожевое сооружение, род дозорной или сигнальной башни. Что касается Башенного храма Нисы, то он, судя по остаткам вотивной глиняной статуи (Аршака или божества-покровителя), скорее всего был связан с династическим культом Аршакидов.

Черты архитектурной типологии побуждают поставить вопрос в отношении функции крупного (около 60×50 м) здания, расположенного на Мансур-депе, лежащем в нескольких километрах от Нисы (рис. 11А). Раскопки его, проводившиеся в 1959—1962 гг. Д. Дурдыевым, выявили бóльшую часть помещений восточной половины и юго-западного участка. В планировке здания выделяется восьмиметрового пролета глубокий айван, лежащий за ним квадратный зал с двумя проходами, система двух крестообразно пересекающихся коридоров и коридоров обводных и группы разнообразных помещений. В его оформление входили окраска и орнаментальные росписи.

Г. А. Кошеленко и В. Н. Пилипко, которые в 1968 г. продолжили расчистки здания, сочли несомненным его храмовое назначение, мотивируя это наличием «типичной для иранских храмов квадратной целлы и системы обводных коридоров с таковыми же в храме Хатры»[38]. Однако одной этой архитектурной параллели для такого утверждения явно недостаточно. Дело в том, что вся планировка мансурдепинского здания (а не один лишь айван и зал в коридорообразном обводе) поразительно близка планировке северной группы помещений позднепарфянского дворца в Ашуре[39] (рис. 3). Во всяком случае, пока при отсутствии бесспорных археологических данных, которые подтвердили бы культовое назначение большого мансурдепинского здания (алтарное место, культовые предметы), более вероятным представляется определение его как дворца, а не храма. Застройка же всего участка Мансур-депе внутри обводивших его подквадратный периметр стен могла включать, как и в Старой Нисе, сложный ансамбль дворцовых, храмовых и хозяйственных сооружений.

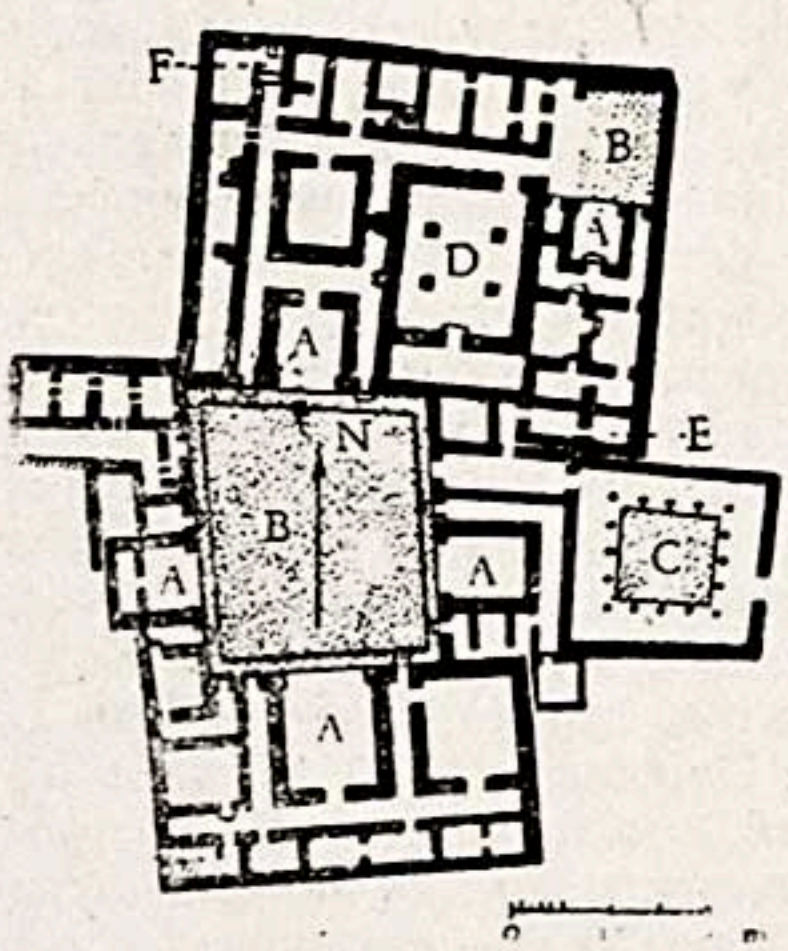

Рис. 3. Дворец в Ашуре.

Современный уровень археологических исследований античных памятников монументального зодчества, расположенных на территории Средней Азии, Северного Афганистана, Восточного Ирана, позволяет подойти вплотную к проблеме их типологии, ибо здесь в процессе долгой эволюции, протекавшей с III в. до н. э. по III в. н. э. в композиционной структуре жилых, крепостных, дворцовых, культовых зданий, вырабатывается несколько ведущих типологических схем и вариантов. Анализ их позволяет наметить следующую отчасти уже проиллюстрированную выше на ряде примеров классификацию.

Первая группа. *Композиция с центральным элементом в периметральном или трехстороннем обводе.* В ней выделяются следующие варианты:

А. Зал в обводном кулуаре (рис. 4). Наиболее характерен квадратный зал, охваченный коридором, который иногда разделен перегородками — такова схема уже упомянутых выше памятников: Северного храма на Мансур-депе (III—II вв. до н. э.), храма на Дальверзине, святилища Канишки в Сурх-Котале, помещений буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе (все три памятника времени Великих Кушан). Круглый храм Старой Нисы (II в. до н. э.) также входит в эту типологическую группу, но отличается тем, что залу придан круглый план в подражание «храму Великих богов» на Самофраке при чисто парфянской системе обводного коридора.

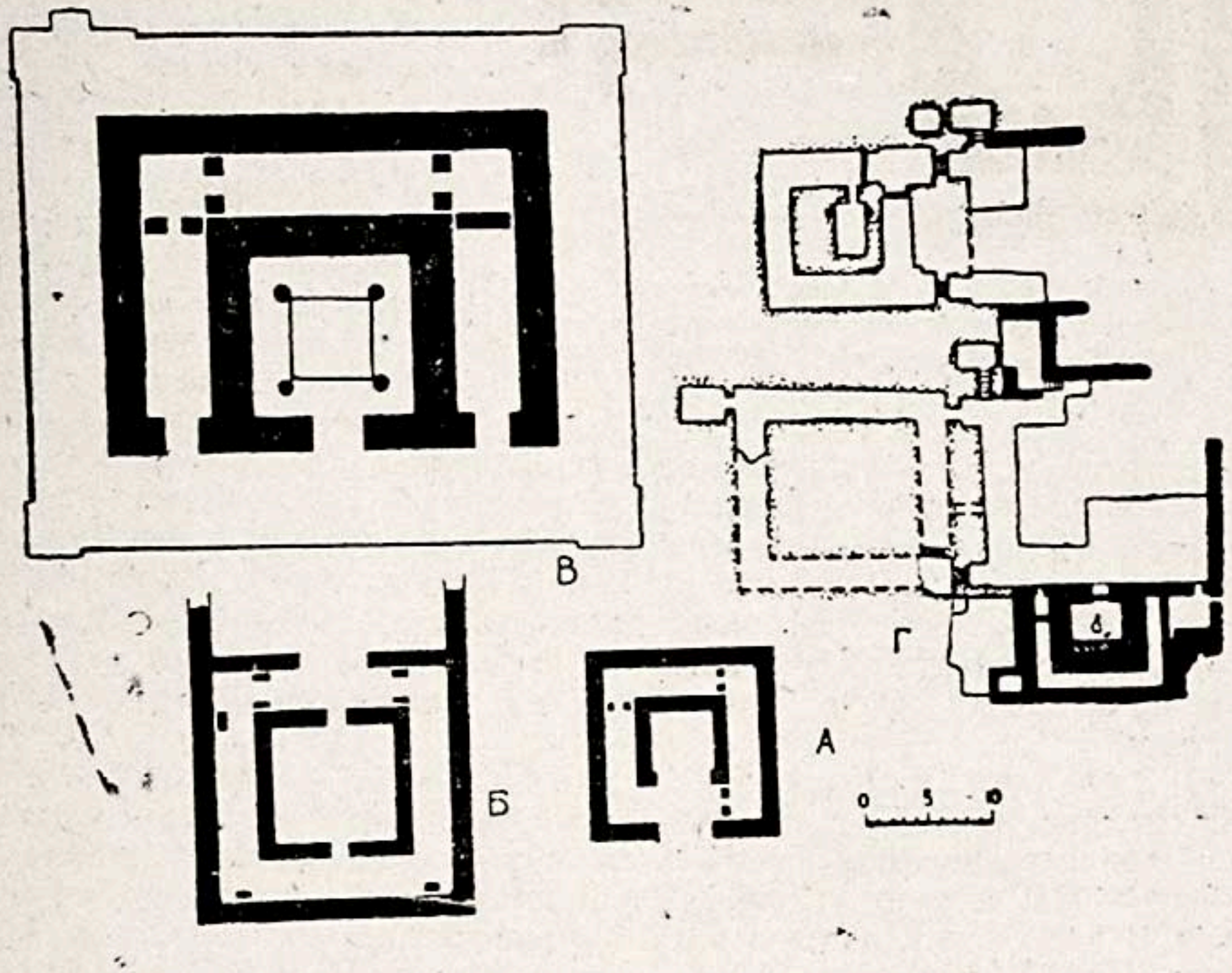

Рис. 4. Композиция. Зал в кулуаре:
А — Северный храм на Мансур-депе; *Б* — Храм на Дальверзине; *В* — Святилище Канишки в Сурх-Котале; *Г* — Буддийский монастырь Кара-тепе в Термезе.

Б. Массив в обводном кулуаре (рис. 5). Башенный храм Старой Нисы (II в. до н. э.) и буддийское святилище на кушано-бактрийском городище Дальверзин-тепе (I в. н. э.)[40] дают разномасштабные и отличные по своему культовому содержанию варианты данной архитектурной темы.

В. Зал в обводе одного ряда комнат (рис. 6). Чаще всего обводом центрального зала служат продолговатые помещения, образованные подразделением обширного обводного кулуара. Этой схеме следует планировка парфянского жилого дома в Гарры-Кяриз (II—I в. до н. э.), согдийского жилого дома в Кизыл-кыре (I в. н. э.), храма В и служебного здания Д в Сурх-Котале (II в.), позднекушанского форта в Беграме (II—III вв.). Вариант ее дает парфянский замок III в. до н. э. на

Рис 5. Композиция. Массив в кулуаре: *А*—башенный храм и «Круглый храм» в Старой Нисе; *Б* — буддийское святилище на Дальверзин-тепе.

городище Шахри-Кумис в Северном Иране, отождествляемом исследователями с Гекатомпилосом; отличие в том, что центральный квадрат здесь подразделен на три параллельные сводчатые комнаты, а углы фланкированы прямоугольными башенками[41].

Г. Двор в обводе одного ряда комнат (рис. 7). При больших размерах центрального пространства или при необходимости его хорошего освещения вместо центрального зала создается двор. Классическое решение с соблюдением пропорций, четкой структурой, перистильной колоннадой являет Квадратный дом — сокровищница царских реликвий в Старой Нисе (II в. до н. э., перестройки в I в. до н. э.)[42]. Аналогичная схема использована в согдийском здании на поселении Чоль-тобе в Южном Казахстане (I—IV вв.)[43], во дворе которого высится монументальный массив четырехлопастного в плане сооружения культового характера, в то время как помещения в обводе двора, видимо, были связаны с храмовым хозяйством.

Д. Зал в обводе кулуара и разнообразных помещений (см. рис. 2; 8). Этот планировочный тип дают следующие памятники: первая группа помещений административно-дворцового здания в Ай-Ханум (III в. до н. э.), парфянский замок-форт в Эрк-кале Старого Мерва (I в. до н. э.), два крупных бактрийских жилых дома — в Ай-Ханум (III—II вв. до н. э.) и Дальверзин-тепе (I—II вв.). Главный зал имеет квадратную или подквадратную форму, несколько вытянутую по продольной или по поперечной оси. Фасады обоих жилых домов выделены глубокими колонными айванами.

Е. Двор в обводе коридоров и разнообразных комнат (рис. 9). Эта композиция представляет развитие предыдущей темы с заменой зала двором. Таковы греко-бактрийские памятники II в. до н. э. в Северной Бактрии — замок-форт в Айртаме и парадное дворцовое здание в Саксанохуре[44], такова дворцовая половина парфянского архитектурного ансамбля Кухи-Ходжа (I в. н. э.) в Сеистане[45].

Отметим, что планировочные варианты А и В выделенной нами первой типологической группы находят свои прототипы еще в ахеменидской архитектуре как культовой (Айядана в Сузах)[46], так и гражданской (северо-западный отдел в группе хранилищ Персепольского ансамбля)[47]. Это не исключает, однако, их местных истоков, но, к сожалению, архитектура Бактрии, Парфиены и Маргианы VI—IV вв. до н. э. пока практически почти не изучена.

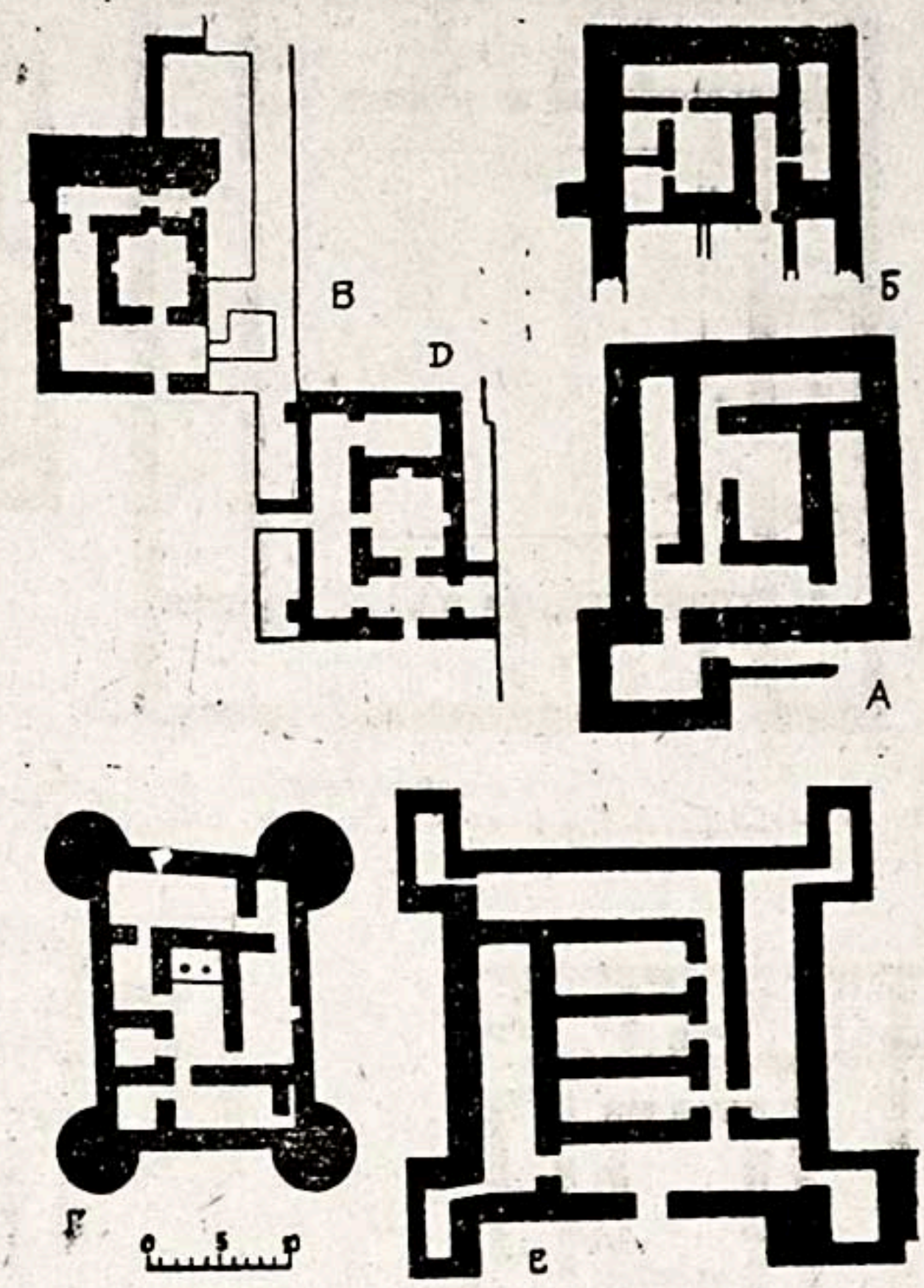

Рис. 6. Композиция. Зал в обводе одного ряда комнат: *А* — жилой дом в Кизыл-Кыре; *Б* — жилой дом в Карры-Кяризе; *В, Д* — храм огня и служебное здание в Сурх-Котале; *Г* — кушанский форт в Бепраме; *Е* — парфянский замок в Шахри-Кумне.

Вторая группа. *Композиция с поперечноосевым развитием помещений* (рис. 10). Она пока выявлена в памятниках Бактрии. «Храм в раскреповках» из Ай-Ханум (II в. до н. э.) квадратен в плане, но расчленен на два отдела — поперечно вытянутый пронаос и лежащую за ним целлу с двумя подсобными комнатками по обе стороны[48]. Дворец в Халчаяне (около рубежа н. э.) имеет широкий айван, обжатый торцами стен боковых помещений, вытянутый параллельно ему зал, за которым расположено двухколонное помещение и лежащие по обе стороны от этой главной группы подсобные коридоры и комнаты[49]. Схему айханумского «Храма в раскреповках» можно видеть и в некоторых западно-парфянских храмах первых веков н. э. Артемиды, а также Зевса Теоса в Дура-Европос[50], в упомянутом храме А парфянского Ашура. Вероятно, здесь она связана со старомесопотамскими традициями, но, думается, что бактрийские здания, особенно халчаянский дворец, отображают типологию, сформировавшуюся вне этой традиции на основе локальных принципов жилой архитектуры.

Третья группа. *Композиция с крестовиднокоридорной связью* (рис. 11). Характерную черту составляют два пересекающихся коридора, откуда входы ведут или в отдельные комнатки или к самостоятельным группам помещений. Сложный многокомнатный планировочный организм такого рода являет северный отдел огромного административно-дворцового здания в Ай-Ханум (III—II вв. до н. э.).

Небольшое здание кушанского времени в округе Термеза имеет вид сырцового массива, рассеченного двумя коридорами, которые ведут в центральное круглое помещение, перекрытое, судя по конструктивным остаткам, куполом. Исследовавшие памятник Л. И. Альбаум и Т. Аг-

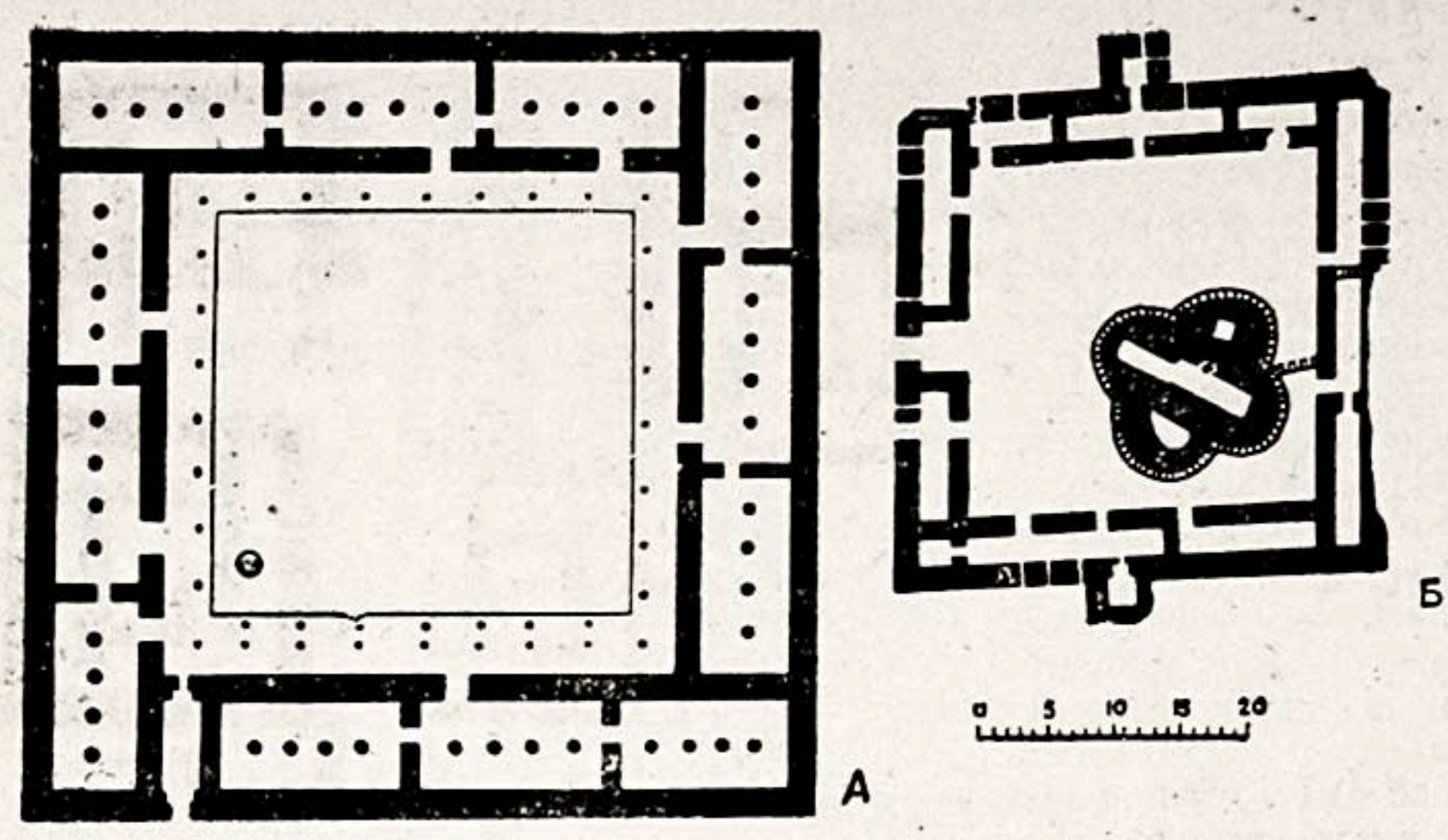
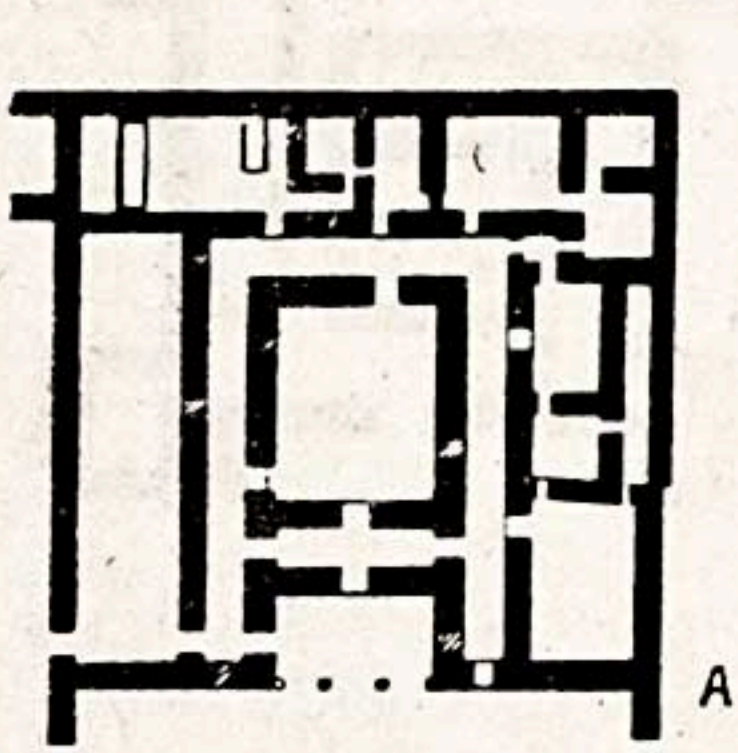

Рис. 7. Композиция. Двор в обводе одного ряда комнат:
А — квадратный дом в Старой Нисе; *Б* — культовый комплекс в Чоб-тобе.

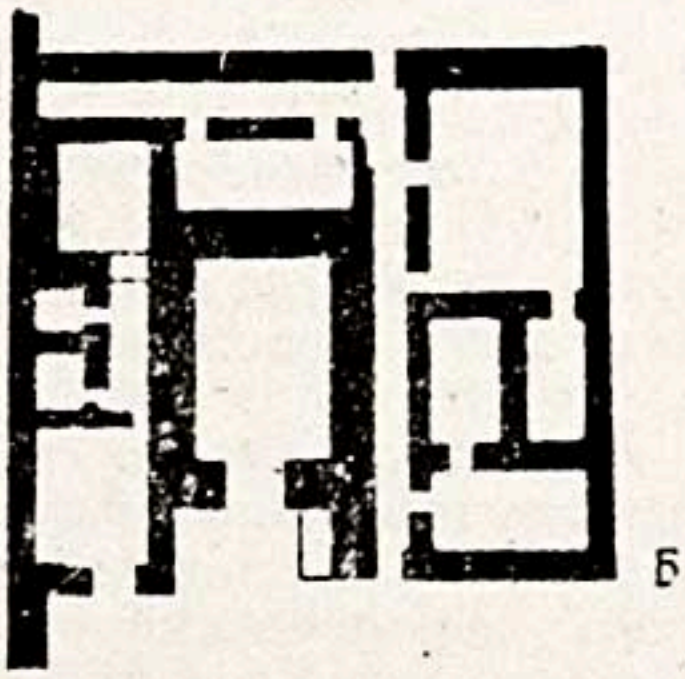
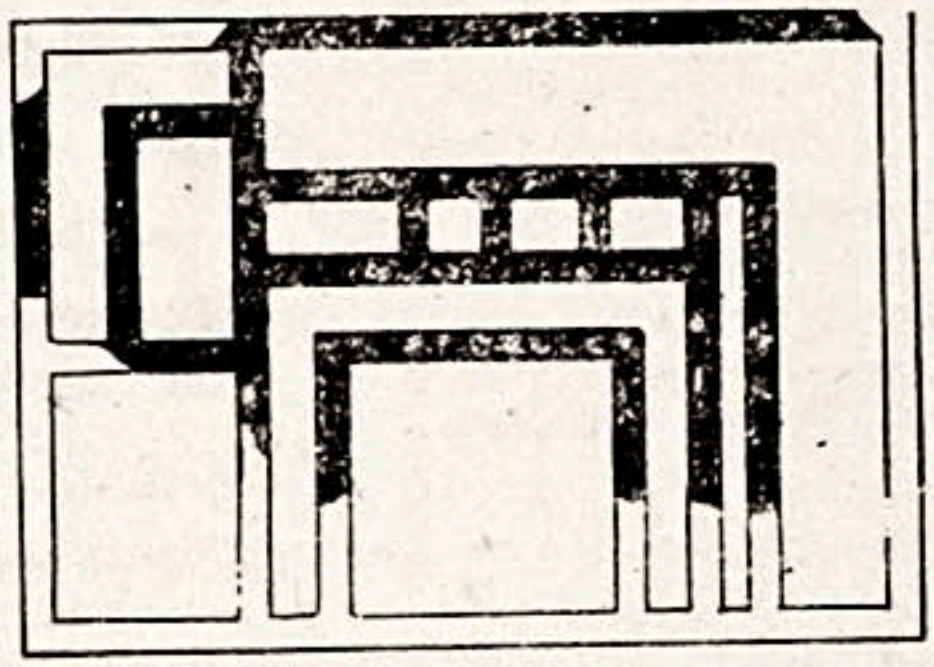

Рис. 8. Композиция. Зал в обводе кулуара и разнообразных помещений:
А — дом в Ай-Ханум; *Б* — дом на Дальверзин-тепе.

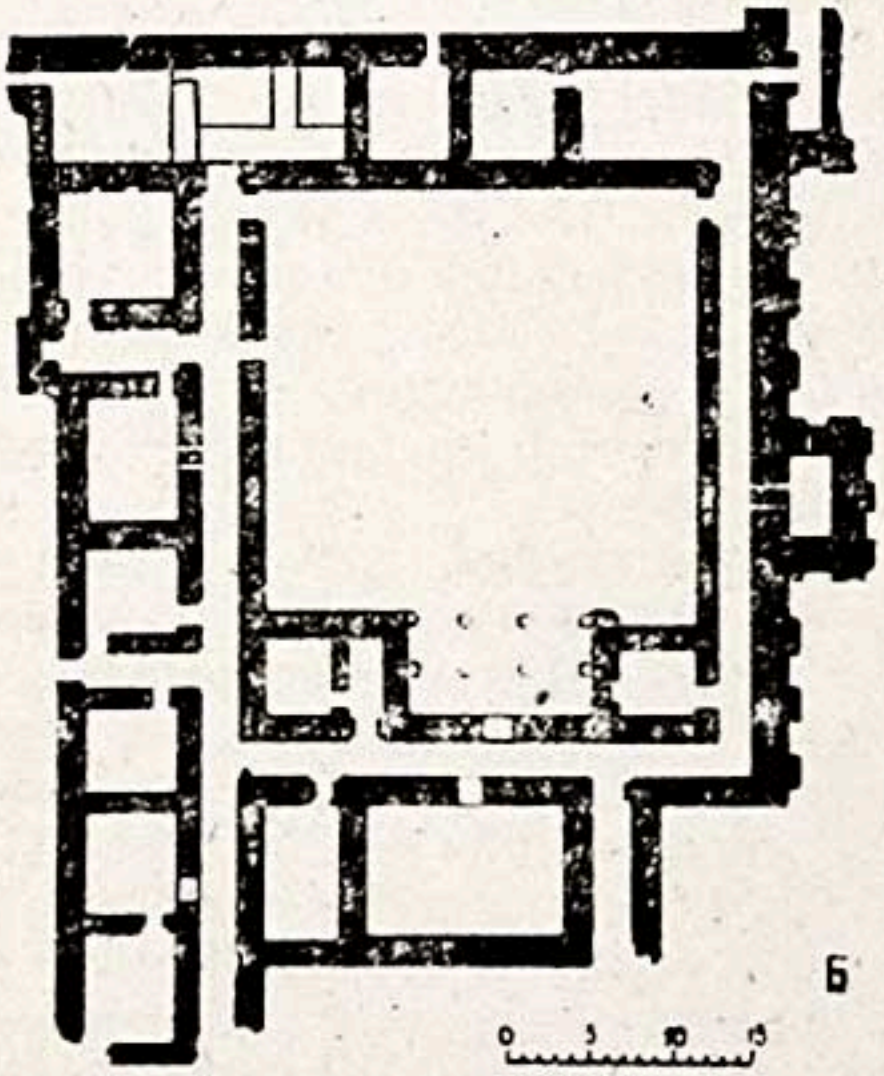

Рис. 9. Композиция. Двор в обводе коридоров и разнообразных помещений:
А — замок-форт в Айртаме; *Б* — дворец в Саксанохуре.

замходжаев сочли его фамильным склепом какой-то семьи кушанского времени, поскольку на полу его были обнаружены разрозненные костные останки, лежавшие в полном беспорядке[51]. Однако остается неясным, — если это был склеп, то для чего нужно было устраивать четыре открытых во-

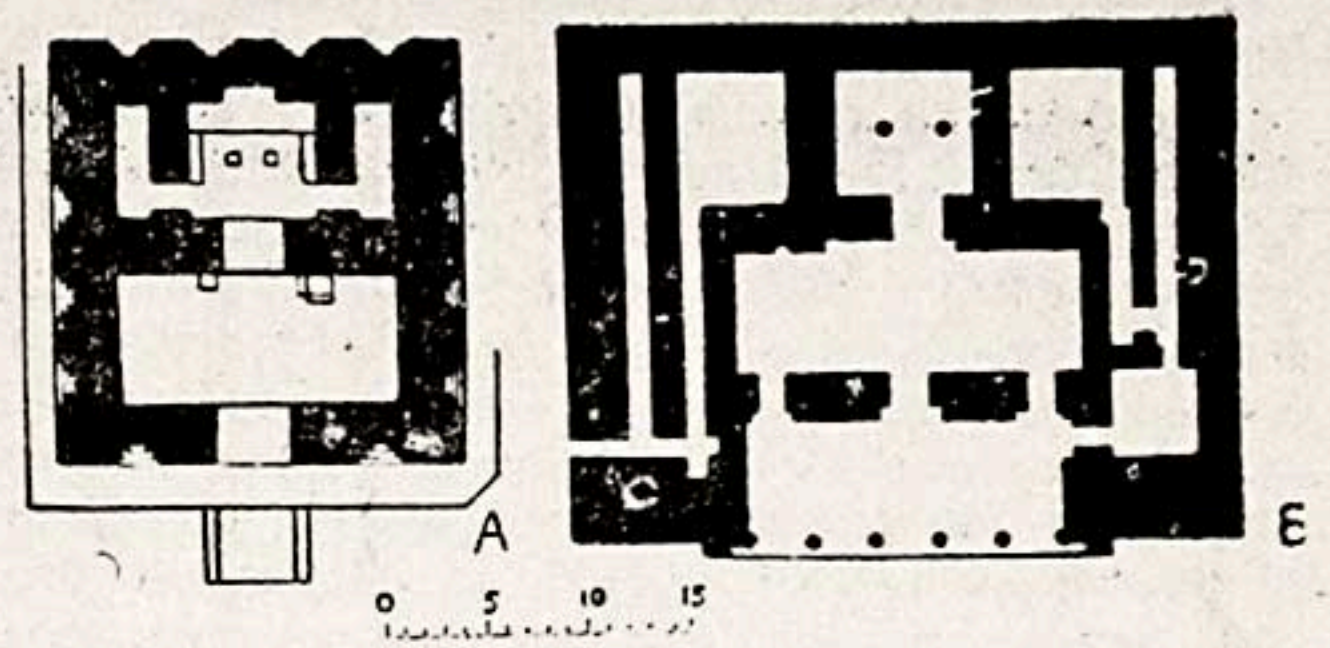

Рис 10. Композиция с поперечно-осевым развитием помещений:
А — храм в Ай-Ханум; *Б* — дворец в Халчаяне.

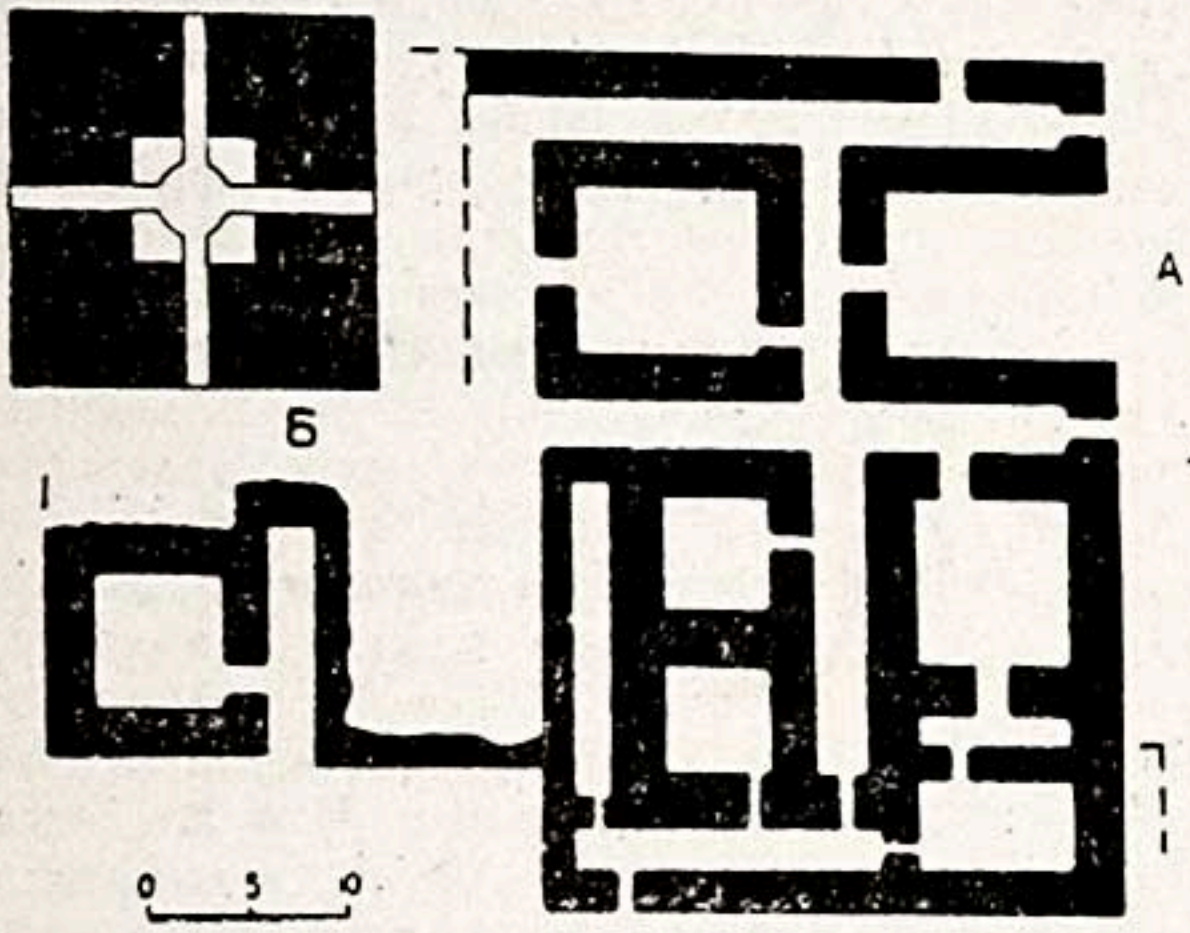

Рис. 11. Композиция с крестовидно-коридорной связью:
А—здание в Мансур-депе; *Б*—культовая постройка в районе Термеза.

внутрь коридора. Остатки эти имеют случайный характер и могли быть связаны с более поздним использованием покинутого здания, примеров чего — немало[52]. По нашему мнению, здание представляло храм огня типа тех центральнокупольных, четырехарочных «чартаков», которые получат широкое распространение в культовой архитектуре Сасанидского Ирана[53]. Его массивные кладки осуществляли изоляцию от внешнего мира, расположенного в центре алтаря.

Выделенные нами архитектурно-композиционные схемы представляют как в виде самостоятельных построек, так и слагаемых огромных подчас дворцово-храмовых комплексов (Ай-Ханум, Ниса, Кухи-Ходжа), куда строители включали свободные соединительные звенья подсобных помещений. Но именно эти главные компоненты определяли собой характер объемно-пространственных композиций зданий. Так, планировочные схемы с центральным залом в обводе предстают в виде двух объемов, где зал возвышается над плоской кровлей обводных помещений и колонных айванов (см. реконструкции парфянского храма в Новой Нисе[54], Круглого храма Старой Нисы[55], дворца в Халчаяне[56]). В постройках с центральным двором, наоборот, господствовало дворовое пространство. Большую роль пространственно организующего элемента играли в бактрийской и восточнопарфянской архитектуре колонные айваны. Они входили в композицию главного фасада, являя род айвана в антах (жилые дома в Ай-Ханум и Дальверзин-тепе, халчаянский дворец), обращенного в передний двор или во внутренний дворик (Саксанохур).

Использовался и айван-периптер (святилище Канишки в Сурх-Котале, парфянский храм в Новой Нисе) и айван-перистиль (Квадратный дом в Старой Нисе, дворы сурхталского комплекса и дворца в Кухи-Ходжа). Прибегая в этом перечне к греческой терминологии, подчеркнем, что сам колонный айван являл чисто азиатскую композиционную форму, связанную с традициями местного народного строительства. Колоннады бактрийского и восточнопарфянского строительства были отличны от греческих ордеров не только в деталях, но прежде всего потому, что колонны их преимущественно были деревянными, хотя и основанными на каменных базах. Поскольку они следовали определенной системе соотношений целого и деталей, это дает право говорить о существовании бактрийско-парфянских архитектурных ордеров, которые вводили в фасадные композиции четкий строй и ритм.

Анализ архитектурной типологии приводит к важному выводу об ее общности в зодчестве Восточной Парфии, Бактрии, отчасти и Согда. Казалось бы политическая обстановка этому не благоприятствовала, ибо Греко-бактрийское царство и Кушанская империя находились во враждебных отношениях с государством Аршакидов. И все же невзирая на рубежи государственных границ, единство естественно-географической среды, этно-историческая общность и в силу этого близость духовного строя, общественных идей, эстетических вкусов населявших эти страны народов определили общность их античной культуры. В зодчестве эта общность проявляется в единых приемах строительной техники, в сходном процессе освоения и переработки мотивов греческой архитектуры, в применении собственных, близких по стилю архитектурных ордеров и, наконец, в разработке почти единой архитектурной типологии зданий. Черты этой общности оказались намного бо́льшими, нежели в архитектуре восточнопарфянских и западно-парфянских областей. Это нагляднo предстает при сопоставлении памятников Мерва, Нисы, Кухи-Ходжа с постройками Ашура, Вавилона, Хатры, Дура-Европос. Что касается широкоизвестного храма Шамеша (или Митры) в Хатре, который в планировочном отношении выпадает из цикла других храмовых сооружений этого западнопарфянского города[57], то типология его, на наш взгляд, связана с восточнопарфянской традицией, наложившей также печать на планировочную композицию набатейских храмов Южной Сирии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Усманова З. И.* Эрк-кала.— «Труды ЮТАКЭ», т. 12. Ашхабад, 1963, с. 33.
[2] *Там же,* с. 48.
[3] В литературу проникло утверждение, будто цветные штукатурки входили в декор основного здания; никаких данных к этому нет.
[4] *Массон М. Е.* К изучению прошлого Старого Мерва. — «Труды ЮТАКЭ», т. 12, с. 14.
[5] *Усманова З. И.* Эрк-кала.— «Труды ЮТАКЭ», с. 48; *Она же.* Эрк-кала — городище Старого Мерва поры античности и раннего средневековья. Автореф. дис. Ташкент, 1969, с. 12.
[6] *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии. М., 1966, с. 86—87.
[7] *Monneret de Villard U.* The Fire Temples.— «Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology», v. 5, № 4, 1936.
[8] *Erdmann K.* Das Iranische Feuerheiligtum. Leipzig, 1941.
[9] *Bernard P.* Troisieme campagne de fouilles á Aï Khanoum en Bactriane, CRAIBL, 1968, p. 264, fig. 23; Qautriéme campagne de fouilles á Aï Khanoum (Bact-

riane). — CRAIBL, 1969, p. 314, fig. 1; Campagne de fouilles 1969 á Aï Khanoum en Afghanistan. — CRAIBL 1970, p. 301, fig. 1—2.

[10] *Bernard P.* CRAIBL, 1969, p. 321, fig. 6; 1970, p. 310, fig. 9, 11.

[11] Здание исследовалось Узбекистанской искусствоведческой экспедицией в 1968—1970 гг.

[12] *Пилипко В. Н.* Раскопки парфянского сельского поселения в местности Гарры-Кяриз (Парфиена). — В кн.: Каракумские древности, вып. 3. Ашхабад, 1970, с. 74, рис. 25. Мы полагаем, что при пятиметровом пролете центрального элемента это был зал, а не дворик, как считает В. Н. Пилипко.

[13] *Нильсен В. А.* Кизыл-Кыр.— В кн.: История материальной культуры Узбекистана, вып. 1. Ташкент, 1956, с. 60 и сл.; *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусств Узбекистана. М., 1965, с. 46, рис. 13. Вошедшая в литературу датировка Кизыл-Кыра ныне пересмотрена и относится по времени не ранее I—II вв.

[14] Раскопки этого здания на Айртаме, начатые еще в 1937 г. Термезской археологической комплексной экспедицией, были проведены в широком масштабе Узбекистанской искусствоведческой экспедицией 1961—1963 гг.

[15] *Chirshman R.* Bégram. — MDAFA, v. XII. Le Caire, 1946, p. 37, fig. 18; MDAFA, v. 11. Paris, 1954, p. 9.

[16] *Кошеленко Г. Н., Пилипко В. Н.* Исследования парфянского святилища в окрестностях Нисы.— В кн.: Каракумские древности, вып. 2. Ашхабад, 1968, с. 33 и сл., рис. 1.

[17] *Schlumberger D.* Le temple de Surkh Kotale en Bactriane.— JA, 1952, p. 438, fig. 2—4; Le temple de Surkh Kotale en Bactriane (II). — JA, 1954, p. 163, fig. 1, p. 167, fig. 2; Le temple de Surkh Kotale en Bactriane (IV).— Ja, 1964, p. 318, fig. 1.

[18] *Бердыев О.* О некоторых сходствах материальной культуры Туркменистана и Северного Афганистана. — «Памятники Туркменистана», 2/10, 1970, с. 11—12.

[19] Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. [Под ред. Б. Я. Ставиского]. М., 1969, с. 8 и сл., рис. 2.

[20] *Schlumberger D.* Le temple de Surkh Kotale en Bactriane. — IA, 1954, p. 167, fig. 2.

[21] *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии, с. 18 и сл.

[22] *Ершов С. А.* Археологические исследования на городище Старая Ниса в 1946 г.— «Труды ЮТАКЭ», т. 1. Ашхабад, 1949, с. 116 и сл.; *Пугаченкова Г. А.* Архитектурные памятники Нисы.— «Труды ЮТАКЭ», т. 1. Ашхабад, 1945, с. 202; *Ершов С. А.* Полевой отчет о раскопочных работах отряда № 1 ЮТАКЭ на крепости Старая Ниса в 1947 г.— «Труды ЮТАКЭ», т. 2. Ашхабад, 1951, с. 105—106; *Давидович Е. А.* Отчет о раскопках 1947 г. на площади Квадратного зала Старой Нисы. — «Труды ЮТАКЭ», т. 2, с. 108 и сл.; *Пугаченкова Г. А.* Реконструкция Квадратного зала парфянского ансамбля Старой Нисы.— «Труды ЮТАКЭ», т. 2, с. 143 и сл.; *Массон М. Е.* Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг.— «Труды ЮТАКЭ», т. 6. М., 1958, с. 205—206; *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма.— «Труды ЮТАКЭ», т. 6. М., 1958, с. 78.

[23] *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии, с. 20.

[24] *Дьяконов И. М., Лившиц В. А.* Документы из Нисы I в. до н. э. М., 1960, с. 17.

[25] *Schmidt E.* Persepolis, v. 1. Chicago, 1953—1960; *Godard A.* L'art de l'Iran. Paris, 1962, p. 121.

[26] *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана, с. 111—112.

[27] *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии, рис. на с. 101 и 165.

[28] *Пугаченкова Г. А.* Храм и некрополь в парфянской Нисе. — ВДИ, 1953, № 3, с. 159 и сл.; *Она же.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана, с. 60.

[29] *Vanden Berghe L.* Archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959, fig. 5.

[30] *Крашенинникова Н. И.* К вопросу о взаимосвязи Круглого храма с так называемой «Башней» Старой Нисы.— «Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук», 1960, № 4, с. 38, рис. 1; *Крашенинникова Н. И., Пугаченкова Г. А.* Круглый храм парфянской Нисы.— ВДИ, 1964, № 4, с. 119.

[31] *Schlumberger D.* Le temple de Surkh Kotale en Bactriane, p. 169—170.

[32] См. прим. 30, а также *Пугаченкова Г. А.* Искусство Туркменистана. М., 1967, с. 40 и план на с. 36.

[33] *Ghirshman R.* Tchoga Zanbil. Paris, 1966, plan. 3, fig. 10, 15.

[34] *Крашенинникова Н. И.* К вопросу о взаимосвязи..., с. 44.

[35] *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии, с. 29.

[36] *Ghirshman R.* Lá tour de Nourabad. — «Syria», v. 24, No 3—4, p. 175.

[37] *Воронина В. Л.* Доисламские культовые сооружения Средней Азии. — СА, 1960, № 2, с. 49.

[38] *Кошеленко Г. А., Пилипко В. Н.* Указ. соч., т. 31—35.

[39] *Andrae W., Lenzen H.* Die Partherstadt Aussur. Leipzig. 1933, S. 23—31, tabl. 10—11.

[40] *Пугаченкова Г. А.* Новое в изучении Дальверзин-тепе. — СА, 1971, № 3.

[41] *Hansman J., Stronach D.* Excavations at Shahr-i. Qumis.— «Journal of the Royal Asiatic Society», 1970, p. 36, fig. 3.

[42] *Пугаченкова Г. А.* Пути развития..., с. 69.

[43] *Мерщиев М. С.* Поселение Кизыл-Кайнар-тобе I—IV вв. и захоронение на нем воина IV—V вв.— В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 80, рис. 1—2.

[44] *Литвинский Б. А., Мухтаров Х.* Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан). — СА, 1969, № 2, с. 100.

[45] См. примечание 29.

[46] *Godard A.* L'art de l'Iran, fig. 153.

[47] *Там же,* fig. 144.

[48] CRAIBL, 1969, p. 327, fig. 11; 1970, p. 317, fig. 10, 19, 22.

[49] *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966, с. 30, 138.

[50] *Pillet M.* General Report on the Compaign. — «The Excavations at Dura-Europos». Prel. Rep. of 3-d Season of Work. New. Haven, 1932, pl. 4.

[51] *Альбаум Л. И., Агзамходжаев Т.* Позднекушанское погребальное сооружение под Термезом. — «Общественные науки в Узбекистане», 1968, № 8, с. 56.

[52] Так, например, большое число беспорядочных поздних захоронений обнаружено при расчистках пещер буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе, в кушанских печах Айртама и др.

[53] *Godard A.* Les monument du feu.— «Athar-é Iran», v. 3, fasc. 1. Paris, 1938; L'art de l'Iran, p. 13.

[54] *Пугаченкова Г. А.* Пути развития..., рис. между с. 66—67; Искусство Туркменистана, табл. 4.

[55] *Крашенинникова Н. И., Пугаченкова Г. А.* Круглый храм парфянской Нисы. — ВДИ, 1964, № 4, с. 10.

[56] *Пугаченкова Г. А.* Халчаян, рис. 82; *Она же.* Города Гераева рода.— «Вокруг света», 1968, № 8, рис. на с. 59.

[57] *Safar F.* Hata Inscription. «Sumer», v. 18, No 1—2, 1962, fig. 1.

М. И. ФИЛАНОВИЧ

БАШНЕОБРАЗНЫЕ КУЛЬТОВЫЕ КУРИЛЬНИЦЫ ИЗ МЕРВА

В настоящее время есть определенная литература, где описываются интересные керамические изделия, определяемые некоторыми исследователями как светильники, парадные кубки или даже «фруктовые подставки», но большинством относимые к разряду культовых объектов и рассматривающихся как погребальные кубки, жертвенники или жертвенные подставки и курильницы. О возжигании в этих сосудах, очевидно, ароматичных смол и бальзама свидетельствуют как следы копоти на внутренней поверхности некоторых из них, так и изображение более поздней группы этих предметов в сценах отправления культовых обрядов на древних среднеазиатских настенных росписях. По-видимому, назначение подобных предметов как культовых курильниц в настоящее время не вызывает сомнения.

После выхода в 1953 г. статьи Л. И. Альбаума, в которой в связи с обнаружением курильницы на Балалык-тепе эти предметы подвергались более пристальному исследованию[1], добыт большой археологический материал, позволяющий судить о распространении их в Средней Азии, как и на всем Востоке, еще в глубокой древности. Эти объекты представляют интерес не только в плане раскрытия их назначения, способа применения и возможности проследить изменения в культовой обрядности, к которой они относились. Самая их разновидность, главным образом, и привлекшая наше внимание, как кажется, проливает свет на облик некоторых ныне утраченных форм древности, своеобразными копиями которых они представляются.

Особенно интересны в этом плане башнеобразные курильницы, полученные раскопками ЮТАКЭ городища Гяур-кала в Старом Мерве, из культурных слоев, твердо датированных III—IV и V—VI вв. н. э. Однако прежде чем перейти к их рассмотрению уместно остановиться на типах курильниц, распространенных на Востоке и в Средней

Азии, что позволяет точнее определить место мервских объектов в эволюционном ряду их форм.

Несмотря на огромный промежуток времени, в течение которого археологически зафиксировано их бытование, их форма в главных чертах являет большую устойчивость, определенную, видимо, традиционностью назначения. Древнейшие из известных сейчас объектов восходят к III—II тысячелетиям до н. э. к культуре первых городских центров Месопотамии и Индии. Уже тогда оформились два основных типа таких сосудов (рис. 1). Первый представлен высокой полой конусовидной под-

Рис. 1. Сравнительная таблица типов культовых курильниц:
1, 2, 3 — могильник «А» в Кише IV—III вв. до н. э.; *4* — Харанна III в. до н. э.; *5* — Мадая-депе конца II — начала I в. до н. э.; *6*—Кой-Крылган-кала IV в. до н. э.; *7*—Кую-Мазарский могильник II—IV вв. н. э.; *8*—Балалык-тепе V—VI вв. н. э.; *9*—могильник в Кише IV—III вв. до н. э.; *10*—Чанок IV—V вв. н. э.; *11*—Варахша V—VI вв. н. э.; *12, 13*—Пянджикент VII—VIII вв. н. э.

ставкой, расходящейся внизу и увенчанной мелкой чашей плоского или полусферического очертания, которая изготовлена отдельно и прикреплена к подставке. Таковы курильницы из Джемдет-Насра, могильника «А» в Кише и в Уре[2] и из Джхукара[3]. Снаружи подставки проработаны рельефными поясами и выступами, полосами насечек, реже снабжены понизу отверстиями. Интересен один экземпляр из Киша с подставкой, обвитой спиральным выступом. По свидетельству Г. Элиота, курильницы весьма однообразны и варьируют лишь в высоте подставки. То же самое отмечается для объектов из Мохенджо-Даро[4]. Подставки Хараппы украшены росписью[5]. На территории Индии этот тип зафиксирован и в более позднее время, а в сако-парфянских слоях Серкапа отмечена его разновидность с закрытым дном[6].

Второй тип, менее распространенный, представлен объектами из Киша, Тель Асмара и Ассура. Они отличаются устройством и большими размерами (до 78 см), чем первый тип[7]. Эти сосуды, напоминающие

башни, украшены рядами врезанных треугольников и поясами пересекающихся насечек. Стволы открыты сверху и снизу и имеют несколько сквозных отверстий, служивших, видимо, подставками для переносных сосудов, где непосредственно и возжигались благовония. Этот тип изделий исследователи связывают с некоторым изменением ритуального обряда и позднее III тысячелетия до н. э. неизвестен.

Курильницы же первого типа встречаются в Месопотамии и Передней Азии в I тысячелетии до н. э. Судить об этом можно только по их изображениям, в частности на рельефах дворца Ашурбанипала в Ниневии[8]. В несколько измененном виде описанный тип известен для конца II — начала I тысячелетия до н. э. и в Средней Азии. Древнейшая находка здесь такой курильницы сделана на Мадау-депе — одном из центров древнеземледельческой культуры архаического Дахистана, сложившейся в конце эпохи бронзы на Мисрианской равнине. В отличие от прекрасно выделанных на гончарном круге изделий из Месопотамии и Индии курильница Мадау-депе вылеплена от руки из глины с примесью толченой керамики[9] и состоит из невысокой полой ножки со сквозными отверстиями и непропорционально раздутого тулова вместо венчающей чаши.

В наших знаниях о применении этих культовых предметов в Средней Азии существует пробел до IV в. до н. э., когда они вновь были встречены в инвентаре большого культового комплекса Кой-Крылган-кала в Хорезме, в его нижнем культурном горизонте[10]. Фрагментарность этих предметов, к сожалению, не позволяет восстановить полностью форму, но сохранившаяся часть свидетельствует о большой типологической близости к отмеченному своеобразием дахистанскому образцу и в пропорциях, и в нанесении прорезей на подставке. Правда, курильницы из Кой-Крылган-калы, как и большинство керамики отсюда, выполнены на круге. Однако учитывая известный консерватизм, отмечаемый вообще в форме этих культурных объектов, важным остается единство самого принципа устройства, которое в данном случае налицо. Оно, вероятно, свидетельствует о тех древних проникших в Хорезм культурных влияниях с юга, которые по бытовой керамике уловить не удается, но наличие которых М. Г. Воробьева усматривает в близости ритуального инвентаря Кой-Крылган-калы и храмов Древнего Востока. Не была ли и культура архаического Дахистана тем своеобразным мостом, по которому культурные традиции из Месопотамии и Передней Азии, уже как-то трансформированные на местной основе, проникали в Хорезм?

Распространена была в Средней Азии в первых веках нашей эры (средний и верхний горизонт Кой-Крылган-калы[11], Мудин-тепе в Кашкадарье[12]) и разновидность первого типа курильниц с закрытым конусовидным поддоном с отверстием в центре. В Кой-Крылган-кале встречены также вазы на невысокой резко профилированной ножке, отдаленно напоминающие курильницы. Если судить по идентичным сосудам из Мерва и с самаркандского городища Афрасиаба III—I вв. до н. э. без следов горения внутри, то они, скорее, относятся к разновидности бытовой посуды.

Конусовидные подставки курильниц обнаружены в Туркмении и при раскопках Анау экспедицией Пампелли[13]. Особняком стоит культовый предмет из стеатита с Новой Нисы. Он необычной формы, в какой-то степени определенной самим материалом: в виде ящичка с прорезанными «оконцами» и рядом сквозных стреловидных отверстий под ними, на цилиндрической подставке, проработанной канелюрами[14].

Культовые курильницы встречены на территории Средней Азии и в погребальном инвентаре II—IV вв. н. э. катакомб Кую-Мазарского могильника в Бухарском районе. Наиболее же широкое распространение они получили в раннем средневековье, начиная с IV в. н. э. Во внешнем облике их сказывается традиционность, но детальная разработка и украшения соответствуют духу времени. Грубо вылепленные курильницы Кую-Мазарского могильника принадлежат к типу вазообразных на невысокой подставке[15]. Объекты из Сурхандарьи с чашей наверху, датируемые V—VI вв. н. э., того же типа, но формой своей подставки очень живо напоминают башню[16]. Подставки тех и других проработаны по-прежнему прорезями, но они аналогичны форме отверстий в стенках оссуариев. Кроме того, башнеобразная курильница с Балалык-тепе украшена врезанными стрелками, полосами простого орнамента и налепами человеческого лица. Последний прием распространен был в это же время в декоре согдийской керамики.

Курильницы этого типа изображены на терракотовых плитках из Согда, а распространение их в VII—VIII вв. зафиксировано настенными росписями[17]. По изображениям видно, что предметы были переносными. На плитке с самаркандского городища Афрасиаб (раскопки С. К. Кабанова) курильницу держит в поднятой руке фигура перед больших размеров персоной, сидящей на возвышении. На одной из фресок Пенджикента она изображена в согнутой руке воина, участника ритуальной церемонии. В обоих случаях в верхней части предмета под чашей с пламенем одето кольцо со свисающими подвесками. Наряду с первым типом в Средней Азии известен и другой, в основном принципе устройства повторяющий отмеченные выше курильницы из Месопотамии, башневидные, открытые сверху и снизу. Самый ранний пример его — предметы из Чанага (раскопки Ю. Ф. Бурякова), датированные им IV—V вв. н. э. Это сквозные башни в форме усеченного конуса на выступающем за линию стен оснований, украшенные в шахматном порядке стреловидными прорезями. Сверху на них, как и на предметах из Месопотамии, ставилась чаша с благовониями. Подобные подставки распространены были в Шаше и в VII—VIII вв. н. э. (раскопки Ю. Ф. Бурякова на Минг-Урюке). Принцип их устройства отражен и в металле. Судя по фрескам Варахши и Пенджикента, крупные стационарные курильницы из золота или другого металла состояли из конусовидной орнаментированной подставки, раструбообразного навершия, между ними часто помещалась торовидная деталь, скрытая обычно подвесками или бубенчиками, свисавшими с широкого кольца вокруг нее. На верхний раструб ставились чаша или ковш с горючими шариками[18].

Итак, в форме культовых курильниц Древнего Востока и Средней Азии выработались два основных типа одинаковых, видимо, в керамике и металле, ставших традиционными и сохранивших на протяжении веков основные черты конструкции. Оформлялись же эти изделия в художественном стиле своего времени. Первый тип — с подставкой, прочно соединенной с чашей, употреблялся в качестве переносной курильницы. Объекты второго типа (обычно бóльших размеров) использовались чаще всего стационарно при крупных культовых церемониях.

Среднеазиатские курильницы раннего средневековья, найденные казалось бы в довольно отдаленных друг от друга областях, отличаются единообразием декора: врезанными стрелками и овальными прорезями. Переходя к рассмотрению объектов из Мерва, хотелось бы подчеркнуть, что как самые ранние из этого ряда, они объясняют многие дета-

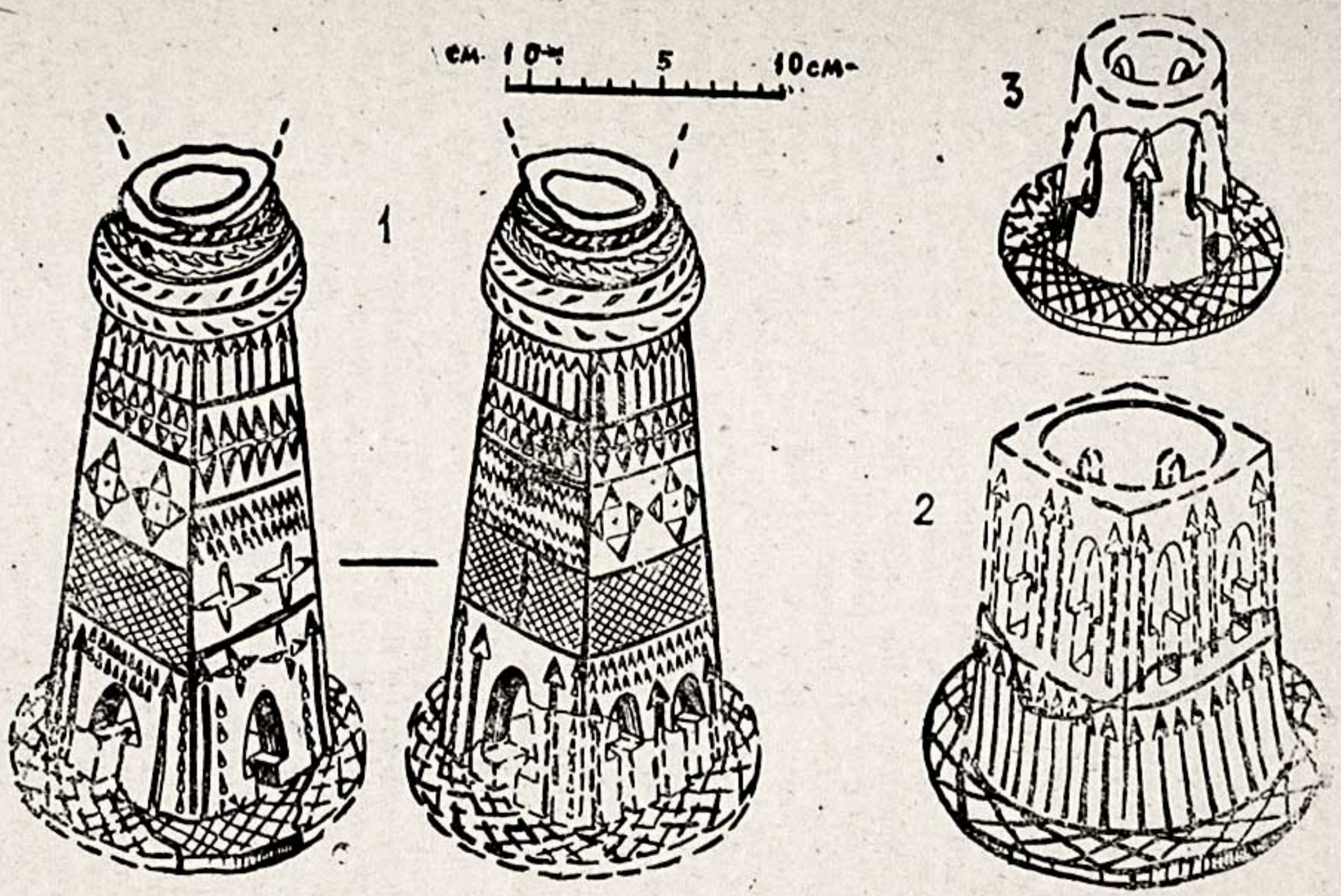

Рис. 2. Курильница из Гяур-калы Старого Мерва:
1, 2—III—IV вв. н. э.; *3*—V—VI вв. н. э.

ли форм и декора более поздних образцов. Фрагменты курильниц встречаются на городище Гяур-кала (Мерв поры античности и раннего средневековья), в руинах жилых домов на территории производственных кварталов и культовых сооружений, при этом в слоях конца II—IV и V—VI вв. н. э. Дробность фрагментов не позволяет восстановить полностью внешний вид объектов, но подчеркивает некоторые детали различия предметов из раннего и позднего слоя.

Два образца, наиболее сохранившиеся, извлечены из завала помещений III—IV вв. н. э. квартала ремесленников-мукомолов (рис. 2). Они сформованы из плотно отмученной зеленовато-серой глины на гончарном круге. Следы работы на нем сохранились на внутренней поверхности изделий в виде ребер. Последующим срезом (ножом) изделиям придана форма усеченной пирамиды. У одного экземпляра сохранилась пирамидальная подставка на круглом широком основании и таровидное навершие, которое, как видно по линии слома, переходило выше в раструб. Видимо, курильница относилась ко второму описанному типу. Общая высота фрагмента — 25, а диаметр основания — 14 см. Подставка сплошь покрыта орнаментом, состоящим из полос вдавленных треугольников, стрелок и нарезной сетки. Треугольники образуют различные комбинации в виде крестов (как бы четырехконечных «пропеллеров») и чередуются с сеткой таким образом, что ни один фас пирамиды не оказывается украшенным одинаково. Выступающее основание покрыто насечками. Нижний ярус несет прорезанные насквозь полуовальные отверстия (в трех станках по одному и в четвертой — два), перемеженные врезанными стрелками и столбиками треугольников. Верхний ярус пирамиды полностью покрыт рядом стреловидных врезов, Тор украшен насечками и волнистым процарапанным орнаментом, весьма характерным для мервской керамики парфянского и сасанидского периодов. В экземплярах худшей сохранности повторялись в вариациях те же мотивы орнамента. При той же форме, приближенной к пирамиде, в ряде случаев прорезанные отверстия даны во втором ярусе, причем часто им приданы не овальные, а стреловидные очертания.

Тор, венчающий башневидную подставку описанной курильницы, скорее всего дань традиции воспроизведения этого культового предмета. Мервская подставка III века н. э. позволяет связать парфянские металлические жертвенники и курильницы, изображенные на фресках Дура-Европос[19], со стационарными золотыми курильницами настенных росписей Средней Азии, где обязательным элементом также была круглая деталь на конической подставке.

Предметы из слоя V—VI вв. н. э. отличаются от ранних прежде всего конусовидной формой и скромностью украшения. Они также сформованы на гончарном круге, а впоследствии подправлены ножом, которым и вырезан весь орнамент, состоящий только из полуовальных отверстий и стрелок; реже прибавлена одна полоса треугольников или штрихов. Выступающие основания объектов по-прежнему покрыты насечками. Сами подставки стали мельче, диаметр основания не превышал 10—12 см (ранние достигали 16—17 см в нижнем диаметре). К сожалению, в силу большой фрагментарности невозможно представить общий вид объектов V—VI вв. н. э. и определить принадлежность их к первому или второму типу. Возможно, благодаря малым размерам, они употреблялись как переносные.

Распространение курильниц с глубокой древности позволяет связывать их возникновение с дозороастрийской культовой обрядностью[20].

Отмечена связь этих предметов с культом широко почитавшейся на Востоке богини плодородия, богини матери[21]. В Маргиане также почиталась местная богиня плодородия, чей образ запечатлен во множестве мелких терракотовых статуэток. Не исключено, что мервские курильницы использовались при ритуалах, посвященных ей, как, впрочем, и другим почитавшимся маргианцами божествам. Нахождение фрагментов курильниц в руинах жилых домов, видимо, указывает на большую роль культовых обрядов в домашних молельнях.

При первом взгляде на описанные культовые предметы видно, что традиционный принцип устройства сохранен, но во всем облике их чувствуется стремление мастера передать черты какого-то архитектурного сооружения, реально существующего и хорошо ему известного. В ранних объектах это впечатление передачи реальной архитектурной формы не снижается, несмотря на кажущийся налет орнаментализма в заполнении поверхностей подставки. Перед нами модель башни квадратного плана на основании или платформе, кладку которой передает иссеченная сеткой выступающая подошва подставки. Каждый фасад ее снабжен полуовальными проемами и стреловидными бойницами и украшен прорезями различной формы. В заполнении сторон пирамидальной подставки отражена реально существующая разделка фасада башни, где одни и те же элементы, например, стреловидные бойницы, несли практическую нагрузку или были ложными и служили просто украшением. Почти все элементы декора подставки можно найти как в оссуариях, близких по времени курильницам, так и на фасадах античных фортификационных сооружений.

Нет нужды перечислять примеры использования стреловидных прорезей, восходящих к практической бойнице и ставших, пожалуй, самым распространенным элементом архитектурного декора на Востоке. Отметим только их широкое применение в Маргиане как на стенах пограничных парфянских крепостей, так и в самой Антиохии, где они вместе с квадратными нишками украшали фасад замкового или дворцово-храмового комплекса в цитадели[22]. Особенно близкие аналогии нашей модели дает орнаментальная разделка выступающих прямоугольных башен оборонительной стены античных Бактр. Передний фасад этих монолитов из кирпича, стоящих на берме, был оформлен чередующимися рядами стрелок и врезанных треугольников, образующих кресты[23].

Ряд параллелей возникает между мервскими курильницами и оссуариями. Это прежде всего «архитектурность» тех и других культовых объектов. Уже давно оссуарии привлекаются исследователями в качестве источника по истории архитектуры. Спорный вопрос о происхождении их формы, породившей обширную литературу, решен как будто в пользу признания тезиса, высказанного Г. А. Пугаченковой, об отражении в них архитектурных сооружений культового назначения[24], наусов[25] или даже древних мавзолеев[26], распространенных в маздеистской среде среднеазиатских народов до сложения оссуарного обряда захоронения, причем, рассматривая орнаментальные глиняные гробики как копии ранее существовавших построек, исследователи успешно пытаются воссоздать архитектурные нормы и ордеры не дошедших до нас объектов древнего зодчества.

Если рассматривать в том же плане мервские курильницы, связывая их по единству элементов декора с оссуариями, надо признать, что наиболее выразительны и близки им оссуарии Джанбас-калы[27], Мунон-депе[28] и мервского некрополя[29]. Оссуарий из Джанбас-калы по времени не-

посредственно предшествует ранним курильницам Мерва. Их роднит воспроизведение башнеобразной архитектурной формы и такие элементы крепостной архитектуры, как стреловидные бойницы. В оссуарии, как предполагается, воплощен мавзолей, укрепленный на случай осады[30]. Мунондепинский оссуарий младше мервских курильниц на два с лишним столетия, а оссуарии некрополя несколько старше, но их всех объединяет необычайно тщательное воплощение архитектурного образца, что, несомненно, составляет характерную особенность Маргианы. Мунондепинский оссуарий — круглой формы, увенчанный куполом и зубчатым парапетом с прорезанными в стенке стреловидными отверстиями, по мнению авторов публикации, повторял какие-то монументальные сооружения круглого плана парфянского времени. Некоторые остоданы мервского некрополя, синхронные поздним курильницам Гяур-калы, очень близко воспроизводили прямоугольные постройки, как считают, наусы[31], крытые куполом с лицевой стеной, выделенной зубчатым парапетом. На их стенках точно такие же как на курильницах прорезанные оконца грибовидного очертания. Некоторые ящички среди прочих архитектурных деталей несут на углах налепы штампованных женских головок[32].

В отличие от памятников Согда V—VII вв. в Мерве не получил распространения прием украшения бытовой посуды антропоморфными налепами. Если такое украшение курильницы с Балалык-тепе и самих согдийских оссуариев можно было бы еще связывать с линией развития самого керамического ремесла, то для мервских остоданов реальнее объяснять его заимствованием из архитектуры. Правда, пока не известны мервские курильницы с налепами. Сам же метод оформления здания раннего средневековья скульптурными изображениями применялся довольно широко[33]. О сочетании архитектуры со скульптурой в сооружениях раннесредневекового Мерва говорят письменные источники, в частности знаменитое здание Кей-Марзубан, упоминаемые ал-Факихом, включало в композицию фасада четыре человеческие фигуры[34]. Оно носило, видимо, храмовый характер и было «бутханой». Не исключено, что скульптурами украшались фасады и других храмов, богатых домов знати и таких построек, как наусы. Это нашло свое воплощение в барельефных налепных оссуариях мервского некрополя, как и широкое распространение скульптуры и рельефов вообще в среднеазиатском строительстве этого периода, видимо, отразилось в соответствующих приемах орнаментики оссуариев, курильниц и отчасти керамики.

Итак, некоторые параллели с оссуариями и аналогии с архитектурным оформлением крепостных сооружений позволяют видеть в культовых среднеазиатских курильницах, распространенных с IV в. н. э., воплощение архитектурных форм, которые на мервских примерах выступают особенно четко. Если в остоданах есть основания видеть воспроизведение культовых построек (наусов, мавзолеев), то, видимо, и башнеобразные подставки курильниц логично связывать не с чисто фортификационными сооружениями, а с культовыми башнями. Насколько же правомочно предполагать существование таких построек в Средней Азии, прежде всего в самой Маргиане, и какие из них могли служить прототипом мервских подставок?

Сама идея возведения культовых зданий на высоком устремленном в небо основании традиционна на Востоке. Не будем обращаться к таким древним примерам, как зиккураты, которые, видимо, оказали какое-то влияние на культовое зодчество Средней Азии. Убеждает в этом и обнаружение основания подобной башни на территории Туркмении,

на Алтын-депе, поселении эпохи бронзы[35]. Не сказалась ли сама идея возведения храмов на таком высоком основании на фоне древнейших культовых курильниц на высокой подставке из Месопотамии? Особенно характерен предмет из Киша с подставкой, обвитой спиральным выступом, как бы абстрагированный от зиккурата.

Высокий стилобат не только использовался в древнем среднеазиатском зодчестве, но стал главным элементом культового и дворцового строительства. До нас в Средней Азии, кроме буддийского ступа в Термезе, не сохранилось ни одной постройки культовой домусульманской башни, и судить о них можно лишь по обнаружению платформы-основания, а о принадлежности к тому или иному культу и функциональном назначении можно лишь догадываться. Подробнее остановимся на храмовых башнях. В Иране такая форма святилища существовала еще в ахеменидскую пору. Р. Гиршман связывает башню в Накш-и-Рустаме и Пасаргадах с возжиганием на их крышах открытого огня[36], в чем сказался отмеченный еще Геродотом обычай персов поклоняться божеству на возвышенностях. Возведение таких башен продолжалось в античное время, о чем свидетельствует святилище в Нурабаде III—I вв. до н. э.[37] В сасанидскую пору, когда укрепляется и насаждается ортодоксальный зороастризм в Иране, происходят некоторые изменения в культовой архитектуре, но тип башенного святилища с открытым алтарем огня наверху продолжал существовать. Он сочетался с самим храмом огня. Примером может служить стоящая рядом с храмом башня в Фирузабаде, на которой, по мнению Гиршмана, зажигался огонь при церемониях на открытом воздухе вокруг купольных павильонов[38].

У среднеазиатских народов с глубокой древности бытовали маздеистские представления. По-преданию, в Хорезме был зажжен один из великих огней зороастризма. Некоторые исследователи связывают со среднеазиатскими областями, в частности с Маргианой, формирование самой авестийской традиции. Надо полагать, что здесь выработалось несколько типов храмов, связанных с почитанием огня и местных маздеистских божеств, в том числе башнеобразные. Самым близким примером служит южный культовый комплекс Старой Нисы, где высилась башня, планировочно связанная с Круглым залом[39]. Как уже указывалось в печати, одним из возможных вариантов ее назначения могла быть роль монументального основания для алтаря открытого огня[40]. Что касается Маргианы, области особо отмечаемой в авестинской литературе, то здесь в интересующем нас аспекте внимание привлекают остатки комплекса построек конца II—III вв. н. э. в северо-восточной части Мерва (городище Гяур-кала).

Работами ЮТАКЭ расчищена часть башни-монолита из сырцового кирпича (40×40×10 см), в стороне 16,6 м, сохранившаяся на высоту 3,2 м, и рядом с ней выявлено здание, состоявшее из трех помещений (рис. 3). Самое крупное — шириной 8,6 м, но по длине, видимо, почти вдвое больше. Из него вел проход в глухое помещение размером 4,1×3,6 м^2. Третье помещение не сохранилось. Примечательно, что в заполнении их были найдены фрагменты курильниц. В планировке комплекса существуют явные параллели храмам огня: зал для главных церемоний и изолированное глухое помещение за ним, где хранился священный огонь. Разница с синхронными персидскими храмами огня лишь в отсутствии обводного коридора вокруг зала[41]. Зато почти полная аналогия в планировочном принципе более раннего Квадратного зала Старой Ни-

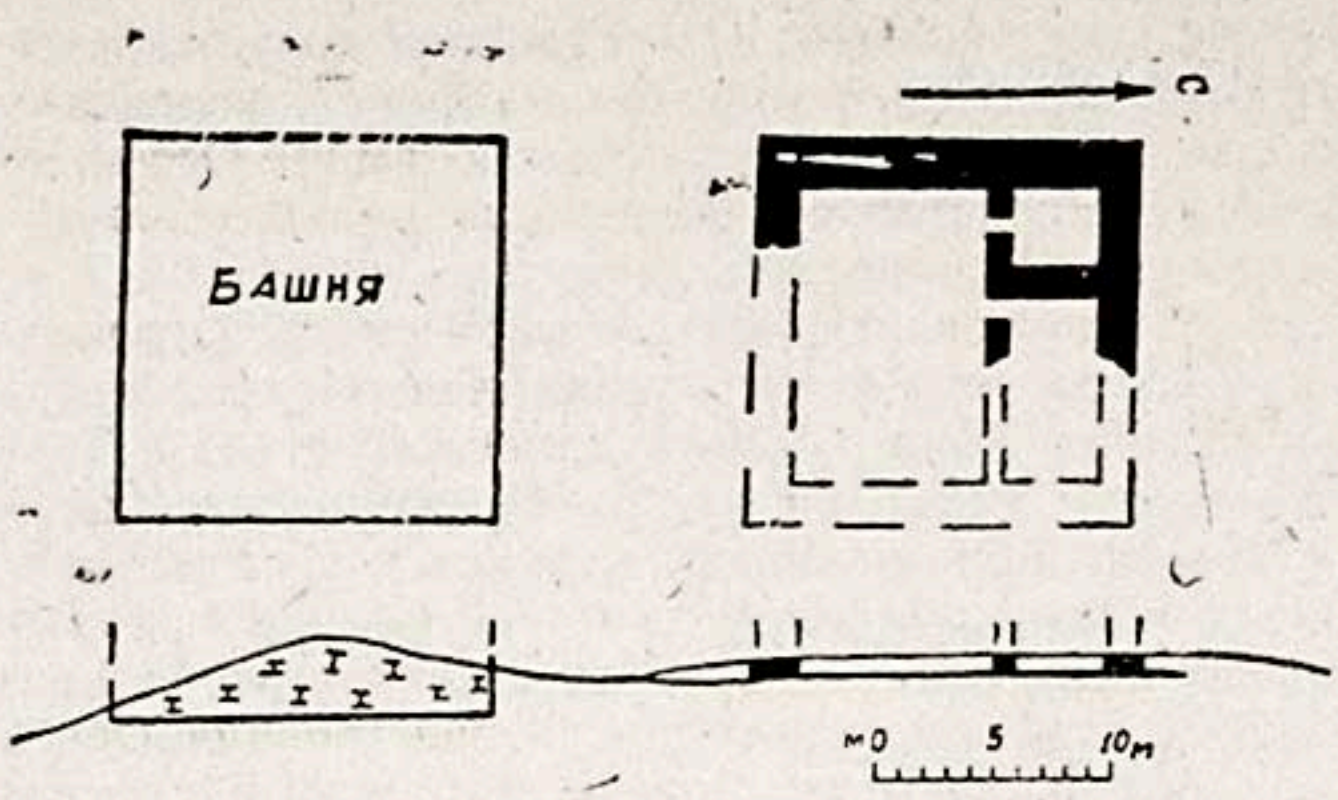

Рис. 3. План здания с «башней» на Гяур-кале.

сы, где глухой красный коридор выполнял роль изолированного помещения при мервском храме[42]. Безусловно, храм Гяур-калы намного скромнее и меньше нисийского, но в его руинах найдены цветные штукатурки и мелкие остатки скульптуры, свидетельствующие о некогда парадном его убранстве. Связь с Нисой проявляется и в сочетании храма с башней. Следует отметить, что храм Мерва был возведен на руинах постройки I в. до н. э. — II в. н. э., видимо, того же назначения и также сочетавшейся с башней. Остатки ее, сложенные из пахсы, обнаружены восточнее описанной. Планировочная связь мервского культового комплекса с Нисой не случайна. Она свидетельствует о единстве и продолжении самобытных традиций культового зодчества, выработанных в восточных коренных областях Парфянского государства. Интересен и тот факт, что такая форма святилища, как башня, сложилась также, видимо, на основе местных традиций, хотя параллельный процесс отмечен в Иране. Надо полагать, в самом Мерве описанный храм и башня для возжигания священного огня не были единичны.

Возвращаясь к теме нашей статьи, заманчиво предположить, не эти ли башни огня, стоявшие на высоких платформах, воплощены с большой достоверностью в мервских подставках курильниц III в. н. э. В таком случае по этим копиям можно воочию представить себе облик навсегда утраченной формы мервского культового зодчества. Как уже отмечалось, фасады башен несут элементы фортификации и архитектурного декора, что подчеркивает единство средств оформления крепостных, культовых и светских построек, подмеченное уже исследователями. Копии свидетельствуют о квадратности плана башен — единственное обстоятельство, которое можно проверить и подтвердить на материальных остатках самого оригинала. Ярко выраженной архитектурностью примыкает к мервским «башням» культовый стеатитовый предмет из Новой Нисы. Он, видимо, по времени предшествует ранним мервским образцам.

Связь мервских курильниц с четко датированными слоями придает достоверность установленной эволюции их формы. Ранние образцы квадратны в плане и весьма насыщенны орнаментом. Объекты V—VI вв. круглые и оформлены довольно лаконично, хотя архитектурность их выступает четко. Эти поздние образцы сравнимы с курильницей Балалык-тепе и в меньшей степени с другими башнеобразными подставками. Возможно, переход от пирамидальной подставки к конической отражает изменения самого прообраза, который соответствовал общему направлению в развитии зодчества. В фортификации, например, происходит постепенная замена квадратных башен округлыми. Украшения

налепами человеческого лица курильницы Балалык-тепе, возможно, передают реальный прием оформления храмов-башен раннего средневековья. Мервские курильницы III в. н. э. как бы открывают собой ряд башнеобразных предметов из других областей Средней Азии.

Чем объяснить, что раньше конца II — начала III в. н. э. эти объекты не были отмечены на Гяур-кале и, видимо, не употреблялись горожанами? Этот вопрос стоит в прямой связи с тем фактом, что особенно широко эти культовые предметы стали встречаться в Средней Азии в раннем средневековье. Видимо, наряду с окончательной канонизацией зороастризма, проводимой под особым покровительством царской власти и коснувшейся в основном иранских земель Сасанидского государства и в меньшей степени таких отдаленных провинций, как Мерв, на территории Средней Азии также шел процесс оформления разрозненных маздеистских представлений. Центрами его были исторически и экономически сложившиеся области. Складывалась и рафинировалась система ритуальной обрядности, связанная с почитанием древних местных божеств (плодородия, воды, солнца), при отправлении культов которых и применялись главным образом курильницы. Вспомним, что находки фрагментов этих предметов сделаны в домах рядовых и бедных слоев населения города Мерва. Они были принадлежностью домашних молелен и причастны к идеологическим воззрениям широких народных масс. Процесс этот так и не был завершен, но к приходу арабов, принесших ислам, некоторые обрядовые действия были уже унифицированы.

Хотелось бы коснуться вопроса, уже довольно широко обсуждаемого в литературе и, на наш взгляд, связанного с предметом данной работы. Речь идет о генезисе молитвенных (использовавшихся и как сторожевые) башен ислама—минаретов. Обычно в вопросе происхождения их учитываются географические районы их местонахождения, так как ранние минареты различных областей, вошедших в состав халифата, отличаются друг от друга и формой, и декором. Большое своеобразие свойственно ранним мусульманским башням Ирана и Сирии. Минарет Мальвия (IX в.) в Самарре в виде усеченного конуса на квадратном основании, обвитого спиральным пандусом[43], напоминает о традиции древних культовых башен Месопотамии. От них отличаются минареты Хорасана, Мавераннахра и Афганистана, генезис которых возводят к дозорным башням крепостной архитектуры или к цилиндрическим столбам «стамба» буддийского зодчества[44]. Среднеазиатские минареты, наиболее ранние образцы которых сохранились на территории Туркмении, отличались стройным коническим стволом. Наиболее распространенное средство их художественного оформления — орнаментальная кладка отдельными полосами, чередующимися с обычной кладкой. Башни XI—XII вв. оформлены полосами с геометрическим и эпиграфическим заполнением.

Поясное орнаментальное оформление мервских подставок, как и коническая форма среднеазиатских башнеобразных курильниц, вообще вызывает определенные ассоциации с минаретами и это, видимо, не случайно. Существует еще одна точка зрения на происхождение башен, связанная с толкованием основного значения слова «минарет» (منار — место, где что-нибудь зажжено). Исходя из этого значения происхождение минаретов выводили из маяков или зороастрийских башен огня[45]. Последнее заслуживает внимания при рассмотрении среднеазиатских минаретов. Действительно, минареты — культовые постройки и логичнее выводить их из прообраза того же характера. Ранние минаре-

ты обычно ставились рядом с мечетью, но не встраивались в нее. Точно так же башни сочетались с храмом, но в большинстве не были связаны с ним конструктивно. Башня Старой Нисы составляет исключение, но строилась она как самостоятельный элемент и была соединена с «Круглым залом» потом, когда был выстроен второй ряд обводного коридора. Первым обратил внимание на существование минаретоподобных культовых сооружений в домусульманской Средней Азии М. Е. Массон[46]. Сейчас, когда имеется материальное подтверждение бытования башен-храмов в Средней Азии, в частности связанных с возжиганием огня, есть все основания признать их роль в генезисе культовых башен ислама. Может быть, несколько риторически прозвучит вывод, который тем не менее напрашивается: если оссуарии формой подражали постройкам, связанным с погребальным культом, наусам, древним мавзолеям, которые в свою очередь послужили прообразом мавзолеев мусульманской поры, то башнеобразные культовые курильницы типа мервских были копиями башен-храмов огня, которые сыграли свою роль в формировании облика минаретов ислама.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Альбаум Л. И.* Некоторые культовые предметы из раскопок Балалык-тепе. — КСИЭ, вып. 30, 1958, с. 73.

[2] *Eliot H. W.* Excavations in Mesopotamia and Western Iran, sites of 4000—500 B. C. Cambridge. Massachusetts, 1950, tabl. 20.

[3] *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, рис. 53.

[4] *Marshall I.* Mohenia-Daro. The Yndus civilization, v. 1. London, 1931, tabl. 79.

[5] *Гордон Чайлд.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, рис. 101.

[6] *Marshall I.* Taxila. Cambridge University Press, v. 3, 1951, tabl. 125.

[7] *Eliot H. W.* Op. cit., tabl. 22, 33.

[8] *Barnette R. D.* Assirische Palastreliefs. Prague, tabl. 28—29, 107.

[9] *Массон В. М.* Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении.— «Труды ЮТАКЭ», т. 7. Ашхабад, 1956, с. 416, рис. 29.

[10] Кой-Крылган-кала — памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э.— IV в. н. э. М., 1967, с. 112, табл. 3, 46—47.

[11] *Там же,* табл. 9, 40—41.

[12] *Кабанов С. К.* Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе. — «Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР», т. 2. Ташкент, 1950, табл. 1, 16.

[13] *Pumpelly R.* Explorations Turkestan, v. 1. Washington, 1908, tabl. 11.

[14] *Атагаррыев Е., Бердыев О.* Археологическое изучение Туркменистана за годы Советской власти. — СА, 1967, № 3, рис. 1.

[15] *Обельченко О. В.* Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника. — «Труды САГУ», т. 4. Ташкент, 1957, с. 112.

[16] *Альбаум Л. И.* Указ. соч., с. 74.

[17] *Якубовский А. Ю.* Итоги работ экспедиции в 1948 г.— МИА, вып. 15. М.—Л., 1950, с. 54, табл. 57(2).

[18] *Шишкин В. А.* Варахша. М., 1963, с. 161, табл. 14; Живопись Древнего Пенджикента. М., 1954, с. 104, 116.

[19] *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии. М., 1966, с. 67.

[20] *Marshall I.* Op. cit., v. 1, p. 208—209.

[21] *Альбаум Л. И.* Указ. соч., с. 76.

[22] *Усманова З. И.* Эрк-кала.— «Труды ЮТАКЭ», т. 12. Ашхабад, 1963, с. 52.

[23] *Le Berre M., H. Schlumberger D.* Observations sur les remparts de Bactres.— MDAFA, v. 19. Paris, 1964, pl. 38.

[24] *Пугаченкова Г. А.* Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах.— «Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР», т. 2. Ташкент, 1950, с. 45.

[25] *Пугаченкова Г. А.* Мавзолей Араб-ата. — «Искусство зодчих Узбекистана», вып. 2. Ташкент, 1963, с. 82.

[26] *Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С.* Башнеобразные оссуарии (к вопросу о домусульманских мавзолеях Средней Азии). — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 154.

[27] *Там же,* рис. 1.

[28] *Кошеленко Г. А., Оразов О.* О погребальном культе в Маргиане в парфянское время. — ВДИ, 1965, № 4, с. 43, 46.

[29] *Ершов Е. А.* Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954—1956 гг.). — «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии ТССР», т. 5. Ашхабад, 1959, с. 17.

[30] *Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С.* Указ. соч., с. 154.

[31] *Пугаченкова Г. А.* Мавзолей Араб-ата..., с. 82.

[32] *Ершов Е. А.* Указ. соч., с. 173.

[33] *Пугаченкова Г. А.* Элементы..., с. 23.

[34] *Ал-Факих.* — МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939, с. 151.

[35] *Массон В. М.* Четвертый сезон раскопок на Алтын-депе. — В кн.: Археологические открытия 1968 года. М., 1969, с. 435.

[36] *Ghirschman R.* Iran from the Earliest times to the Islamic Conquest. London, 1954, pl. 19(a).

[37] *Кошеленко Г. А.* Указ. соч., с. 64.

[38] *Ghirschman R.* Op. cit., fig. 94.

[39] *Крашенинникова Н. И.* К вопросу о взаимосвязи «Круглого храма» с так называемой «башней» Старой Нисы.— «Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук», 1960, № 4, с. 40.

[40] *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, с. 102; *Кошеленко Г. А.* Указ. соч., с. 29.

[41] *Ghirschman R.* Op. cit., fig. 93.

[42] *Пугаченкова Г. А.* Пути развития..., с. 79.

[43] *Веймарн Б., Каптерева Т., Подольский А.* Искусство арабских народов. М., 1960, с. 45.

[44] *Пугаченкова Г. А.* Мавзолей Араб-ата..., с. 53; *Она же.* Пути развития..., с. 168; *Она же.* Искусство Афганистана (три этюда). М., 1963, с. 102.

[45] *Массон М. Е.* Краткая историческая справка о среднеазиатских минаретах. — Материалы Узкомстариса, вып. 2—3. Ташкент, 1933, с. 3.

[46] *Там же,* с. 4.

П. Г. БУЛГАКОВ, Б. А. ВАХАБОВА

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УЧЕНЫЕ ИЗ МЕРВА

На протяжении всего средневековья вплоть до монгольского нашествия Мерв был одним из важнейших культурных центров не только в пределах Хорасана, но и всей Средней Азии. Развитие ирригации, строительства и многочисленных ремесел неизбежно стимулировало развитие естественных наук — и не случайно Мерв является родиной ряда выдающихся математиков, физиков, астрономов.

Одним из главных факторов, обусловивших становление Мерва как крупнейшего культурного и научного центра, явилось его политическое значение. «Мадинат Хорасан» (столица Хорасана) — так называет Мерв арабский географ IX в. Ибн-ал-Факих[1]. И действительно, Мерв в средние века был одной из двух столиц Хорасана, то отбирая первенство у Нишапура, то уступая его вновь ему.

В VIII в. Мерв — официальный центр хорасанского наместничества. В начале IX в. во время правления в Мерве ал-Ма'муна, сына халифа Харуна ар-Рашида, политическая роль Мерва еще более возрастает. В период борьбы за престол со своим братом ал-Амином, ал-Ма'мун в 813 г. был объявлен в Мерве халифом, и в течение семи лет Мерв фактически являлся столицей халифата. К данным, которые мы приводили по этому поводу ранее[2], следует добавить прямое свидетельство Бируни о том, что Мерв при ал-Ма'муне, хотя и недолго, считался официальным местопребыванием халифа[3]. Ал-Ма'мун не без основания снискал славу мецената наук, привлекая к своему двору многих среднеазиатских ученых, которые впоследствии составили ядро его академии («Дом Мудрости») в Багдаде. В числе их были «отец алгебры» Мухаммед ибн Муса ал-Хорезми знаменитый астроном и географ ал-Фергани, книгу которого читал в латинском переводе Данте, астроном из Мерверруда Халид ибн Абдалмалик ал-Мерверруди — один из руководителей исторического измерения меридиана Земли и крупнейший астроном и математик мервчанин Хабаш ал-Хасиб ал-Мервази.

В IX в. Мерв при Тахиридах временно уступает свою столичную роль Нишапуру, но сохраняет (как и в X в. при Саманидах) значение

центра одного из крупных наместничеств. В XII в. он вновь становится столицей при сельджукском султане Санджаре.

Таким образом, на протяжении всего периода с VIII в. по монгольское нашествие в Мерве всегда был двор феодального правителя, а это увеличивало возможности для развития науки и культуры, ибо казна правителя в период феодализма была одним из основных источников существования. Бируни писал: «Областей знания много и их становится еще больше, когда к ним непрерывной чередой обращаются умы людей эпохи восходящего развития; признаком последнего является стремление людей к наукам, их уважение к ним и их представителям. Это прежде всего долг тех, кто управляет людьми, так как именно их дело освобождать сердца от забот обо всем необходимом для земной жизни...»[4]. Имеются отдельные факты, говорящие о том, что мервский двор не только привлекал к себе ученых и оплачивал их труд, но и направлял некоторые средства на содержание государственных медресе; это отмечает для X в. В. В. Бартольд, опирающийся на сведения географа ал-Мукаддаси[5]. Сосредоточение ученых в Мерве привело к созданию в городе крупнейших библиотек, на материалах которых составил свой знаменитый географический словарь Йакут[6]. Любопытен и такой малоизвестный факт, что Йакут обнаружил в соборной мечети Мерва список трудов Бируни, составлявший шестьдесят листов[7]. Таким образом, Мерв был не только местом деятельности своих и приезжих ученых, но и хранилищем духовных ценностей, какие были созданы на Ближнем Востоке и в Средней Азии за несколько веков.

В востоковедческой литературе нет никаких данных о научной жизни в Мерве VIII в. Между тем в трудах арабских биографов и самих мервских ученых есть отдельные, хотя и весьма скудные, сведения об этом самом раннем периоде развития науки в Мерве на базе арабского языка.

Так, уроженец Мерва врач-христианин[8] Али ибн Сахл Раббан рассказывает о своем отце Сахл Раббане: «Мой отец был сыном одного из секретарей в городе Мерве. Он имел большое стремление к тому, чтобы делать добрые дела... и пытался извлечь пользу из медицинских и философских книг, предпочитая медицину профессии своих предков. Он стремился посвятить себя миссии, указанной богом, и, таким образом, завоевать признательность человечества. Поэтому он и получил прозвище «раббан», что значит «наш господин» или «наш учитель»[9].

Время рождения Сахл Раббана неизвестно, но исходя из того, что сын его Али ибн Сахл родился в 192/808 г. можно предположить, что деятельность Сахла падает на конец VIII—начало IX в. Арабский биограф XII в. Ибн ал-Кифти сообщает о Сахл Раббане: «Он был философом, врачом, знатоком геометрии и других областей математики. Он переводил философские книги с одного языка на другой»[10]. Ниже он указывает, что Раббан перевел с греческого «Альмагест» Птоломея, и этот перевод весьма высоко оценил известный астроном IX в. Абу Ма'шар[11].

IX в. дал уже целую плеяду ученых из Мерва и его окрестностей, из которых первым заслуживает упоминания выдающийся математик и астроном Ахмад ибн Абдаллах ал-Мервази, известный под прозвищем «Хабаш ал-Хасиб» («Хабаш-вычислитель»). Сведений о его жизни почти нет. Время его рождения неизвестно; умер он между 250—260 (864—874 гг.)[12]. Ибн ал-Кифти сообщает, что он был родом из Мерва, но жил

преимущественно в Багдаде[13]. Согласно Ибн ал-Надиму, сведения которого анонимно цитирует Ибн ал-Кифти, Хабаш ал-Хасиб умер глубоким стариком[14]. Научная деятельность его была связана с академией халифа ал-Ма'муна, в которой он сотрудничал со светилами среднеазиатской науки ал-Хорезми, ал-Фергани и Халидом ал-Мерверруди.

По всей вероятности, все эти великие умы Средней Азии собрались в Багдаде, где вели математические и астрономические исследования, не случайно. По-видимому, они были привлечены ал-Ма'муном еще во время его правления в Мерве и переехали вместе с ним в Багдад. Но это могло быть только при условии, что они сформировались как ученые, а потому стали известными ал-Ма'муну еще в добагдадский период их жизни, то есть на родине, в Средней Азии.

Заслуги Хабаша ал-Хасиба в области математики трудно переоценить, и они должны рассматриваться в рамках истории мировой науки. Ему принадлежит первенство вынесения за пределы гномоники и введения в тригонометрию понятий тангенса и котангенса[15]; он же составил самые ранние в истории математики таблицы этих двух функций; наконец, он один из первых в мире открыл функцию косеканса[16].

Исключительным авторитетом среди средневековых астрономов пользовались астрономические таблицы (зиджи) Хабаша ал-Хасиба: зидж индийской системы, испытанный зидж, шахский краткий зидж, ма'мунов зидж и дамасский зидж[17]. Эти таблицы, чаще всего испытанный зидж, использовал во многих своих вычислениях великий Бируни[18].

Актуальные проблемы определения географических координат пунктов и расстояний между ними рассматриваются в книге Хабаша ал-Хасиба «О далях и телах». В ней Бируни Хабаш вычисляет величину меридиана Земли, опираясь на результаты, полученные экспедицией астрономов и землемеров, снаряженной ал-Ма'муном, руководителем которой был земляк Хабаша — Халид ал-Мерверруди[19]. Кроме перечисленных трудов Хабаша, Ибн ал-Кифти называет еще две книги: одну, посвященную астролябии, а другую — геометрии сферы[20].

До последнего времени оставалась загадочной фигура тахиридского наместника, правителя Мерва, Амуля и Хорезма, Мансура ибн Талхи, двоюродного брата царствовавшего в его время Абдаллаха ибн Тахира (IX в.). Скудные сведения о нем, сообщаемые Ибн ал-Надимом, позволили В. В. Бартольду сказать лишь, что он «писал философские сочинения; Абдаллах называл его «мудростью Тахиридов» и очень гордился им»[21]. Несколько лет тому назад впервые опубликованные арабский текст (1962) и русский перевод (1966) «Геодезии» Бируни в значительной мере расширяют наши представления об этой личности. Всегда строгий и беспристрастный в своих оценках, Бируни пишет о Мансуре следующее: «Этот почтенный муж принадлежал к остаткам тахиридских правителей в Хорасане и был весьма искусным в математических науках и прилегающих к ним (отраслях знания)»[22]. Бируни далее сообщает, что Мансур ибн Талха лично проводил астрономические наблюдения в Мерве (а это значит, что в городе в IX в. имелась обсерватория) и с уважением ссылается на его астрономический труд «В разъяснение сферы»[23]. Согласно Бируни, Мансур ибн Талха, который был «страстно увлечен наукой о звездах»[24], помимо географических координат Мерва, определил с большой точностью координаты Нишапура и Мекки[25].

К IX в. относится деятельность, к сожалению, мало нам известного географа из Мерва Абу-л-Аббаса Джа'фара ибн Ахмада ал-Мервази

(ум. около 274/887 г.). Ибн ан-Надим сообщает, что он был первым, кто написал книгу путей и государств[26], следовательно, ал-Мервази может быть признан основоположником жанра путевых очерков в арабоязычной географической литературе. Упомянутая его книга до нас не дошла, но отдельные выдержки из нее приводит в своем сочинении географ Ибн ал-Факих. В частности, со слов ал-Мервази Ибн ал-Факих сообщает некоторые данные о тюркских племенах[27]. Вероятно, ал-Мервази до работы над своим трудом непосредственно был связан со среднеазиатской средой, хотя и жил вдали от Родины, в Ахвазе (Южный Иран). Нам кажется весьма близким к истине предположение И. Ю. Крачковского, что «работа ал-Мервази содержала и другие ценные для нас материалы, быть может именно по географии Средней Азии»»[28].

Наряду с математикой, астрономией и географией в Мерве в VIII в. на местной почве развивалась и медицина. Дело Сахл Раббана в IX в. продолжил его сын Али ибн Сахл Раббан, или, как его часто именуют, Ибн Раббан. В раннем возрасте он покинул вместе с отцом Мерв и жил сначала в Табаристане, а затем переехал в Ирак. Свою профессию и знания он унаследовал от отца, и, следовательно, его с полным правом можно отнести к мервской медицинской школе.

Арабский биограф Ибн Абу Усайби'а (XIII в.) приводит названия шести медицинских сочинений Ибн Раббана[29], к которым К. Брокельман добавляет еще одно[30]. В наше время известны лишь три его труда. Самый крупный из них — «Рай мудрости» — представляет своеобразную натурфилософскую энциклопедию с медицинским уклоном, но поднимающую также некоторые проблемы философии, психологии, зоологии, эмбриологии и метеорологии. Содержание труда показывает, что Ибн Раббан был большим знатоком не только среднеазиатской и ближневосточной медицины, но и греческой (древней и византийской) и даже индийской. Книга является одной из первых успешных попыток синтеза всех медицинских знаний и в то же время содержит ряд оригинальных материалов, восходящих к ее автору.

В Мерве проходила деятельность врача IX в. христианина Ибн Масы. По сведениям Ибн Абу Усайби'ы, он работал в мервской городской больнице и славился как один из выдающихся врачей своей эпохи. Ибн Маса оставил после себя ряд трудов по таким вопросам, как режим питания и влияние на организм отдельных видов пищи, режим и значение для здоровья водных процедур, правила кровопускания и др.[31] Бируни в своей «Фармакогнозии» неоднократно ссылается на труды Ибн Масы, к сожалению, не приводя их названий[32]. По этим ссылкам видно, что Ибн Маса был незаурядным фармакогностом и ботаником; особенно его интересовали лекарственные растительные средства. Он подробно описывает внешние признаки ряда растений[33] указывает места их произрастания[34]; интересуется не только высшими растениями, но и грибами[35].

Родился и вырос в Мерве филолог и генеалог арабских племен Омара ибн Мутарриф (ум. около 186/802 г.)[36], завершивший жизнь в Багдаде в высокой государственной должности. По характеристике Йакута, Омар был большим мастером эпистолярного стиля и оставил после себя сборник секретарских посланий. К числу оригинальных произведений Омара относятся генеалогия арабских племен и памятник ранней арабской географии «Стоянки арабов, их границы, и где было место каждого племени, и куда оно переселилось»[37].

Уже упоминавшийся выше географ ал-Мервази был в то же время,

как сообщает Йакут, литератором и филологом. Он оставил после себя две книги по адабу — изящной литературе и гуманитарной образованности — «Большая книга по адабу» и «Малая книга по адабу»[38].

Загадкой по сей день остается для нас книга «История Мерва», которую знал Бируни. Автор неизвестен. Книга до нас не дошла. Исходя из единичных ссылок на нее Бируни, можно предполагать, что это был оригинальный труд. В частности, Бируни заимствовал из него сведения о добыче в пустыне близ Мерва растительных лекарственных средств и их экспорте[39].

К концу X—началу XI в. относится деятельность законоведа, филолога и поэта Абдул-Касима Исмаила ал-Байхаки (ум. в 402/1011 г.), родившегося, как показывает его нисба, в иранском Хорасане, но затем избравшего своим постоянным местожительством Мерв. Он был, по-видимому, крупной величиной для своего времени; об этом свидетельствуют утвердившиеся за ним громкие почетные прозвища — «Солнце имамов» и «Солнце Байхака». В числе его трудов Йакут называет лексикографический свод — «Книгу по лексике»[40].

К этому же времени восходят первые сведения о знаменитом, исконно мервском роде филологов и историков — Сам'ани. В востоковедческой литературе известен в основном лишь один его представитель — Абу Са'д ас-Сам'ани, о котором подробно будет рассказано ниже. По сведениям Йакута, основателем научных историко-филологических традиций в этой семье, и даже целой школы, которая привлекла к себе учеников из других областей Средней Азии, был Абу Са'да, Абу-л-Музаффар ас-Сам'ани. Труды его нам не известны, как не известна и точная дата его жизни, но деятельность его протекала, безусловно, в XI в. и носила преимущественно педагогический характер.

Йакут сообщает, что к Абу-л-Музаффару в Мерв из Ахсиката (Фергана) приехал учиться крупный филолог и историк Ахмад ибн Мухаммад ибн ал-Касим ал-Ахсикати. Вместе с ним прибыл в Мерв с той же целью его брат Мухаммад ал-Ахсикати, который также стал филологом. Закончив учебу под руководством Абу-л-Музаффара ас-Сам'ани, Ахмад ал-Ахсикати, как и его брат, навсегда поселились в Мерве. По словам Йакута, братья ал-Ахсикати «стали в этом городе адибами, от которых не было защиты (в диспутах)»[41].

Ахмад ал-Ахсикати, в свою очередь, стал преподавать в Мерве, и уже у него учился знаменитый Абу Са'д ас-Сам'ани[42]. Таким образом, заимствовав знания у старшего представителя рода Сам'ани, Ахмад ал-Ахсикати с лихвой вернул этот долг младшему представителю этого же рода.

Ахмад ал-Ахсикати (род. около 466/1073 г.) оставил след в обеих традиционных для семьи Сам'ани науках — истории и филологии. Он написал не дошедшую до нас и не известную нам «Книгу по истории» и ряд филологических трудов, из которых важнейший — комментарий к дивану стихотворений «Искры от кресала» выдающегося арабского поэта и мыслителя Абу-л-Ала ал-Ма'арри. Красочную характеристику достоинств ал-Ахсикати как филолога и роли его в развитии филологии в Мерве дал его ученик Абу Са'д ас-Сам'ани, которая цитируется Йакутом в его биографическом словаре («Иршаде»): «Он был адибом достойным и искусным; у него была длинная рука в знании синтаксиса и лексики и широкая ладонь в поэзии и прозе. Он имел доступ к обществу достойнейших (адибов) старшего поколения, состязался в поэзии, уча-

ствовал в поэтических турнирах с выдающимися, крупнейшими (поэтами). Многие достойнейшие люди Хорасана учились у него адабу»[43].

Его ученик Абу Са'д Абдалкарим ас-Сам'ани родился в 506/1113 г. в Мерве. Завершив учебу, он предпринял ряд путешествий в «поисках знаний», посетил Бухару, Самарканд, Несеф, Термез, Нишапур, Исфаган, Багдад, Алеппо, Дамаск, Иерусалим, города Хиджаза. Его знаменитая «Книга генеалогии», в свое время по достоинству высоко оцененная В. В. Бартольдом, И. Ю. Крачковским и другими крупнейшими востоковедами, еще в средние века питала труды многих ученых, в частности Йакута. И сегодня она является одним из самых ценных источников по истории культуры и исторической географии Средней Азии, особенно Хорасана[44]. Характеризуя значение этой книги, И. Ю. Крачковский писал: «В ней ас-Сам'ани задался целью составить в алфавитном порядке список относительных имен, под которыми известны сколько-нибудь выдающиеся в том или ином аспекте лица. Часть этих относительных имен связана с какими-нибудь племенными или историческими фигурами, но еще большее количество имеет отношение к названиям областей, городов и других географических объектов. Понятно, насколько важное значение приобретает книга не только по своим историческим, но и географическим материалам. Список дается с достаточно обстоятельными аннотациями: с точным указанием произношения географических названий и с их ближайшим определением, с краткими биографиями исторических лиц, с перечнем сочинений ученых и т. д.»[45]. Книга эта до нас дошла, но еще ждет своего исследователя на предмет выявления всего комплекса материалов, связанных со Средней Азией.

Кроме этого труда, Абу Са'д ас-Сам'ани написал историю родного Мерва, по-видимому, не дошедшую до нас, а также продолжил историю Багдада, начатую ал-Хатибом[46]. С сыном Абу Са'да, Абдаррахимом ас-Сам'ани, Йакут встретился в Мерве около 615/1218 г. и получил от него ряд сведений о местных ученых, включенных позднее им в свой биографический словарь. Здесь же, в Мерве, Йакут пользовался двумя библиотеками, принадлежавшими роду Сам'ани.

Частично к Мерву относится деятельность му'тазилита Абу Мудара Махмуда ибн Джарира ал-Исфагани (ум. в 517/1123 г.). Хотя основным направлением его деятельности было распространение учения му'тазилитов в Хорасане, он в то же время небезуспешно занимался филологией и медициной. В частности, он составил руководство по адабу «Провиант путешествующего верхом». Медицинские труды его не дошли до нас даже в названиях, однако характеристика Йакута гласит, что он был уникумом своей эпохи в областях лексикологии, грамматики и медицины[47]. Абу Мудар в основном жил в Хорезме и был учителем знаменитого хорезмского филолога ал-Замахшари, деятельность которого может быть признана вершиной развития средневековой филологии в Средней Азии. Последние годы своей жизни Абу Мудар провел в Мерве, где и умер. Как сообщает Йакут, смерть его горько оплакивал аз-Замахшари[48].

Почти ничего не известно о философе XII в. Кутб аз-замане Мухаммаде ибн Абу Тахире ат-Табаси ал-Мервази. Единственный, кто упоминает его — биограф Абу-л-Хасан ал-Бейхаки. По его словам, жизнь Кутб аз-замана протекала в Мерве и Серахсе. Мать его происходила из Хорезма, отец был чиновником администрации округа Мерва. Никаких данных о трудах Кутб аз-замана до нас не дошло, но, как говорит Байхаки, «он был философом, знавшим в совершенстве все раз-

делы философских наук, и обладал очень острым умом»[49]. Умер Кутб аз-заман в Серахсе в 539/1144 г.

Столь же мало известно о другом мервском философе XII в. — Махмуде ибн Азизе ал-Ариди ал-Хорезми. Судя по его нисбе, он происходил из Хорезма, но жил в основном в Мерве, где и покончил с собой в 521/1127 г. Туманные сведения о нем, содержащиеся в трудах Йакута и вышеупомянутого Бейхаки, позволяют предполагать, что это был крупный прогрессивный мыслитель. Йакут говорит, что из-за своих философских убеждений он подвергался гонениям со стороны ортодоксального ислама. По его словам, «он был прозван «Солнцем Востока» и был одним из достойнейших людей своей эпохи, знатоком лексикологии и адаба, однако он перешел к философским наукам, был ими буквально околдован и стал ненавистным для мусульман»[50]. О его большой учености и широкой эрудиции свидетельствует почетное прозвище «второй Джахиз», данное ему аз-Замахшари. Труды его до нас не дошли, так как его философия противоречила исламской идеологии. Бейхаки сохранил несколько афоризмов ал-Ариди; «кто пользуется во всех случаях жизни воображением вместо ума, тот подобен слышащему, который спрашивает новости у глухого»[51].

В области естественных наук много сделал крупный мервский астроном Баха-ад-дин Абу Мухаммед Абдалжаббар ал-Хараки (ум. в 533/1138 г.[52]). Как показывает его нисба, он родился в селении Харак, близ Мерва, работал там некоторое время, затем оттуда переехал в Нишапур, затем был приглашен в Хорезм[53], но на склоне лет вернулся на родину[54]. Ал-Хараки оставил после себя четыре труда: три по астрономии («Крайний предел постижения распределения небесных сфер», «Взгляд на науку о сфере» и «Трактат о временах заката») и один по математике («Всеобъемлющий трактат по счету»)[55]. До нас дошли два первых астрономических труда ал-Хараки, которые частично известны по публикациям К. Наллино и Э. Видемана. Внимание историков науки привлекали в основном географические разделы трудов ал-Хараки, в частности, его описание морей земного шара. Особый интерес представляют содержащиеся в трудах ал-Хараки сведения, цитируемые им из недошедшего географического труда среднеазиатского географа ал-Джейхани; упоминания о котором сохранились также в сочинениях Бируни, Гардизи и некоторых арабских географов. Сбор всех этих цитат воедино и анализ их позволяет в какой-то степени восстановить облик этого утерянного памятника среднеазиатской географии, оказавшего огромное влияние на развитие географии на всем мусульманском Востоке.

Венчает развитие естествознания в домонгольском Мерве деятельность Абу-л-Фатха Абдаррахмана ал-Хазини. До середины прошлого века имя его никому ничего не говорило, но открытие Н. В. Ханыковым рукописи его труда «Весы мудрости» явилось подлинной сенсацией. Ал-Хазини предстал перед историками науки как едва-ли не самый крупный физик для всего периода средневековья в масштабах всего Востока. Во многих вопросах он намного обогнал свою эпоху, что роднит его с Бируни, и не случайно ал-Хазини большое внимание уделял трудам Бируни[56].

Ал-Хазини одним из первых в мире стал заниматься исследованием физических свойств воздуха, в частности его веса и плотности. Уделяя основное внимание проблемам гидростатики, он пользовался для определения плотности жидкостей приборами типа ареометров соб-

ственной конструкции. Он установил закономерность плотности жидких тел с изменением их температуры. Продолжая исследования Бируни в области определения удельного веса веществ, он добился результатов, которые поражают нас сегодня своей точностью. По мнению специалистов, не менее велики заслуги ал-Хазини и в области механики. Занимаясь проблемой свободного падения тел во времени и пространстве, он одним из первых на Востоке обратил серьезное внимание на проблему ускорения[57].

Кроме физики, ал-Хазини занимался и астрономией В Мерве около 520/1126 г. он завершил свои астрономические таблицы, составленные им для координат Мерва и отличающиеся удивительной точностью. Они носят название «Продуманные Санджаром таблицы», поскольку были созданы при сельджукском султане Санджаре[58].

К сожалению, биографические сведения об ал-Хазини отсутствуют, даже даты его рождения и смерти неизвестны. Известно лишь, что от рождения он был рабом, будто бы греческого происхождения, затем получил свободу, образование и сформировался как ученый в Мерве и, по-видимому, связал с ним всю свою жизнь[59]. Деятельность ал-Хазини, как показывают его астрономические таблицы, протекала в первой половине XII в.

Таковы далеко не полные данные о некоторых средневековых ученых из Мерва. Многое навсегда утеряно, многое остается неясным, многое предстоит разыскать. Но известно лишь одно, что Мерв был крупнейшим научным центром Хорасана, Средней Азии, всего мусульманского Востока.

Давно назрела задача комплексного изучения всех средневековых источников для получения сведений о науке в Мерве и исследовательского их обобщения, а также перевода и изучения трудов выдающихся мервских ученых и в первую очередь это касается замечательных «Весов мудрости» ал-Хазини.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ибн ал-Факих.* Китаб ахбар ал-булдан. Фотокопия Мешхедской рукописи ЛО ИВ АН СССР, Ф-В-202, л. 159б.

[2] *Булгаков П. Г.* Из арабских источников о Мерве.— «Труды ЮТАКЭ», т. 12. Ашхабад, 1963, с. 217—219.

[3] *Абу-Райхан-ал-Бируни.* Китаб ал-Канун ал-Мас'уди, 1. Хайдарабад, 1954, с. 166.

[4] *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана.— Соч., т. 2(1). М., ИВЛ, 1963, с. 226.

[5] *Абу-Райхан-ал-Бируни.* Избр. соч., т. 2. (Индия). [Перевод А. Б. Халидова и Ю. Н. Завадовского под редакцией В. И. Беляева]. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, с. 161.

[6] *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература.— Избр. соч., т. 4. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957, с. 336.

[7] The Irshad al-arib ila ma'zifat al-adib or Dictionary of Learned Men of Yaqut, Ed. by D. S. Margoliouth. Leiden — London, 1907—1927, 6, с. 311 (в дальнейшем: Йакут, Иршад).

[8] *Абу-л-Хасан ал-Бейхаки.* Татиммат Сиван ал-хикма. Рукопись ИВ АН УзССР, № 1448, с. 6—7 (в дальнейшем: Бейхаки. Ташк. рук.).

[9] *Browne Edw.* Arabian Medecina. Cambridge, 1921, с. 37—38.

[10] *Джамал ад-дин Абу-л-Хасан Али ибн ал-Кифти.* Китаб ихбар ал-улама би-ахбар ал-хукама. Каир, 1326 г. х., с. 128 (в дальнейшем: Ибн ал-Кифти, Каир).

[11] *Там же.*

[12] *Suter H.* Die Mathematiker und Astronomen der Araber und ihre Werke. Leipzig, 1900, S. 13.

[13] Ибн ал-Кифти, Каир, с. 117.

[14] *Там же.*
[15] *Юшкевич А. П.* История математики в средние века. М., 1961, с. 282—283.
[16] *Там же.*
[17] *Ибн ал-Кифти,* Каир, с. 117.
[18] Например, см.; *Абу Рейхан Бируни.* Избр. соч., т. 3, Геодезия. [Исследование, перевод и примечания П. Г. Булгакова]. Ташкент, «ФАН», 1966, с. 150, 151, 168 и др.
[19] *Там же,* с. 211—213.
[20] *Ибн ал-Кифти,* Каир, с. 117.
[21] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1. М., ИВЛ, 1963, с. 272.
[22] *Абу-Рейхан-ал-Бируни.* Избр. соч., т. 3, с. 129.
[23] *Там же,* с. 129—130.
[24] *Там же,* с. 241.
[25] *Там же,* с. 208—209 и 240—241.
[26] [Ibn an-Nadim] Kitab al-Fihrist, Hrsg. von Flügel G., I. Leipzig, 1871, S. 150.
[27] *Крачковский И. Ю.* Указ. соч., с. 127.
[28] *Там же.*
[29] *Ибн Абу Усайби'а.* 'Уйун ал-анба'фи табакат ал-атибба'. Бейрут, 1957, 1, с. 309. (В дальнейшем: Ибн Абу Усайби'а, Бейрут).
[30] *Brockelmann C.* Geschichte der Arabischen Literatur, Supplementband, I. Leiden, 1937. S. 415.
[31] *Ибн Абу Усайби'а,* Бейрут, 1, с. 184.
[32] *Каримов У. И.* Китаб ас-сайдана («Фармакогнозия») Бируни. Автореф. док. дис. Ташкент, «Фан», 1971, с. 43.
[33] *Абу-Райхан-ал-Бируни.* Китаб ас-сайдана фи-т-тибб. (Арабск. рук. из Брусы [без номера, фотокопия], л. 39а, 65а, 122а, 131б и др.). На эти нижеследующче сведения из «Сайданы» любезно обратил наше внимание У. И. Каримов.
[34] *Абу-Райхан-ал-Бируни.* Перс. рук., 5849 (фотокопия), л. 51а.
[35] *Абу-Райхан-ал-Бируни.* Арабск. рук., л. 109б, 110а, 110б, и др.
[36] *Абу-л-Хайр аз-Зирикли.* Ал-а'лам. Каир, 1954—1959, 5, с. 228.
[37] *Йакут,* Иршад, 6, с. 54—55.
[38] *Там же,* с. 400.
[39] *Абу-Райхан-ал-Бируни.* Арабск. рук., л. 22б, 71б.
[40] *Йакут, Иршад,* 2, с. 261.
[41] *Там же,* 2, с. 110.
[42] *Там же.*
[43] *Там же.*
[44] *Бартольд В. В.* Туркестан..., т. 1, с. 81.
[45] *Крачковский И. Б.* Указ. соч., с. 315.
[46] *Там же.*
[47] *Йакут,* Иршад, 7, с. 145.
[48] *Там же.*
[49] *Бейхаки.* Ташк. рук., с. 81, 92.
[50] *Йакут,* Иршад, 7, с. 146.
[51] *Бейхаки.* Ташк. рук., с. 86.
[52] *Кадри Хафиз Тукан.* Турас ал-араб ал-илми фи-и-рийадийат ва-л-фалак. Изд. 3-е. Каир, 1963, с. 336. (В дальнейшем: Кадри).
[53] *Бейхаки.* Ташк. рук., с. 83.
[54] *Кадри,* с. 366.
[55] *Там же,* с. 366—367.
[56] *Крачковский И. Ю.* Указ. соч., с. 312—313 со ссылками на упомянутые труды.
[57] *Кадри,* с. 350—355.
[58] *Налинно. К.* Илм ал-фалак. Та'рихуху инда-л-араб фи-л-курун ал-вуста. Рим, 1911, с. 179.
[59] *Крачковский И. Б.* Указ. соч., с. 108.

М. Е. МАССОН

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ НАМОГИЛЬНЫЕ КИРПИЧИ С АРАБСКИМИ ЭПИТАФИЯМИ ИЗ МАРЫЙСКОЙ ОБЛАСТИ

Когда последний вздох испустим мы
с тобой,
По кирпичу на прах положат мой и твой.
А сколько кирпичей насушат намогильных
Из праха нашего уже через год, другой!
Омар Хайям

Основной проблемой, поставленной перед Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией в момент ее учреждения (1945), было участие археологов в уточнении периодизации истории народов, обитавших на территории Туркменской ССР с древнейших времен. Это в свою очередь делало необходимым постепенный охват памятников материальной культуры Южного Туркменистана за все этапы деятельности здесь человеческого общества и по возможности всех категорий[1]. Вот почему с первых лет полевой деятельности экспедиции при наших исследовательских маршрутах, общее протяжение которых за четверть века измеряется десятками тысяч километров и которые охватили обширную территорию от берегов Амударьи до долин Сумбара, Атрека и Мешхед-и Мисрианского плато включительно, нами постоянно регистрировались попутно разнообразные мусульманские намогильники с расшифровкой помещенных на них надписей. Особое внимание было уделено выявлению средневековых жженых кирпичей с эпитафиями. Во-первых, памятники такого рода до последнего времени остаются наименее изученными во всех советских республиках Средней Азии, Иране и в Афганистане. Во-вторых, они представляют интерес не только в эпиграфическом отношении, но и в общеисторическом аспекте как подлинные письменные документы своей эпохи. В-третьих, по Туркмении до ЮТАКЭ ими никто не занимался, их не собирали, о них даже не упоминалось в научной литературе. В-четвертых, будучи более хрупкими, чем большинство каменных намогильников (особенно так назы-

ваемых «кайраков»), и, находясь на поверхности земли, они быстро разрушались[2].

С 1951 г. были предприняты всевозможные меры к розыску недавно увезенных кирпичей, к выявлению новых и к систематическому их сбору. В частности, с этой целью нами на протяжении ряда лет посещались распахиваемое старинное, давно забытое кладбище к северу и северо-западу от Ку'ртлы-депе (средневековый город Пашан, в 11 км севернее Старого Мерва) и развеваемый ветром засыпанный частично песком гуристан у городища Улы-Кишман (средневековый город Хурмузфарра, в 30 км к северу от Байрам-Али). В результате на обоих пунктах удалось раздобыть немало кусков и почти целых разновременных намогильных кирпичей поры развитого феодализма с арабскими эпитафиями. Несколько таких объектов было встречено ЮТАКЭ в разные годы в 7 км к юго-юго-востоку от Ку'ртлы-депе на кладбище опознанного нами средневекового селения Шавваль[3]. Здесь они были связаны с открытым нами и неизвестным до 1951 г. чудесным мавзолеем первой половины XII в., именуемым населением мазаром некоего Худай Назар Овлия. Некоторые из оказавшихся при нем кирпичей с эпитафиями, как удалось точно выяснить, были принесены к почитаемой могиле из ближайших мест, где их незадолго перед тем выкопали из земли при сельскохозяйственных работах, в частности на городище Пашан. Кроме еще нескольких аналогичных находок в разных пунктах к северу от Байрам-Али (в том числе у развалин былого средневекового селения Али-Аскер в 6 км к востоку-северо-востоку от Пашана и на территории средневекового городка Кушмейхан, ныне Старый Кишман, в 11 км восточнее Хурмузфарра), подобные намогильники встречаются и южнее Старого Мерва. В частности, несколько осмотренных нами находок оказались спасенными для науки благодаря активной краеведческой деятельности учителя истории Мухаммеддурды Сарыева из 25-й школы Мургабского района колхоза Гызыл-Гошун. Кирпичи были извлечены из земли в разное время сравнительно недавно на площади городища, отождествленного нами со средневековым Хараком[4] (рис. 1).

Ничтожно мало памятников этой категории выявлено пока на обширной территории некогда очень многолюдного Старого Мерва, на старинных кладбищах которого они в свое время, безусловно, были в значительно бóльшем количестве и качественно выполнены в ряде случаев лучше, чем в тяготевших к нему селениях и провинциальных городках. Начиная с 1950 г., по сообщениям колхозников, на Мервском городище, в том числе к северо-западу от Султан-калы, неоднократно находили кирпичи с надписями, часто увозившимися приезжими лицами. Наличие подобных памятников в Мерве подтверждают находки четырех таких кирпичей в осенних сезонах полевых работ XVIII отряда ЮТАКЭ в 1960 и 1965 гг. До того, в 1959 г., кирпич с остатками эпитафии, выполненной куфическим почерком X в., был найден сотрудниками того же отряда на территории северного обвода Султан-калы в 300 м от места бывших Кушмейханских ворот.

Разрушение жженых кирпичей с эпитафиями вблизи продолжавших существовать или вновь возникавших населенных пунктов, помимо двух упомянутых выше причин, объясняется также самим способом их первоначального использования. Тыльные и торцовые поверхности всех оказавшихся в нашем распоряжении таких намогильных кирпичей абсолютно чисты — без каких-либо следов алебастра или извести. Последние неизбежно сохранились бы, если бы эти эпиграфические памятники за-

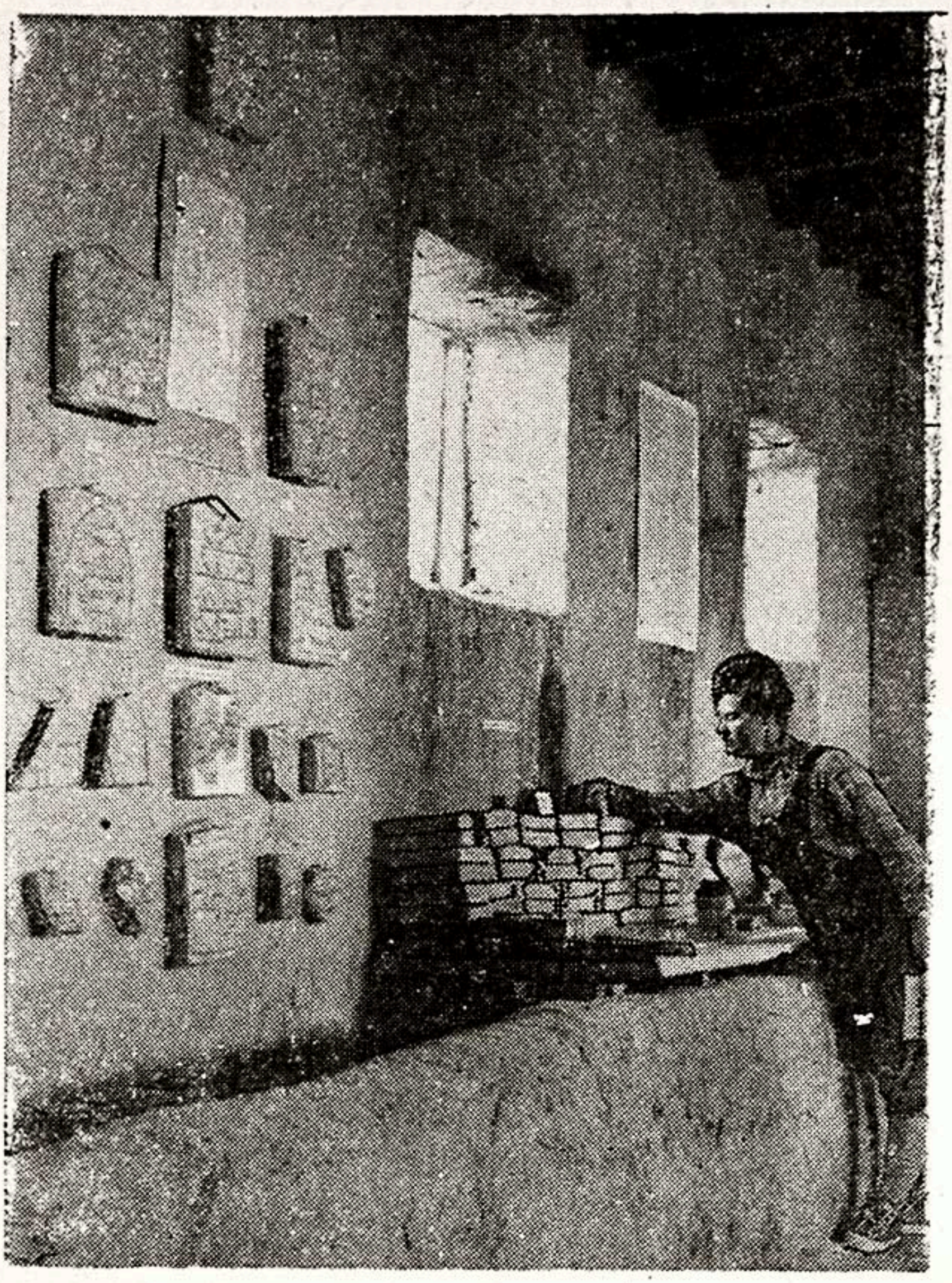

Рис. 1. Собранные в 1963 г. намогильные кирпичи в экспозиции Старомервского лагеря ЮТАКЭ. Справа--заведующая музеем В. Д. Горячева.

креплялись у могил с помощью указанных растворов. Все вскрытые ЮТАКЭ в Старом Мерве и на городище Хурмузфарра средневековые мусульманские намогильники из жженых кирпичей иногда с довольно парадной облицовкой, со вставками резных безглазурных кирпичиков не имели «гнезд» и вообще свободных поверхностей, где могли бы быть примазаны в подобающем месте кирпичи с эпитафиями. По письменному свидетельству уроженца Мерва историка Самани, в середине XII в. в селение Синдж, находившееся в 7 фарсахах от Мерва, был послан кирпич с составленной им самим эпитафией. Он предназначался для

места погребения умершего около трехсот лет до того тамошнего деятеля на поприще ислама. Самани прямо указывал, чтобы кирпич просто положили сверху лауха могилы упомянутого лица[5].

Осуществлявшаяся на протяжении ряда лет кропотливая работа по выявлению в области Мерва разнообразных средневековых кирпичей с эпитафиями дала интересные материалы. Первые результаты исследований были частично отражены в некоторых наших публикациях[6]. Весь уже накопленный ЮТАКЭ по данной теме новый немалый материал и полученные по нему наблюдения дают основания для составления некоторой обобщающей сводки, отвечающей интересам археологии не только Туркменской ССР. Составление перечня самих объектов в хронологической последовательности связано с рядом трудностей, в первую очередь из-за отсутствия дат на всех наиболее ранних из них. В более поздних — указания года смерти, помещаемые обычно в самом низу текста, часто бывали утраченными при сколах и прочих повреждениях краев кирпичных плит. Наконец, далеко не всегда упомянутый в эпитафии год смерти датирует момент изготовления кирпича, который мог появиться много позднее, как это явствует из приведенного выше случая в труде Самани. Тогда делают эпиграфический анализ. Данные его, однако, не всегда абсолютны, поскольку одновременно могли употребляться разные варианты почерков в столичном Мерве, законодателе «моды», и в его провинциальных городах. По-разному работали машшаки высокой квалификации и менее искусные мастера. Кроме того, в соответствии с пожеланиями заказчика мастер иногда выполнял текст в современном ему или в более архаичном стиле.

Приведенный ниже материал распределен примерно по векам, а внутри указанных рамок столетий при отсутствии дат группируется по типам. При подобной последовательности объект, помещенный под рубрикой определенного столетия с соответствующим порядковым номером, отнюдь не обязательно моложе предшествующих с меньшими размерами. Иногда они просто относятся к разным группам этих памятников, более или менее синхронным в эпохиальном аспекте. В перечень не вошли мелкие куски кирпичей, текст эпитафий на которых сохранился лишь очень фрагментарно. Однако и они использованы при суммировании статистического порядка данных по отдельным вопросам[7].

Перечень основных кирпичей

IX в. (Пора вхождения Мерва в состав Арабского халифата).

№ 1. Хурмузфарра. Кладбище в северо-западной части городища. Верхние две трети квадратного кирпича, с отколотой нижней частью. Первоначальные размеры 27×(27)×5 см. Вдоль краев линейная рамка. Поверхность лицевой стороны сильно повреждена ударами песчинок, приносившихся ветром из пустыни. В верхней половине кирпича — две с половиной строки эпитафии куфическим почерком, выполненные не очень опытным мастером, который допустил ряд погрешностей в начертании и даже перестановке слов первых строк при перенесении на кирпич составленного машшаком текста (рис. 2).

بسم الله الرحيم الر ... (1) Во имя Аллаха милосердного, мило(стивого)!

هذا القبر ابراز بن بسام (2) Эта могила Абраза, сына Бассама.

بسم الله (3) Во имя Аллаха!

Рис. 2. Намогильные кирпичи:
вверху — Абраза; внизу — Мухаммеда.

№ 2. Хурмузфарра. Кладбище. Квадратный кирпич с отбитыми правым и левым нижними углами — 27×26×45—5 см. Вдоль краев кирпича линейная рамка. Четыре строчки эпитафии куфическим почерком занимают верхние две трети лицевой поверхности, пятая строка, доведенная до половины кирпича, неясна.

بسيم الله الرحمن الرحيم (1) Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
هذا قبر محمد [ء] بد الله (2) Эта могила Мухаммеда, слуги Аллаха,
خبير مسلم احمة (3) знающего мусульманина. Милосердие
الله عليه و بنصر (4) Аллаха над ним и помощь (или благодеяние)!

Конец IX — начало XI в. (Мерв при Саса-нидах и Газневи-дах)

№ 3. Хурмузфарра. Кладбище. Верхние две трети квадратного кирпича со сколотой нижней частью— 25×(25)×5 см. Пять строк эпитафии куфическим почерком размещены так, что каждая нижняя, отступая вправо, короче предыдущей верхней (рис. 3).

بسم الله هذا (1) Во имя Аллаха! Это
ابو بكر بن (2) Абу Бекр, сын
احمد بن (3) Ахмеда, сына
على رحمة (4) Али. Да смилостивится
الله[ء] (5) Аллах!

№ 4. Пашан. Кладбище к северо-западу от Кур'тлы-депе. Фрагмент несколько более четверти кирпича-маломерки от правого верхнего угла. Первоначальные размеры кирпичной плитки (20,5×20,5)×3,5 см. Краткая эпитафия в две строчки куфическим почерком.

[الرحيم] بسم الله الرحمن (1) Во имя Аллаха милостивого, (милосердного!)
[... بن احم[د قبر هذا (2) Эта могила Ахме(да сына...).

№ 5. Мерв. Северный обвод Султан-калы. Квадратный кирпич-маломерка с отколотыми четырьмя углами. Первоначальные размеры 19×18×3,5 см. Краткая эпитафия куфическим почерком в три строчки. Нижняя часть кирпича словами текста не заполнена.

بسم الله الرحمن (1) Во имя Аллаха милостивого,
[ا] ذ [م] الرحيم (2) милосердного! (Э)т(о)
رحيم بن (3) Рахим, сын...

№ 6. Хурмузфарра. Кладбище. Нижняя половина квадратного кирпича-маломерки (19,5×(19,5)×3—3,5 см. Плохо сохранившаяся выполненная с погрешностями краткая эпитафия в три строчки.

بسم (1) Во имя...
محمد (2) Мухаммед...
احمة الله (3) Да смилостивится Аллах!

№ 7. Хурмузфарра. Кладбище. Фрагмент правого нижнего угла от квадратного кирпича-маломерки толщиной в 3,5 см.

رحما بن (1) ...
و رحمة ال[له] (2) Да смилостивится Аллах!

№ 8. Хурмузфарра. Кладбище. Из засыпки вскрытой ЮТАКЭ могилы. Квадратный кирпич-маломерка 20,5×20,5×3,5 см. Кирпичная плитка, до того как попала в засыпку, видимо, длительное время находилась на поверхности земли, поэтому лицевая ее сторона сильно повреждена. Эпитафия куфическим почерком в две строки. Имя покойного обведено прямоугольной процарапанной линейной рамкой.

[بسم الله الرحمن الرح[يم (1) Во имя Аллаха милостивого, милосерд(ного)!
احمد بن ـــ لوحا (2) Ахмед, сын...

№ 9. Пашан. Кладбище. Из засыпки могилы в 25 м к северо-западу

Рис. 3. Намогильные кирпичи:
вверху — Абу Бекра, сына Ахмеда; внизу — Ахмеда.

Рис. 4. Намогильные кирпичи:
вверху — Саида; внизу—Ахмеда.

от Куртлы-депе. Квадратный кирпич-маломерка 23×23×4 см с отбитым правым нижним углом. Эпитафия куфическим почерком в две полные верхние строки и расположенные ниже три неполные (рис. 4).

بسم الله الرحمن (1) Во имя Аллаха милостивого,
الرحيم السعيد (2) милосердного! Ал-Саид
. . . . . (3) (имя утрачено)
الحمد (4) Хвала
الله (5) Аллаху!

№ 10. Пашан. Кладбище. Хорошей сохранности цельный квадратный кирпич-маломерка 21×20,5×4 см. Эпитафия куфическим почерком в четыре строчки.

بسم الله الرحمن الرحيم (1) Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
هذا قبر احمد (2) Эта могила Ахмеда,
بن محمد التمار (3) сына Мухаммеда дрогиста.
[الحمد] الله (4) (Хвала) Аллаху!

№ 11. Хурмузфарра. Кладбище. Разбитый надвое квадратный кирпич-маломерка 21×21×4,5 см с отколотыми двумя нижними углами. Эпитафия куфическим почерком в пять строк, из которых особенно пострадали две нижние (рис. 5).

بسم الله (1) Во имя Аллаха
الرحمن الرحيم (2) милостивого, милосердного!
هذا قبر عبد الله (3) Эта могила Абдаллаха,
[بن ...] و ... (4) (сына ...) и ...
[الحم]د الله (5) (Хвал)а Аллаху.

Рис. 5. Намогильный кирпич Абдаллаха.

№ 12. Мерв. В завале с внешней стороны стены Султан-калы около бывших восточных городских ворот. Расколотый на куски, склеенный и подгипсованный нами квадратный кирпич-маломерка 21×20,5×3,5 см. Неумело выполненная куфическим почерком эпитафия из трех строк с несколькими утраченными буквенными знаками во второй и третьей. Внизу два знака (тагма). Брак пробной ученической работы (рис. 6).

هذا قبر احمد بن (1) Эта могила Ахмеда, сына
بو شرا ... د ندا ... (2) Бу Шира...
... د يحايد [؟] (3) . . .

№ 13. Мерв. В завале с внешней стороны стены Султан-калы около бывших восточных городских ворот. Расколотый на куски, склеенный и подгипсованный нами квадратный кирпич-маломерка 21×21×4 см. Лучше, чем на предыдущем кирпиче № 12, выполненная куфическим почерком эпитафия из четырех строк с несколькими утраченными буквенными знаками в сильно попорченных двух нижних. Слева внизу — знак (тагма) в виде треугольника. По содержанию — вариант № 12. Брак пробной ученической работы.

بسم الله الرحمن الرح[يد] م (1) Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
هذا قبر احمد بن بوش (2) Эта могила Ахмеда, сына Бу Шира.
الح[مد لله]الد نيايقا (3) Х(вала Аллаху!) Мир вечен!
رحم[ه الله] ... (4) Да смилостивит(ся Аллах)...!

№ 14. Хурмузфарра. Кладбище. Верхняя часть квадратного кирпича 25×(25)×4 см. От выполненной куфическим почерком эпитафии первая строчка дошла целиком, а вторая и третья — частично. От четвертой — след одного буквенного знака.

بسم الله الرحمن الرحيم (1) Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

Рис. 6. Намогильные кирпичи;
вверху — Ахмеда, сына Бу Шира; внизу — с именем Мухаммеда Хасана.

Рис. 7. Намогильные кирпичи:
вверху — Абдаллаха; внизу — Мухаммеда.

يار محمد ثنى ... (2) Яр-Мухаммед кази (сын...)
... كمرد [ار ؟] ... (3) ...к-м-р-д... (слуга?)

№ 15. Хурмузфарра. Кладбище. Крупный кусок квадратного кирпича 26,5×26×3,5—4 см с отбитой третью у правого верхнего угла. От пяти строчек отчеркнутой сверху и снизу двумя линиями эпитафии куфического почерка целиком дошли две нижние, но текст восстанавливается полностью

[بسم الـ]ـله الر (1) [Во имя Ал]лаха ми-
[حمن الـ]ـر حيم (2) [лостивого], милосердного!
[لا الـ]ـه الا الله (3) [Нет бо]га, кроме Аллаха,
محمد رسول (4) Мухаммед посланник
الله محمد حسن (5) Аллаха! Мухаммед Хасан.

№ 16. Хурмузфарра. Кладбище. Расколотый на девять кусков и склеенный нами квадратный кирпич 25×25×5 см. Выполненная куфическим почерком эпитафия содержит три строки. Во второй из них утрачена вторая буква третьего слова (рис. 7).

بسم الله هذا قبر (1) Во имя Аллаха! Эта могила
عبد الله بـ[ـن] احمد (2) Абд Аллаха, сы(на) Ахмеда.
رحمه الله و بنصر وجه (3) Да смилостивится Аллах и в помощи почитаемый!

№ 17. Хурмузфарра. Кладбище. Фрагмент правого верхнего угла квадратного кирпича. От выполненной куфическим почерком эпитафии, отчеркнутой сверху линией, полностью сохранились три слова.

بسم الله هـ[ـذ] قبر (1) Во имя Аллаха! Э(та могила)
احمد بـ[ـن ...] (2) Ахмеда, сы(на...)

№ 18. Хурмузфарра. Кладбище. Цельный квадратный кирпич 28,5×28,5×5,5—6 см. Выполненная куфическим почерком эпитафия содержит пять строк, причем слова второй и третьей растянуты. В первой, четвертой и пятой строчках слова слиты.

رحمة الله (1) Милость Аллаха!
محمد (2) Мухаммед,
بن محمد (3) сын Мухаммеда
الله الخير (4) Аллах благостный
وبنصر وحا (5) и в помощи почитаемый!

Середина XI — третья четверть XII в. (Пора существования государства «Великих Сельджуков» и гузской смуты)

№ 19. Хурмузфарра. Участок кладбища к северо-западу от руин большого средневекового караван-сарая. Целый квадратный кирпич 26,5×26,5×4 см. Поверхность лицевой стороны сильно повреждена ударами песчинок. Выполненная куфическим почерком и плохо сохранившаяся эпитафия из семи строк обрамлена линейно показанной аркой. Ряд слов растянут (рис. 8).

بسـ (1) Во имя
الله هذ (2) Аллаха! Эт
االقبر (3) а могила
محمد بن (4) Мухаммеда, сына
بو سد (5) Бу Сада,
بن (6) сына
مو سى (7) Мусы.

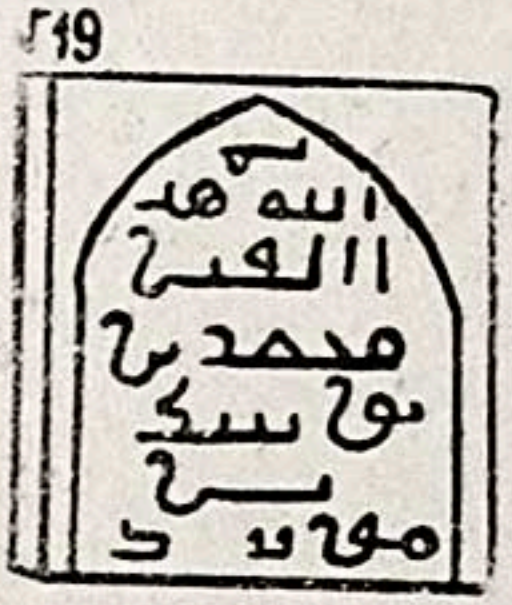

Рис. 8. Намогильный кирпич Мухаммеда.

№ 20. Хурмузфарра. Кладбище. Крупный фрагмент правой верхней половины квадратного кирпича толщиной 4 см. Выполненная куфическим по-

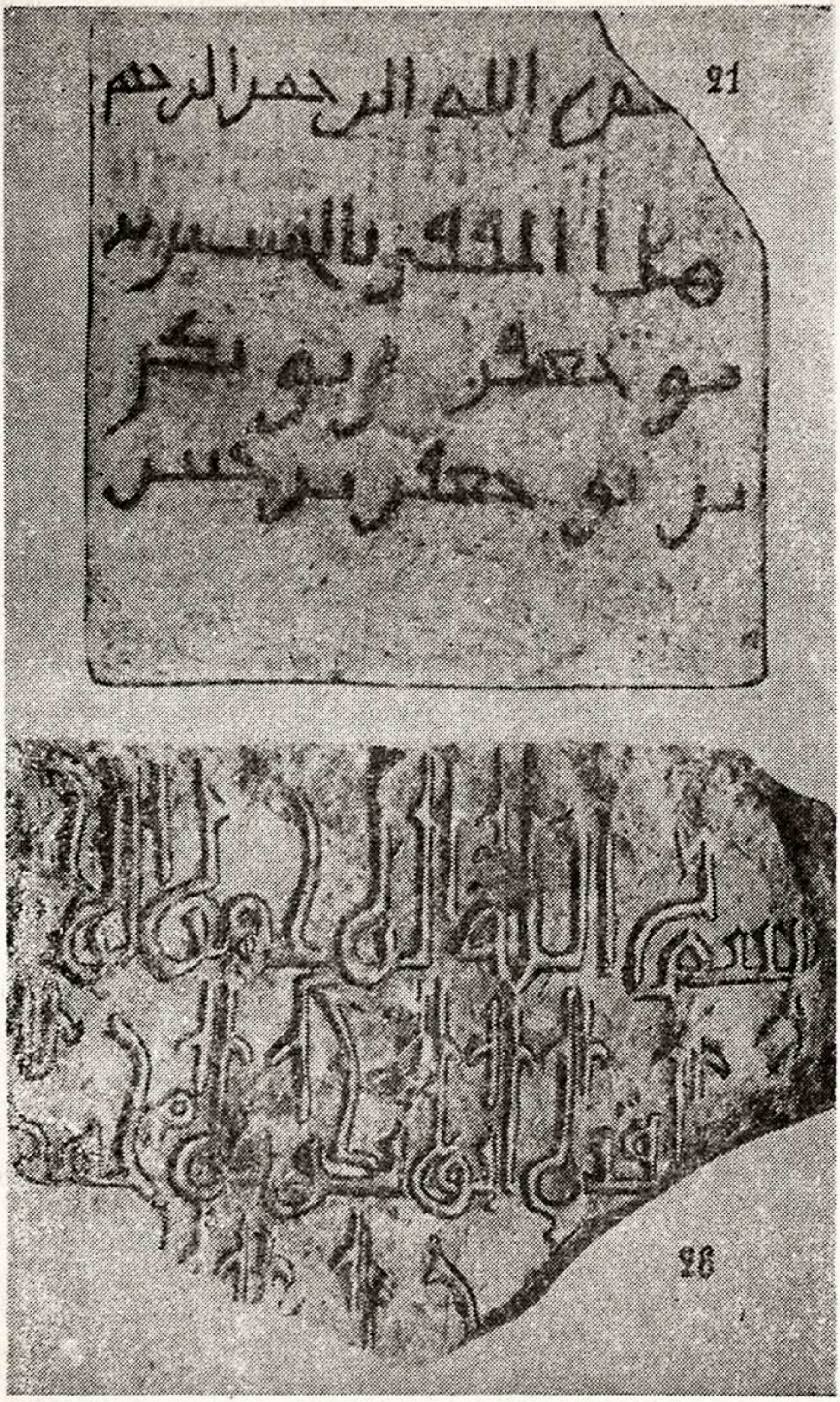

Рис. 9. Намогильные кирпичи:
вверху — Хусейна; внизу — Абу Бекра.

черком эпитафия, от которой дошло два с половиной слова, была обрамлена линейной аркой. В ее тимпане изображен треугольник

هذا قبر ا—[حق] (А) Эта могила Ис(хака).

№ 21. Кушмейхан. Почти цельный квадратный кирпич 31×31×6 см, с чуть сколотым правым верхним углом. Эпитафия из четырех слов куфического почерка с недочетами в части правописания (две буквы ق в слове «могила»; нехватка одной вертикальной черточки у буквы س в слове «Хасан»). В третьей строке утрачено слово بن (рис. 9).

[بسد]ـم الله الرحمن الرحيم (1) [Во и]мя Аллаха милостивого, милосердного!
هذا القبر الحسين بن (2) Эта могила ал-Хусейна, сына
بو جعفر[بن] بوبكر (3) Бу Джафара, (сына) Бу Бекра,
بن بو جعفر بن حسن (4) сына Бу Джафара, сына Хасана.

№ 22. Хурмузфарра. Кладбище. Склеенный нами из трех кусков и догипсованный квадратный кирпич. Выполненная куфическим почерком эпитафия из пяти строк сохранилась плохо, а в четвертой и пятой строчках утратила ряд слов.

بسم الله (1) Во имя Аллаха
الرحمن الرحيم (2) милостивого, милосердного!
هذا قبر عبر الله (3) Эта могила Абд-Аллаха,
[بن ...] (4) (сына...)
[رحمة] الله (5) Да смилостивится Аллах!

В пятой строке, возможно, было الحمد لله (Хвала богу).

№ 23. Пашан. Объект найден к северо-востоку от Ку'ртлы-депе. Кусок левой трети квадратного кирпича 34×(34)×5,5 см. Лицевая поверхность сильно сбита ударами песчинок. Выполненная куфическим почерком, эпитафия из пяти строк сохранилась очень фрагментарно.

[بسم الله الر] حمن الرحيم (1) [Во имя Аллаха ми]лостивого, милосердного!
[هذا قبر ابو القا]ـسيم (2) Эта (могила Абу-л Кас(има),
[بن ...] الله (3) (сына...) Аллаха
[وفاته ... مح] رم (4) (Смерть в месяце муха)рреме
[سنه ... ار] بع مايه (5) (года... и че)тыреста.

Вероятно, смерть произошла в мухарреме 490 г. х. (1096—1097) или вообще в последних десятилетиях XI в. Места для проставления числа единиц нет.

№ 24. Пашан. Кладбище. Кусок квадратного кирпича толщиной 4 см, с сильно попорченной лицевой поверхностью. От выполненной куфическим почерком эпитафии фрагментарно уцелели слова двух строк.

[بن ابو القا—[سم ... (А) ...сына Абу-л Кас(има)
فاته [... و]را (Б) ... смерть ...

№ 25. Хурмузфарра. Кладбище. Кусок средней части квадратного кирпича толщиной 5 см. От выполненной куфическим почерком эпитафии сохранились фрагменты слов от второй, третьей и четвертой строк.

[Басмала] (1)
[...ب—]ن[أب—] و محمود (2) (... сы)н (Аб)у Махмуда
[... ا] لله فى ش [عر ...] (3) (... А)ллах. В ме(сяце...)
... ولد (4) ...

№ 26. Хурмузфарра. Кладбище. Кусок верхней части квадратного кирпича 26×(26)×5,5 см. Об эпитафии, выполненной в изящном варианте куфического почерка уверенной рукой опытного мастера, дают возможность судить две верхние строки и острые навершия с шипами от букв ниже расположенной третьей. В трех случаях проставлены точки: над буквой «каф» и над двумя «ба»[8].

بسم الله الرحمن الرحيم (1) Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
[هذ] ا قبر ابو بكر بن محمد (2) (Эт)а могила Абу Бекра, сына Мухаммеда.

№ 27. Район к югу от Байрам-Али. Объект хранится в археологическом кабинете Туркменского государственного университета. Прекрасной сохранности цельный квадратный кирпич 28,5×27,5×5 см. Эпитафия, выполненная куфическим почерком, расположена как бы в восьми строках.

بسم الله	(1) Во имя Аллаха!
هذا قبر محمد بن	(2) Эта могила Мухаммеда, сына
على بن ابى عا صم	(3) Али, сына Абу Асима.
رحمة الله توفى ليله	(4) Да смилостивится Аллах! Скончался в ночь
رمضان سنه ثمان	(5) воскресенья девятого месяца
وخمسما	(6) рамадана года восемь
يه	(7) и пятьс—
الا حد التا سع من سف	(8) от

В конце 5-й строки ошибочно вырезано слово سفر , вместо شهر . Рамадан 508 г. х. приходится на время между 29 января и 27 февраля 1115 г

№ 28. Хурмузфарра. Кладбище. Хорошей сохранности лишь с отколотым левым нижним углом крупный квадратный кирпич 32×31×5 см. Эпитафия из пяти строк выполнена куфическим почерком.

بسم الله الرحمن الرحيم	(1) Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
هذا قبر الشيخ محمد	(2) Эта могила шейха Мухаммеда,
بن ابو عبد الله مد يک	(3) сына Абу Абдуллы...
و وفات مى ذ وا لحـ[ـجه]	(4) И смерть в зу-л-хи (ддже)
سنه ثمان [و خمسايه]	(5) года восемь (и пятьсот)

В последнем слове третьей строчки, видимо, допущена ошибка. Возможно, в конце должен быть не ک , а ف и тогда سد يق значит 'справедливый', 'верный свидетель истины'. Можно допустить описку во втором знаке, где د поставлен вместо ر . В таком случае صر يک дал бы эпитет 'несчастный'. Менее вероятно чтение فد يک (Фудаик) как название пункта, из которого происходил шейх.

Так как для размещения слова, обозначающего десяток, нет места, очевидно, смерть шейха произошла в зу-л-хиддже 508 г., т. е. в промежутке между 28 апреля и 27 мая 1115 г. (рис. 10).

№ 29. Мерв. Мазар Кыз-биби в рабаде к западу от Султан-калы. Найденный при раскопке внутри мазара кусок квадратного кирпича с правым нижним углом толщиной 4 см. От эпитафии, выполненной скорописным вариантом почерка насх, дошли фрагменты четырех строк.

والمو ...	(3) и ал-Му...
توفى فى ليله ...	(4) Скончался в воскресенье (такого-то дня).
من شهر[...سنه]	(5) месяца (...года)
سبع و عشـ[ـر و حمسمايه]	(6) семь и деся(ть и пятьсот).

517 г. х. приходится на 1123—1124 гг. Судя по возможному свободному расстоянию, слово عشرين исключается.

№ 30. Пашан. Кладбище. Левая половина квадратного кирпича 29×(29)×5 см. Лицевая сторона сильно разрушена выветриванием. Эпитафия выполнена куфическим почерком в семь строк, расположенных уступами на разных расстояниях и не в одном горизонтальном уровне. Эпитет —ъ неудачно помещен в шестой строке в отрыве от первого слова названия месяца, которое поставлено в конце четвертой строчки.

[بسم ا]لله
[هذا قـ]بر ابى بكر
[بن جعـ] سفر توفى
[فى شـ] هـ[رالله الا صـ]م
... سنه عشر
[ر]ست ين و
خمسما [يه]

(1) (Во имя А)ллаха!
(2) (Эта мо)гила Аби Бекра,
(3) (сына Джа)фара. Скончался
(4) (в ме)ся(це Аллаховом ал-аса)ми
(5) ... года двад-
(6) (т)вердом — цать и
(7) пятьс(от)

Рис. 10. Намогильные кирпичи с датами:
вверху — зу-л-хиддже 508 г. и рамадан 508 г.: в середине — раджаб 526 г. и без даты шейха Бу Бекра Мухаммеда; внизу — раби I 545 г. и раджаб 610 г.

Месяц ал-асамм твердый, т. е. раджаб 520 г. х. приходится на промежуток между 23 июня и 21 июля 1126 г.

№ 31. Харак. Почти целый квадратный кирпич 28×28×5 см с отбитыми верхним левым и правым нижним углами. Хранится в историческом кабинете 25-й школы колхоза Гызыл Гошун Мургабского района В выполненной куфическим почерком эпитафии, обрамленной линейной рамкой по краю кирпича, отсутствует басмала.

هذا قبر الشاب الشهيد (1) Эта могила юноши Шахида
الحر سرام ابى شجه برر الله زرد (2) благородного... Аби Шуджа. Да оправдает Аллах кольчуго-
كار وفاتا فى يوم الاخيم الثانى (3) делателя. Смерть его в день...
عشرمن رجب سنه ست (4) десятый месяца раджаб года шесть
عشرين و خمس مايه (5) двадцать и пятьсот.

10-е число месяца раджаба 526 г. х. приходится на 27 мая 1132 г.

№ 32. Район совхоза Каракум севернее Байрам-Али. Целый квадратный кирпич 30×29×5—5,5 см. Выполненная куфическим почерком эпитафия состоит из шести строк (рис. 11).

بسم الله الرحمن الرحيم (1) Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
هذ ا قبر عمر بن محمد سار (2) Эта могила Омара, сына Мухаммеда достойного.
رحمة الله الو فا يوم (3) Да смилуется Аллах! Смерть в день
اربع من شهر رمضان (4) четвертый месяца рамадан
سنه اثنى و ثلثين (5) года два и тридцать
و خمس مايه (6) и пятьсот.

4-е число месяца рамадан 532 г. х. приходится на пятницу 16 мая 1138 г.

№ 33. Урочище в 3 км к юго-востоку от средневекового селения Шавваль. Крупный квадратный кирпич 33×(33)×5 см с фаской. Низ отколот. Эпитафия выполнена оригинальным вариантом куфического почерка. Имеет три верхние строки целиком, четвертая и пятая дошли фрагментарно; от шестой нет никаких следов. Текст с погрешностями в части правописания.

بسم الله الرحمن الرحيم (1) Во имя аллаха милостивого, милосердного!
الشنخ بوبكر محمد ابر[ا] (2) Освобождение (кончина) шейха Бу Бекра Мухаммеда,
بن احمد الحداد خدايه [ن] (3) сына Ахмеда кузнеца, набожного,
بامزر ... (4) вежливого
سنه (5) год...

№ 34. Шавваль. Кладбище у мазара Худай Назара овлия. Прекрасной сохранности цельный кирпич 28×28×5 см; сверху и с боков имеет фаску шириной от 1 до 1,5 см. Эпитафия, выполненная куфическим почерком, состоит из шести строк. В левом нижнем углу мелким скорописным почерком запечатлено прозвище или покойного или составителя эпитафии — «имам». Текст выполнен неряшливо; строчки не горизонтальны и не параллельны. Имеются погрешности в правописании.

بسم الله الرحمن الرحيه (1) Во имя аллаха милостивого, милосердного!
هذا قبر النا ئر محمد (2) Эта могила светлого Мухаммеда,
بن شادى كلامى وفاته (3) сына Шады богослова. Смерть
ربيه الاول سنه (4) в раби первом года
خمسه و ار بعين (5) пять и сорок
خمس مايه (6) пятьсот
... امام . (7) ...имам.

Раби I 545 г. х. приходится на промежуток между 28 июня и 27 июля 1150 г.

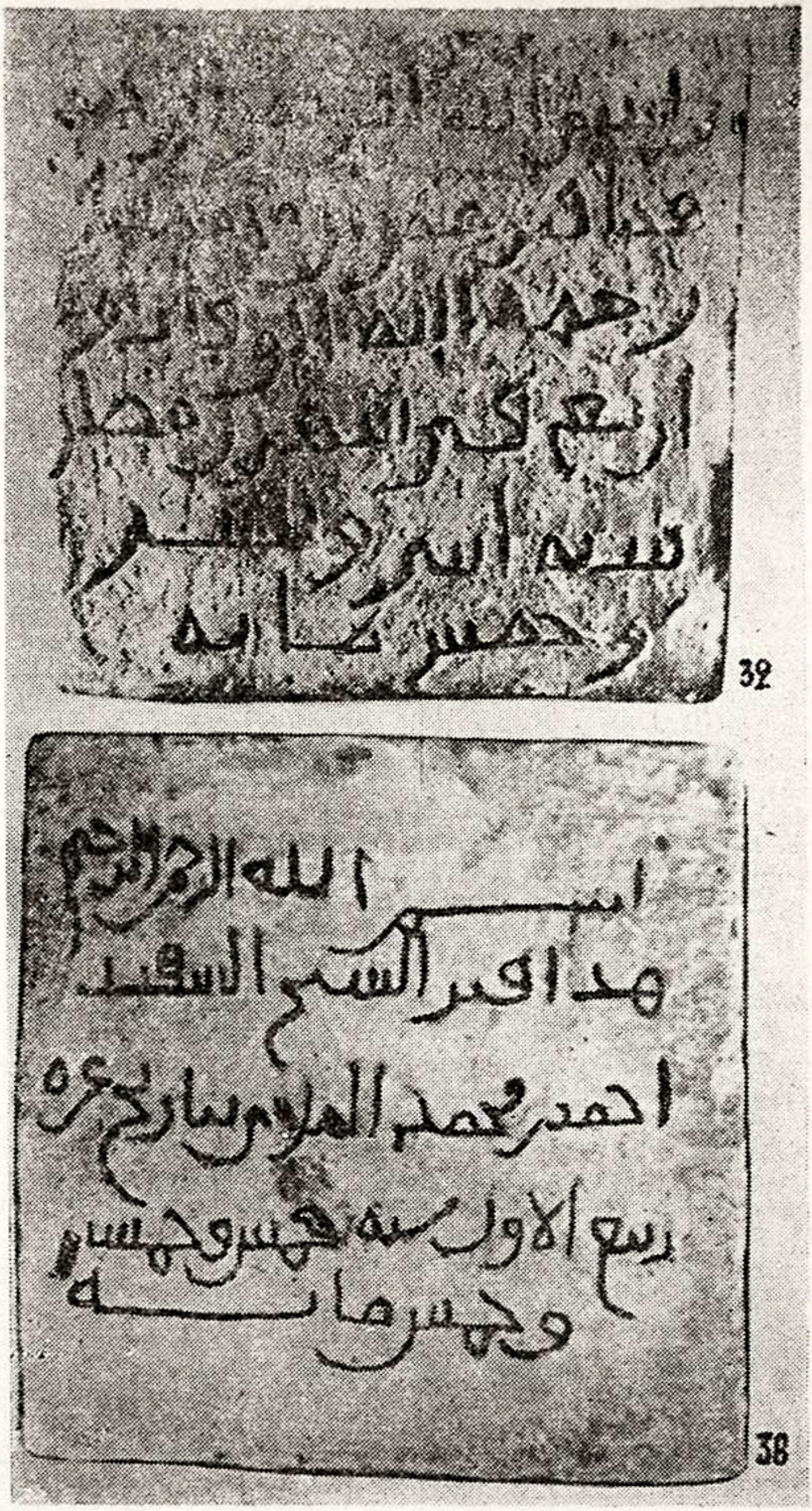

Рис. 11. Намогильные кирпичи с датами:
вверху — рамадан 532 г.; внизу — 1-й день луны раби I 555 г.

№ 35. Пашан. Кладбище. Кусок правого нижнего угла квадратного кирпича толщиной 5,5 см с фрагментами пятой и шестой строк эпитафии, выполненной частично куфическим почерком, а частично насхом.

شهر صفر[سنه ...] (5) месяце сафар (года...)
خمس ما يه (6) пятьсот.

Дата смерти, видимо, относится к середине XII в.

№ 36. Кушмейхан — 150 м к северо-востоку от средневековой калы. Кусок левой половины квадратного кирпича толщиной 5,5 см. От выполненной куфическим почерком шестистрочной эпитафии дошли фрагменты пяти строк. Почерк грубоватый. Неудачно в двух строках размещено слово رحمة

[بسم الله الرحمن الر] حيم (1) [Во имя Аллаха милостивого, милосер]дного!
[هذا قبر] احمد بن (2) (Эта могила) Ахмеда, сына
[ابو بكـ]ر بن العبا س (3) (Абу бек)ра, сына Ал-Аббаса. Ми
[حمة] الله عليه توفى (4) (лосердие) Аллаха над ним! Скончался
[فى شهـ] ر ربيع الا [ول] (5) (в меся)це раби пер(вом)
[سنه ... خمس ما يه] (6) (года... пятьсот)

№ 37. Пашан. Кладбище. Кусок жженого кирпича (25—26×25—26)×4,5 см, прилежащий к левому нижнему углу. Сохранились фрагменты трех нижних строк эпитафии, выполненной частично куфическими буквами, частично знаками почерка насх. Изображен на фото экспозиции в Старомервском лагере ЮТАКЭ 1964 г.

[... تو] فى ... من (4) (...Скончал)ся (в день...)
سنه احد (5) (месяца...) года один
[وخمـ] ن و خمس مايه (6) (...)т и пятьсот.

Судя по почерку и по характеру эпитафии, она была выполнена в середине XII в. и слово для обозначения десятков было скорее всего «пятьдесят»; 5(5)1 г. х. соответствует 1156—1157 гг.

№ 38. Пашан. Кладбище. Целый квадратный кирпич 29×29×5,5 см. Лицевая сторона сильно повреждена ударами песчинок. Пять строк эпитафии выполнены частично куфическим почерком (с растянутостями в некоторых словах), частично почерком насх. В слове بسم короткие вертикали даны в виде треугольников, что придает начертанию несколько архаичный вид.

بسم الله الرحمن الرحيم (1) Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
هذا قبر الشيخ الشهيد (2) Эта могила шейха шахида
الهراوى بتاريخ احمد بز (3) Ахмеда, сына Мухаммеда ал-Херати.
محمد (Скончался) в летоисчисление первого дня луны.
ربيع الاول سنه خمس وخمسين (4) раби первого года пять и пятьдесят
و خمس ما يه (5) и пятьсот.

Первый день луны раби первого 555 г. х. соответствует 11 марта 1160 г.

№ 39. Урочище в 5 км к северо-востоку от Пашана и в 1 км севернее Чурнок-депе; берег арыка. Расколотый на три куска квадратный кирпич 29,5×29×6,5 см. Эпитафия из пяти строк выполнена частично куфическим почерком, а частично разновидностью насха (рис. 12).

بسم الله الرحمن الرحيم (1) Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
هذا قبر الشهيد محمد بن (2) Эта могила шахида Мухаммеда, сына
بان بتاريخ عره ربيع ... (3) ...(Скончался) в летоисчисление первого дня луны.
раби.
الاول سنه خمس و خمسين (4) первого года пять и пятьдесят
وخمسما يه (5) и пятьсот

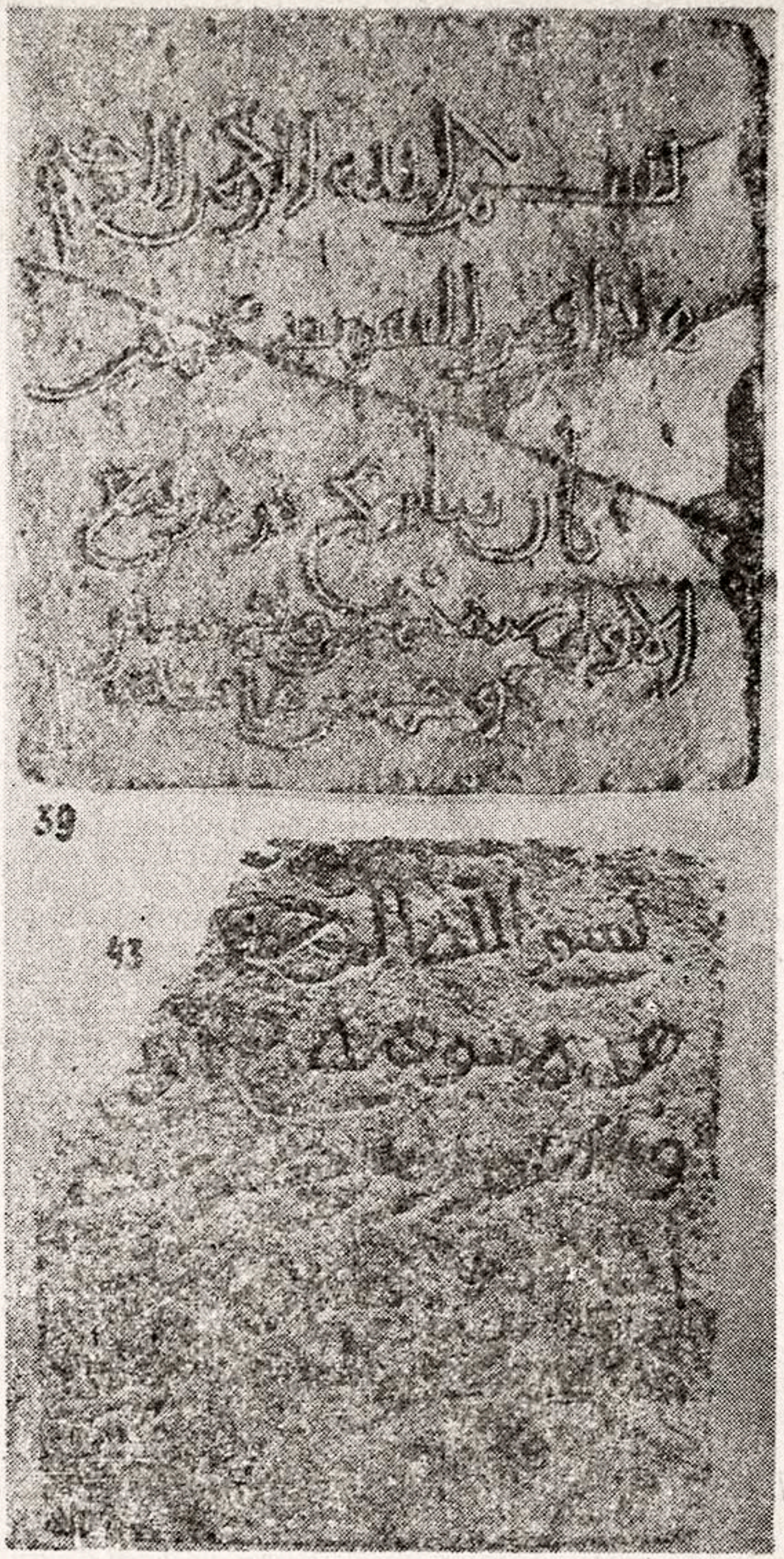

Рис. 12. Намогильные кирпичи с датами:
вверху — 1-й день луны раби I 555 г.; внизу 24-е число сафара 582 г.

Дата смерти, как и у покойного лица, упомянутого на предыдущем кирпиче (№ 38), 11 марта 1160 г.

№ 40. Хурмузфарра. Кладбище. Крупный кусок отбитого слева и внизу квадратного кирпича толщиной 5 см. От выполненной в основном почерком насх шестистрочной эпитафии, кроме басмалы, дошли некоторые слова следующих трех строчек и три буквы от двух слов в пятой.

بسم الله — (1) Во имя Аллаха!
هذا قبر الشيخ الزاهـ[د] — (2) Эта могила шейха (отшельни(ка)
عمر بن احمد الخرا[ساني ؟] — (3) Омара, сына Ахмеда ал-Хара сани?)
بتاريخ شهر ال ... — (4) (Скончался) в летоисчисление месяца
[... ربع] [ـــ...] نه ا[ثنى] — (5) (...го)да д(ва или четыре...)

№ 41. Харак. Квадратный кирпич 26,5×(26,5)×5,5 см с отколотым низом. Объект хранится в историческом кабинете 25-й школы Мургабского района в колхозе Гызыл Гошун. В пятистрочной эпитафии, выполненной куфическим почерком, отсутствует нижняя строка, от которой слева уцелели две конечные буквы от обозначения сотен.

هذا قبر — (1) Эта могила
علی بن آحمد — (2) Али, сына Ахмеда,
بن السحاق رحمة الله — (3) сына Исхака. Да смилостивится Аллах!
بتار يخ هد سنه احدى — (4) (Скончался) в летоисчисление года один
[و ...خمس ما]يه — (5) (и...пять)сот.

Конец XII — начало XIII в. (Период—конец «гузской смуты» и до монгольского завоевания)

№ 42. Чанглы. Кусок правого нижнего угла квадратного кирпича толщиной 5,5 см. От выполненной куфическим почерком эпитафии уцелели отдельные фрагменты трех нижних строк. Текст с погрешностями в части правописания.

جميد [...سنه ...] — (А) джумада 1 (года...)
وثمحين [وخمس] — (Б) и восемьдесят (и пять-)
مايه — (В) сот

Поскольку цифра единиц остается неизвестной, 58(?) г. х. может соответствовать второй половине 80-х гг. или первым трем годам 90-х гг. XII в.[9]

№ 43. Хурмузфарра. Южный фас руин крупного средневекового караван-сарая X—XI вв. Объект был вмазан в кладку внешней стены между юго-восточной угловой башней и средней бурджей при ремонте XIV в. Почти целый кирпич 25,5×25,5×5 см с отбитым левым верхним углом. Пять строк текста выполнены скорописной разновидностью насха.

بسم الله الرحمن [الرحيم] — (1) Во имя Аллаха милостивого (милосердного!)
هذه نوقبه فی ار بـ[ـح] — (2) Этот новый куббах (возведен) четвертого
و العشرين من صفر سنه — (3) и двадцать (числа) месяца сафар года
اثنى و ثمانين خمس — (4) два и восемьдесят [и] пять-
ما به غفر الله ديو نه — (5) сот. Да простит Аллах долги его!

24-е число сафара 582 г. х. соответствует 16 мая 1187 г.

№ 44. Акча-кала. Хорошей сохранности целый кирпич 24,5×24×4,5 см. Выполненная скорописной разновидностью насха эпитафия содержит шесть строк. Имеет несколько недочетов в части правописания (рис. 13)[1].

بسم الله الرحمن الر حيم — (1) Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
هذا قبر الصبى الغريف النجيب — (2) Эта могила мальчика, умного, способного
محمد بن ابو بكر بن محمد الحطيب — (3) Мухаммеда, сына Абу Бекра, сына
الر كاين توفى فى يوم الار بعا — Мухаммеда проповедника

Рис. 13. Намогильные кирпичи с датами:
вверху — 21-й день мухаррама 586 г.; внизу — зу-л-када 489 г.

(4) непоколебимого. Скончался в день (недели) четвертый

الحادى والعشرين من شهر محرم (5) (числа) первого и двадцать месяца мухаррама

ست ستين و ثمانين و خمسمايه (6) года шесть и восемьдесят и пятьсот

На нижнем торце кирпича — ابو بكر . Очевидно, имя мастера Абу Бекра. 21-й день мухаррама 586 г. х. соответствует 28 февраля 1190 г.

№ 45. Совхоз Каракум. Объект найден в 1963 г. в 30 м южнее Гуйлы-депе, где до того еще в 1949 г. был встречен исчезнувший потом другой кирпич с надписью. Левая часть квадратного кирпича 34×(34)×5,5 см состоит из двух кусков. Утрачена вся правая треть. Семистрочная эпитафия выполнена искаженным вариантом куфического почерка. Имеется ряд недочетов в части правописания.

(1) [بسم الـ]ـله الرحمن الرحيم (1) (Во имя Ал)лаха милостивого, милосердного!

(2) [هذا] قبر ... رحمة الله (2) (Эта) могила... Рахматуллы

(3) [...الو] فات يوم ماه (3) (...С)мерть в дни месяца

(4) [رمض] ان سنه خمس (4) (рамад)ана года пять

(5) [سد]ـعين خمس (5) семьдесят или девяносто) пять —

(6) مايه و ر (6) сот. И ми-

(7) [حمة] الله به (7) (лосердие) Аллаха на него!

Рамазан 575 г. х. приходится на промежуток между 30 января и 28 февраля 1180 г., а 595 г. х. — на время между 27 июня и 26 июля 1199 г.

№ 46. Хурмузфарра. Кладбище. Фрагмент правого нижнего угла квадратного кирпича толщиной 5 см. От эпитафии, выполненной неряшливой смесью куфи и насха, остались три слова двух нижних строк.

شهر صفر [سنه ...] (А) месяца сафар (года...)

خمس مايه (В) пятьсот.

№ 47. Ал-Аскер. В 300 м от северо-восточной окраины городища. Целый продолговатый кирпич 42×28×5 см. Текст обрамлен линейной рамкой, оставляющей по краям полосы шириной от 2 до 3 см. В верхней части между краем кирпича и линией рамки нанесены зигзаги. Девятистрочная эпитафия выполнена смешанным почерком скорописного насха с элементами куфи. В шести случаях под буквами и над ними поставлены точки. В тексте ряд погрешностей против правописания (рис. 14).

بسم الله الرحمن الرحيم (1) Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

هذا اقبر محمد بن (2) Эта могила Мухаммеда, сына

ابو سعد احمة الله (3) Абу Сада. Милосердие Аллаха

عليه وفاته بتاريخ (4) над ним! Смерть его в исчисление

شهر الله الاصم (5) месяца Аллахова ал-асамм

رست سنه ثمانه (6) твердого года восемь

وتسعين و خمس مايه (7) девяносто и пятьсот.

يارب بيا مرز با هما (8) Господи! (да будет) полное единение со всеми

مسلمانان (9) мусульманами.

Месяц ал-асамм твердый (т. е. раджаб) 598 г. х. приходится на промежуток между 27 марта и 25 апреля 1202 г.

№ 48. Пашан. Участок с хумданами керамистов в 200 м севернее Ку'ртлы-депе. Правая часть квадратного кирпича 29×(29)×5,5 см. Текст обрамлен сложной картушеобразной рамкой. Семистрочная эпитафия выполнена почерком насх кроме двух верхних строк, где приме-

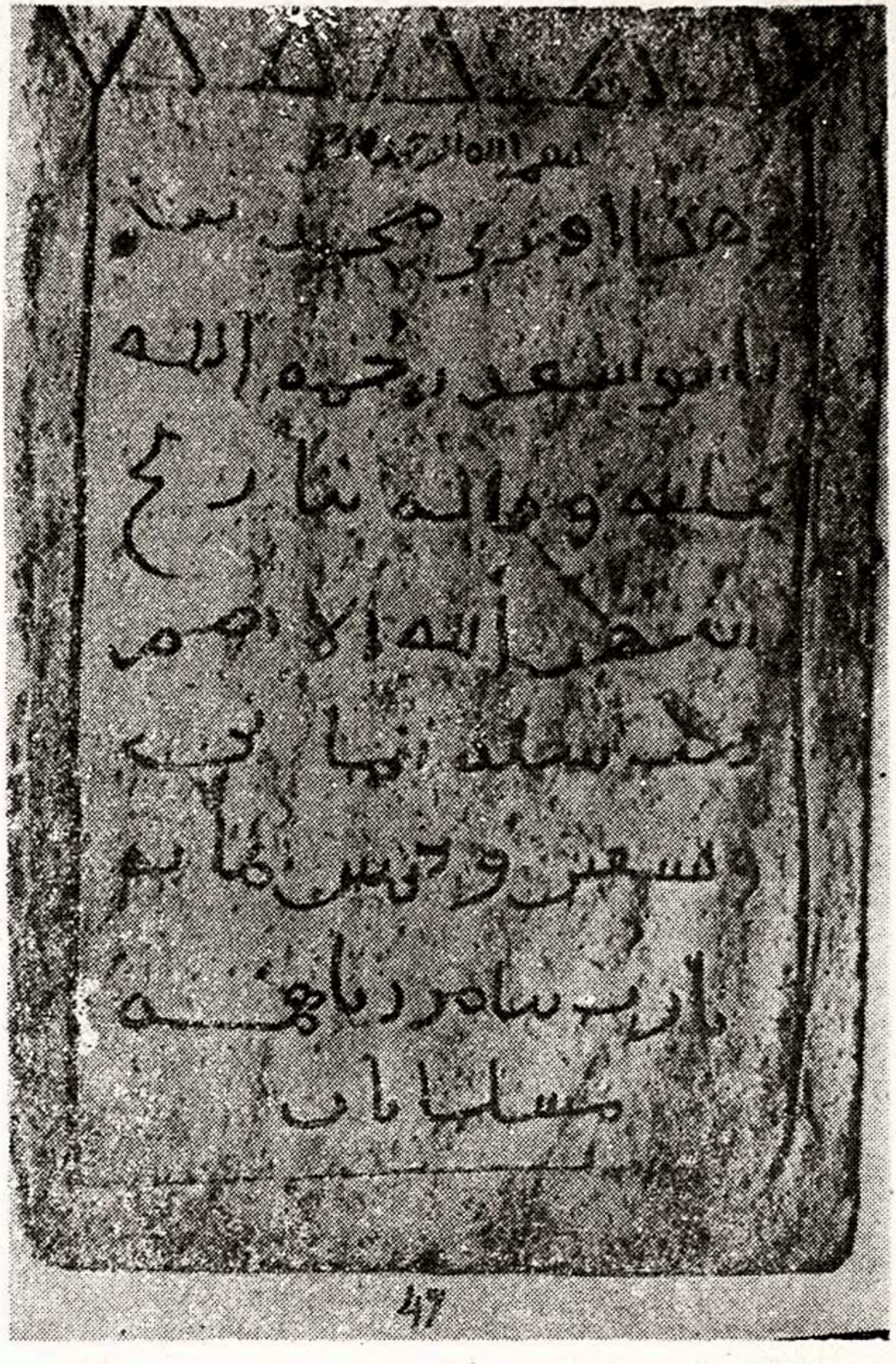

Рис. 14. Намогильный кирпич с датой ал-асамм твердый 598 г.

нен куфи. В отличие от всех предыдущих кирпичей лицевая сторона срезана до 3 мм. Над ее углубленной поверхностью выступают выпуклые буквы и упомянутая рамка. Над буквами и под ними в нескольких случаях поставлены точки.

حم[ن الرحيم]	(1) ло(стивого, милосердного!)
بس[م الله الر]	(2) Во и(мя Аллаха ми-)

هذا ما [يشهد ...]	(3) Это убе(жище...)
حسن بن اب [حرام]	(4) Хасана, сына Иб(рахима)
[و] فاته فى [شهر]	(5) (С)мерть его в (месяце)
رجب سنه ...	(6) раджаба года...
و ند [ستمايه]	(7) и ш(естьсот).

Исследованиями ЮТАКЭ установлено, что Пашан перестал существовать вскоре после разгрома Мерва монголами в 1221—1222 гг. Кроме того, выяснено, что намогильный кирпич остался на участке керамиста, где располагался его хумдан, так и не попав на могилу, для которой он предназначался. Можно предположить, что дата смерти обозначена была 610 г. х., поскольку для любого другого обозначения цифры, кроме عشر нет места в пределах рамки. Раджаб же 610 г. х. приходится на промежуток между 16 ноября и 15 декабря 1212 г.

№ 49. Урочище в 13 км к северо-северо-западу от Старого Мерва, в 15 км на юго-юго-восток от средневековых развалин Шамяк-кошук, близ развалин сравнительно недавних построек. Целый квадратный кирпич 26×26×4 см. Лицевая поверхность относительно хорошей сохранности. Сверху и снизу в качестве заставки и концовки процарапаны не ритмичными волнистыми линиями различные завитки. Эпитафия в шесть строк исполнена весьма манерно с чередованием элементов почерков куфи и насха. Большое количество надстрочных и подстрочных буквенных точек. Отсутствие единообразия в венчании алифов, лямов и коротких вертикалей низких букв. Строчки недостаточно горизонтальны, а вторая из них сильно укорочена. Погрешности в части правописания. Во всем чувствуется упадочность.

الحمد لله	(1) Во имя Аллаха милостивого (милосердного!)
بسم الله الرحمن الرحيم	(2) Слава Аллаху!
هذا قبر الشيخ الحسين بن	(3) Эта могила шейха ал-Хусейна, сына
ابى العباس الفياور توفى فى	(4) Аби ал-Аббаса ремесленника. Скончался в
ذى القعده سنه تسع	(5) зу-л-каде года девять
وثما نين و اربع مايه نورالله	(6) и восемьдесят и четыреста. Свет Аллаха (на него)!

Месяц зу-л-када 489 г. х. приходится на промежуток между 21 октября и 19 ноября 1096 г. Между тем, судя по всему оформлению кирпича, по стилю эпитафии, по всем данным эпиграфического характера, этот кирпич появился на грани XII—XIII вв. Не исключена возможность, что данный намогильный кирпич вышел из мастерской Пашана.

2-я половина XIII—1-я половина XIV в. (Пора вхождения Мерва в состав государства Хулагуидов)

№ 50. Мерв. Рабад. Средневековое кладбище близ Султан-калы, неподалеку от западного фаса ее «Северного обвода». Цельный кирпич 36×36×5 см, абсолютно отличный от всех, описанных выше. Лицевая поверхность, обрамленная по краю линейной рамкой, несколько пострадала от времени. В верхней ее части намечен как бы контур купольного мавзолея. Семистрочная эпитафия сохранилась не полностью, будучи утраченной в правой стороне, а в нижней части уцелевшая лишь фрагментарно и восстановлению пока не поддается. Текст начинается калимой, выполненной позднесредневековой разновидностью куфического почерка и удлиненными вертикалями лямов и алифов с их характерными пересечениями внизу, образующими треугольник или ромбик. Справа и слева от контура «купола» помещено с разрывом начало калимы — ﷺ ﷺ , а конец ее

محمد رسول الله дан в две строчки на том же уровне внутри «купола». Ниже через весь кирпич протянуто еще пять строчек (рис. 15).

[هذا قـ]بر ستى بنت ابو احمد

[بن]بر] اغ رحمت الله عليه و غفرله

[بسـ] م الله الرحمن الرحيم

(1) Во имя Аллаха милостивого (милосердного!)

(2) (Эта мо)гила Саны, дочери Абу Ахмеда,

(3) (сына Бар)ога. Милосердие Аллаха над ним и прощение (грехов) ему!

Рис. 15. Намогильный кирпич Саны, дочери Абу Ахмеда.

Четвертая и пятая строки сохранили разрозненные буквы и отрывочные слова, из которых явствует, что время смерти покойницы в эпитафии указано не было.

Кирпичи в качестве намогильных памятников

В первое время после сложения Арабского халифата мусульмане строго придерживались предписания ислама в отношении погребения своих покойников. Не допускалось ни возведения над местом захоронения намогильных сооружений, ни возложения плит. Так были погребены даже сам основоположник религии Мухаммед и ряд халифов, не говоря уже о прочих представителях мусульманской общины. Со временем

это положение нарушилось. Стали появляться в угоду политическим соображениям наземные усыпальницы главам государства. Затем само мусульманское духовенство нашло выгодным во всех отношениях ввести культ могил, в первую очередь наиболее видных арабских, а затем и местных деятелей по распространению ислама, причем местам их погребений придавали соответствующее внешнее убранство.

Такие изменения не могли пройти бесследно для коренного населения покоренных арабами стран. Среди аборигенов победители с самого начала стремились как можно шире насадить свою религию. При этом приходилось не только прибегать к силе и подкупу, но иногда идти на уступки, допуская даже исполнение новыми адептами ислама некоторых обычаев их предков, как, например, данное в VIII в. разрешение возжигать в мечетях культовые огни[10]. В Средней Азии это коснулось и отношения к могилам. Власти оказались бессильными запретить местному населению посещение могил их родных и совершать на кладбищах в определенные дни поминки с оплакиванием и приносом пищи. Чтобы легко отыскать на кладбищенских участках ту или иную могилу среди легкооплывавших и зараставших травой однообразных земляных бугорков, нужно было применять какие-либо индикаторы. Выход был найден. На могильные насыпи возлагались кирпичи, на которых со временем во избежание путаницы стали делать индивидуальные знаки. На территории Мавераннахра на старинных кладбищах попадаются раннесредневековые обожженные кирпичные плитки-маломерки с различными изображениями. По долине Зеравшана лучшую их коллекцию, хранящуюся в Самаркандском историческом музее, дало городище Рабинджан. Куляли изготовляли такие специальные кирпичи путем оттискивания на их лицевых сторонах неглубоким штампом кругов, розеток, зубчатых крепостного типа кунгра и других изображений, которые, очевидно, имели определенный смысл. Вероятно, некоторым из них приписывалась магическая сила, с помощью которой умерший якобы охранялся от влияния злых духов.

Такого рода «обереги» в виде оттиснутых по сырой глине на сырцовых и жженых кирпичах человеческой ладони с растопыренными пальцами, которая с глубокой древности служила символом человеческого могущества (рис. 16) были встречены в Мервской области. На обнаруженных экспедицией кирпичах к каждому пальцу добавлено изображение длинных, изогнутых и заостренных когтей. Все вместе производило впечатление от-

Рис. 16. Хурмузфарра. «Лапа джина»» в виде оттиснутой на сырцовом кирпиче человеческой ладони с добавленными когтями на трех пальцах.

Рис. 17. Хурмузфарра. «Лапа джина» на жженом кирпиче. Когти добавлены на всех пяти пальцах.

тиска «лапы», очевидно, доброго духа-джина. На одном таком средневековом жженом квадратном кирпиче 26×26×5,5, кроме «лапы», было добавлено в обоих нижних углах еще по одному знаку разного вида (рис. 17). В связи с этим нельзя не вспомнить, что, как известно, среди отдельных наиболее отсталых в культурном отношении групп различных народностей Средней Азии до недавнего времени бытовало мнение, что от злых козней ведьмы Албасты предохраняют острые клыки тигра, когти филина, сов или других хищных птиц, которые носили как в натуральном виде, так и в виде имитирующих их амулетов. Интересно, что один из сырцовых кирпичей с «лапой джина» был добыт сотрудниками XVIII отряда ЮТАКЭ в закладе лях-

Рис. 18. Хурмузфарра. Жженый намогильный кирпич, покрытый разнообразными зигзагами.

хата вскрывавшейся на городище Хурмузфарра могилы № 3 XII в.

Наряду с такого рода «оберегами» на кладбище упомянутого города были встречены средневековые квадратные жженые кирпичи, одну сторону которых покрывали нанесенные по сырой глине разного типа зигзаги, наивно подражавшие каким-то письменам (рис. 18). По мере распространения на территории Мервской области арабской письменности на могильных кирпичах стали появляться, по-видимому, с конца VIII — начала IX в. короткие тексты на арабском языке. Это были упоминания только имени покойного и даже просто какой-либо религиозной формулы ислама.

Первоначально кирпичные намогильные плитки имели разные формы. Наряду с обыкновенными квадратными кирпичами употреблялись их половинки. Они получались путем разреза целых кирпичей по диагонали и имели вид равнобедренных треугольников с прямым углом у вершины и с соответственно широким основанием. В некоторых случаях изготовлялись более узкие, индивидуальные, удлиненные равнобедренные треугольные плитки с острым верхним углом и потому со значительно меньших размеров основанием по сравнению с двумя другими сторонами. Иногда у таких «треугольников» торцы с тыльной стороны срезались на полуфаску. Изредка узкая фаска бывает у квадратных намогильных кирпичах на лицевой поверхности (рис. 19). Последняя в некоторых случаях обведена линейной рамкой по всем четырем сторо-

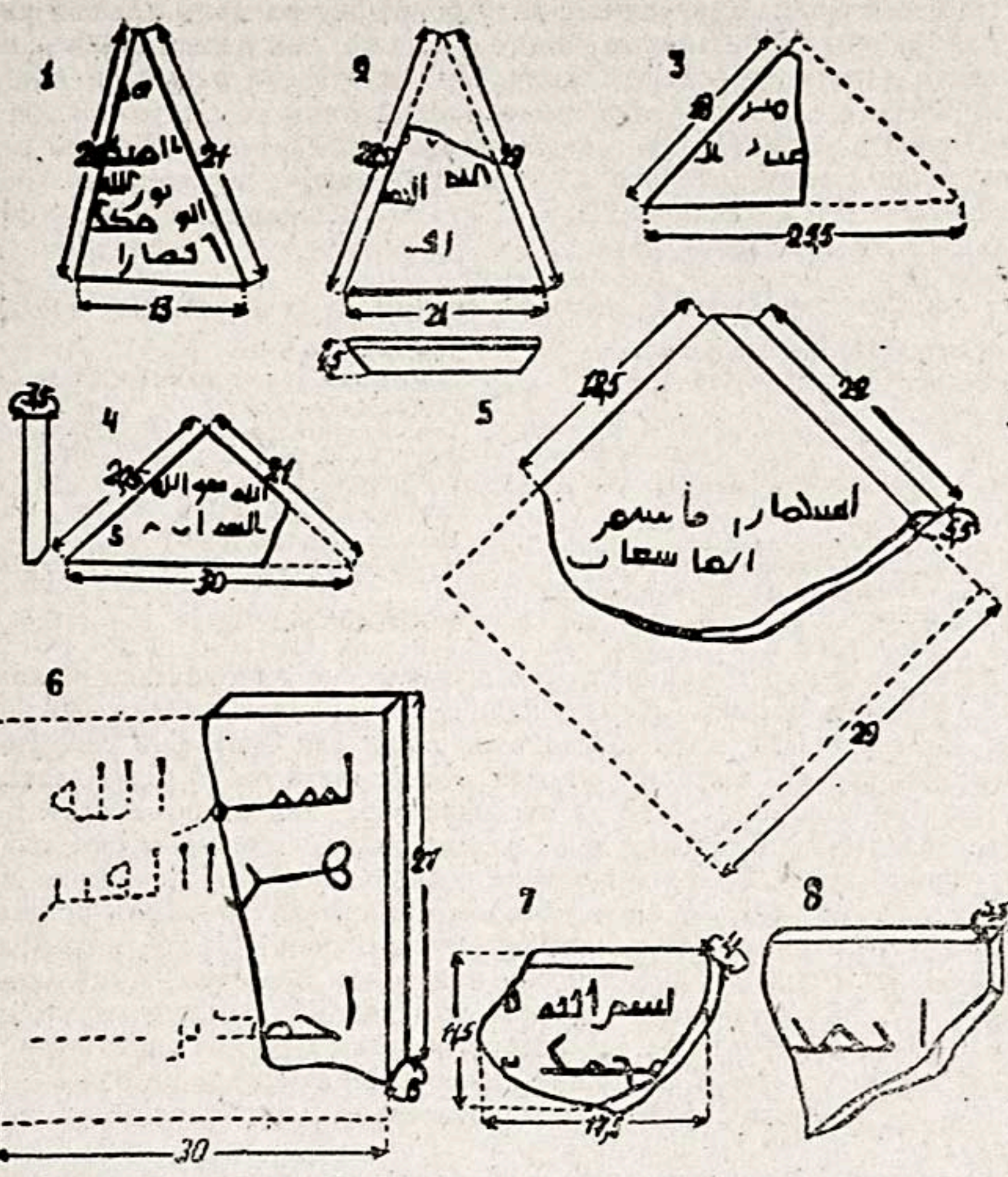

Рис. 19. Хурмузфарра. Разных форм ранние намогильные кирпичи с арабскими надписями.

нам, оставляя по краю полосы шириной от 2 до 3 см. Как исключение, такая полоса вверху оказывается расчлененной зигзагами на треугольники (№ 47). На некоторых кирпичах подобная «рамка» процарапана сверху и с боков, а у других отрезки прямых линий помещены лишь вверху и внизу в виде заставок и концовок. В двух случаях пришлось наблюдать нанесенные на кирпичи очертания арочек (№ 19—20). Уникальной является разбивка лицевой поверхности кирпича линией, образующей собой как бы контур купольного мавзолея (№ 50). Очень редко бывает воспроизведена рамка сложного контура (например, № 48) или верх и низ заполнены волнистыми линиями в виде завитков (например, № 49). Вообще всякого рода «украшательство» лицевой стороны намогильных кирпичей в бóльшей мере характерно для поздних этапов употребления последних, тогда как в начале и в пору расцвета́ отдавали предпочтение бóльшей строгости и обращали главное внимание на саму эпитафию, а не на ее обрамление.

По своей форме и внешнему виду большинство намогильных кирпичей напоминает строительные. Иногда, однако, они изготовлялись в специальных лотках, не совсем стандартных для эпохи размеров и только приближающихся к квадрату, причем одна пара сторон отличается от другой на 0,5—1 см. Продолговатые кирпичи представляют собой редкое исключение, имеют довольно крупные размеры, а по времени изготовления относятся к началу XIII в. В этом отношении особенно типичен кирпич № 47 (42×28×5 см).

Наиболее характерные размеры намогильных кирпичей:

Конец VIII—1-я половина IX в.	27×26×4,5—5 см
Конец IX—начало XI в.	Маломерки — от 19×18×3,5 до 21×21×4,5 см Типа строительных от 25×25×4 до 28,5×28,5×3,5—4 см
Середина XI—3-я четверть XII в.	От 26×26×5,5 до 34×34×5,5 см Иногда толщина 6—6,5 см
Конец XII — начало XIII в.	от 24,5×24×4,5 до 34×34×5,5 см
2-я половина XIII—1-я половина XIV в.	36×36×5 см

Лицевая сторона кирпича, как правило, не заполняется никакими украшениями и оставляется свободной для надписей. Однако с конца IX в. до начала XI в. включительно, когда для эпитафий уже сложилось несколько стандартов, лицевая поверхность часто использовалась под текст не полностью. Иногда пустовал верх, как на объекте № 6, где все три коротенькие строки расположены внизу и при этом еще сдвинуты к левому краю. В другом случае совершенно пустует нижняя половина, как на кирпиче № 4, на котором обе строки эпитафии помещены вверху. У № 9, имеющего эпитафию в пять строк, три протянуты вверху через весь кирпич, а две короткие занимают лишь левую нижнюю половину. В особой живописной манере «со скосом» размещены пять строчек эпитафии у объекта № 3, у которого самая длинная верхняя протянута через весь кирпич, а идущие ниже, начинающиеся на одной линии с ней у правого края, слева последовательно укорачиваются одна за другой.

Количество строк в надписях на разных кирпичах варьирует от двух (№ 4, 8) до девяти (№ 47, начало XIII в.). Больше всего пятистрочных эпитафий. Несколько меньше четырех- и шестистрочных. Остальные известны по единичным экземплярам.

Намогильные кирпичи и их наиболее интересные фрагменты с разных средневековых пунктов представлены в сборах ЮТАКЭ в следующих количествах: Мерв — 5, Пашан — 12, Хурмузфарра — 26, Кушмейхан — 2, Харак — 2, Шавваль — 1, городище Ал-Аскер — 1. На отдельных урочищах Байрам-Алийского района собраны намогильные кирпичи и наиболее существенные фрагменты от них: к югу от Байрам-Али — 1, Акча-кала — 1, совхоз Каракум—2, Чанглы-депе — 2, в 3 км от Шавааля — 1; в 5 км к северо-востоку от Пашана у Чурнок-депе— 1, в 16 км к северо-западу от Старого Мерва — 1. Всего 56 объектов.

Эпиграфика

Изучение средневековых мусульманских намогильников с арабскими эпитафиями в Европе началось только с XVIII в. Что же касается

исследований в отношении эпиграфических надписей, выполненных арабским алфавитом на разного рода памятниках Средней Азии, включая помещенные на намогильных плитах, то их до середины текущего столетия собственно не существовало. Начало было положено выходом в свет в 1949 г. статьи В. А. Крачковской о развитии почерка куфи в Средней Азии[11]. Автор оказалась не просто пионером в этой отрасли науки. Благодаря выпуску еще двух ее исследований на ту же тему[12], она явилась и основоположником глубокого всестороннего изучения арабской эпиграфики на местных средневековых памятниках. Ею были намечены некоторые моменты в развитии эпиграфики на ранних этапах, высказан ряд общих положений и сделан важный вывод, что в истории арабской письменности Средняя Азия занимает особое место[13].

Рассмотренные нами надписи на обнаруженных ЮТАКЭ намогильных кирпичах уже в силу специфики назначения этих памятников не дают возможности полностью проследить эволюцию в арабской эпиграфике на территории области Мерва за охватываемое ими полутысячелетие. Во-первых, небольшие размеры кирпичных плиток вынуждали ограничиваться помещением на них самых кратких по содержанию текстов. Во-вторых, из-за малого количества входивших в них слов не все группы букв арабского алфавита с их начальным, срединным и конечным начертаниями представлены на кирпичах для разных веков. В-третьих, строгий характер стиля в полурелигиозном содержании самих эпитафий в известной мере сдерживал применение курсивности и как бы некоторой светской помпезности, предопределяя употребление консервативных форм надписей. В то же время в эпиграфике на синхронных бытовых предметах, особенно парадных, расчет на художественный эффект представлял каллиграфу в этом отношении большие возможности. В-четвертых, нельзя не учитывать, что подавляющее количество оказавшихся в распоряжении ЮТАКЭ намогильных кирпичей добыто экспедицией с кладбищ былых скромных городов-касаба и, очевидно, эпитафии на них в большинстве наносились провинциальными не всегда хорошо грамотными кустарями, чаще подражателями, а не «столичными» первоклассными мастерами, проживавшими в самом Мерве и имевшими более высокую квалификацию. Наконец, в-пятых, некоторые варианты в начертании отдельных буквенных знаков, вероятно, не всегда следует относить за счет сознательного творчества. Они подчас могли явиться в результате оплошности мастера, которую он допустил при вырезывании букв копируемого текста, но которую лишен был возможности исправить, так как сделать это на полуобожженном кирпиче было очень трудно.

После присоединения Мерва в 651 г. к Арабскому халифату при административно-канцелярском делопроизводстве, составлении налоговых, арендных и прочих документов, писавшихся на арабском языке, применялось, как и в других областях обширного государства, курсивное письмо. Эпитафии же на наиболее старых намогильных кирпичах выполнены различными типами почерка куфи. Внедрению его в бытовой обиход и постепенному сложению в Северном Хорасане некоторой своей каллиграфической традиции не могло не способствовать то обстоятельство, что именно он применен в легендах на всех монетах арабского халифата, в том числе и местного чекана. Последний, сначала в виде медных фельсов, а затем и серебряных дирхемов стал выпускаться в Мерве уже во второй половине VII в. Наиболее ранней серебряной арабской монетой, выбитой на Мервском монетном дворе, по-видимому,

можно считать дирхем 76 г. х. (695—696)[14]. Для легенд этого монетного кружка применен строгий куфический почерк, который В. А. Крачковская характеризовала как мелкий, довольно ровный, предельно сжатый, прямолинейный и угловатый без дугообразных соединений[15]. Именно такого рода компактный стиль особенно удобен для эпитафий кирпичных намогильников при размещении текста на ограниченной площади. В силу этого обстоятельства он удерживался очень долго. С течением времени в монетных легендах проявляется тенденция к растягиванию как самих букв, так и промежутков между отдельными буквенными знаками в лигатурах. Это в свою очередь нашло отражение в размещении текста некоторых, особенно коротких эпитафий, на добытых ЮТАКЭ намогильных кирпичах. Аналогии с монетным чеканом отмечены и в наметившейся конкуренции с более древним почерком насхи. Уже с начала X в. в куфических легендах саманидских монет начинают встречаться отдельные слова, изображенные курсивным почерком насхи, например, при передаче имени саманидского правителя, в то время как имя халифа дается в куфическом начертании[16]. Одновременное употребление обоих почерков отмечается затем в чекане Газневидов и других династий XI—XII вв. То же наблюдается в рассматриваемых эпиграфических памятниках Мервской области, причем в более поздних с преобладанием насхи последний бывает в той или иной мере насыщен куфическими элементами, а отдельные слова текста выполнены целиком почерком куфи.

Что Мерв после установления владычества арабов и до захвата его монголами был довольно оживленной ареной деятельности немалого числа оставшихся в большинстве безвестными талантливых каллиграфов, оказавших своим творчеством определенное влияние на развитие здесь разных видов арабской эпиграфики, явствует не только из продукции тамошнего монетного двора. Это видно по монументальным надписям, выложенным из жженых кирпичей или вырезанным по алебастру на памятниках архитектуры. Об этом свидетельствуют некоторые здания поры развитого феодализма, частично сохранившиеся на поверхности, частично вскрытые раскопками ЮТАКЭ. Весьма показательно, что деятельность каллиграфов не миновала даже производства чудесных тканей, которыми Мерв славился еще при Сасанидах и которые в средние века вывозились в другие области халифата. В этом отношении заслуживает внимания продукция мервской дворцовой ткацкой мастерской «Тираз ал хасса» (طراز الخاصه) конца IX—X вв. Из нескольких дошедших до нас образцов с уцелевшими в надписях на них датами и упоминанием Мерва как места их производства особенно интересна льняная ткань, изготовленная в упомянутой дворцовой мастерской по приказу племянника халифа Мутадида (892—902), сына ал Муваффака Талаха с вытканным красным шелком именем правившего халифа ал Мутамида (870—892) и датой 278 г. х. (891—892). Надпись выполнена Сахлом, сыном Шадана, изысканным и своеобразным куфическим почерком, и отличается, по мнению В. А. Крачковской, от надписей на аббасидских тканях, близких по времени их изготовления[17].

Все вместе взятое позволяет надеяться, что со временем исследователи смогут выделить особую, если не мервскую, то северно-хорасанскую эпиграфическую школу. Некоторый материал для этого будет почерпнут и из будущего детального анализа эпитафий на средневековых намогильных кирпичах Мервской области. В данной работе мы ог-

раничиваемся самым кратким эпиграфическим обзором описанных выше памятников.

Надписи на последних, как правило, вырезались острым инструментом на ту или иную глубину. Это делалось для того, чтобы продлить им жизнь, так как песчинки способствовали относительно скорому разрушению поверхностей кирпичей. В результате ряд эпиграфических памятников дошел до нас со сбитым или частично уцелевшим текстом, который весь в таких случаях порой невозможно восстановить. Единственный пока прием другой техники нанесения надписей дает кирпич с эпитафией первой четверти XIII в., значащийся в описи под № 48. У него вырезан фон на глубину 3 мм, а над ним рельефно проступают выпуклые буквы и обрамления в виде сложной картушеобразной рамки.

Чистота стиля куфи определяется отсутствием пунктуации и знаков чтения. В части мервских намогильных кирпичей это в значительной мере распространяется и на эпитафии, выполненные почерком насхи без надстрочных и подстрочных знаков (№ 39). Как исключение, для XII в. встречаются на объекте № 26 в двух случаях точки под «ба» и в одном — над «каф». Для XIII в. на объектах № 47 и 48 имеются точки соответственно у шести и у пяти букв, а у ряда других они отсутствуют. Лишь на одном позднем кирпиче № 49 в тексте проставлено много точек почти для всех буквенных знаков, которым это присуще.

Характерно стремление выдержать принцип расположения слов в строках по одной горизонтали. Однако часто по неопытности мастера строчки не горизонтальны и не параллельны друг другу. В некоторых случаях они идут с наклоном справа налево или отдельные слова «прыгают» то вверх, то вниз. Поскольку расстояние между строк бывает не очень велико, то вертикальные части высоких букв при этом оказываются несколько заниженными.

Составленная нами примерная хронологическая таблица некоторых букв, помещенных на намогильных кирпичах области Мерва, дает известное представление о форме ряда буквенных знаков, употреблявшихся там в разное время на протяжении пяти с лишним столетий. Не останавливаясь на подробном разборе каждой буквы, отметим лишь несколько отдельных моментов (рис. 20).

Из таблицы видно, что наибольшее количество вариантов в начертании имеют ‘ ‘ и . Что касается «алифа» (по признанию арабских авторитетов в области каллиграфии), своим видом в значительной мере определяющего самый стиль надписи, то на подавляющем большинстве намогильных кирпичей стволы его прямы и в наиболее старых эпитафиях представлены одной вертикалью. С X в. внизу, вдоль строки под прямым углом, появляется небольшой загиб вправо, а затем вверху добавляется навершие в виде обращенной влево стрелки, с течением времени преобразующейся в клинчатый выступ. В XII в. нижний загиб изредка заменяется коротким опущенным вниз или вовсе исчезает. В начале XIII в. встречается как бы вилкообразное навершие в виде раздвоенного наконечника стрелы. Вообще же в исполнении таких высоких букв, как «алиф» и «лам», нет однообразия в пределах одной эпохи. У «ламов» навершия, как правило, обращены влево, но в XII в. бывают порой снабжены коротким загибом, слегка отходящим вверх и вправо, в XIII в. появляются вилкообразные навершия. Начертания букв «нун» и «ре» в основном почти не различаются, даже когда примерно с середины XI в. у них появляются поднятые вверх концы с изящным из-

		IXв.	Xв.	XIв.		XIIв			XIIIв.	XIVв.
				1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	Нач.2-я пол.	Конец стол	Начало	
Алиф	ا									
Ха	ح									
Дал	د									
Ра	ر									
Син	س									
Сад	ص									
Аин	ع									
Фа	ف									
Лам	ل									
Мим	م									
Нун	ن									
Ха	ه									
Вав	و									
Йа	ى									

Рис. 20. Таблица форм некоторых букв, встреченных ЮТАКЭ в эпитафиях на средневековых намогильных кирпичах Мервской области.

гибом. В ту же пору учащается поднятие окончаний у «вав» и «мим», причем усложнение декоративности последней буквы достигает своего максимума во второй половине указанного столетия.

Наряду с этим, наблюдаются случаи возврата к более архаичным начертаниям, когда стволы низких букв даются в виде треугольников или, например, ими же изображаются все три буквы в лигатуре بسم с добавлением к конечному «мим» короткого конца, опущенного вниз.

Декоративное растягивание лигатур, намечающееся уже в IX в. [الله], временами появляется и в последующие столетия [№ 10 — ابو; № 18 — محمد во всю строку; № 19 — بن; № 30 — ست; № 39 — بسو и مايه].

Наибольшей изысканностью отличается куфический почерк эпитафии на половине кирпича № 26, исполненной в конце XI — начале XII в. Острые навершия с оригинальным багорообразным шипом, повернутым то влево, то вправо, венчают и стволы длинных букв и оттянутые вверх концы «мим», «нун», «ра». Над другими низкими буквами, заполняя пустоты между горизонталями строк, размещены добавочные декоративные одиночные и спаренные багорообразные шипы. Весьма возможно, что первоклассный каллиграф, исполнивший текст этой эпитафии, жил и работал в Мерве, а не в Хурмузфарре, куда кирпич в готовом виде был, вероятно, доставлен для возложения на могилу.

Пора определенного технического расцвета в нанесении эпитафий на кирпичные намогильники Мервской области приходится на время существования государства Великих Сельджуков, особенно с начала XII в. и до так называемой «гузской смуты». Чаще наблюдаются округлости ряда букв, мягкие спуски, элемент курсивности. Увеличиваются случаи использования насхи, но по-прежнему преобладает многообразный куфи. Зато с конца XII в. и до самого монгольского нашествия весьма ощущается упадок, сказавшийся в общем огрублении каллиграфии, в частности куфического почерка, в безвкусной манерности, в нарушении горизонтальности строк и в нередких погрешностях в части арабского правописания.

Одного из видных каллиграфов Багдадского халифа однажды спросили, какое письмо, по его мнению, можно назвать превосходным. Его ответ звучал примерно так: «Когда находятся в равновесии его части; и длины «алифы» и «ламы» его; и прямы линии его; и подобен его подъем спуску его; и открыты его «айны»; и не похожи его «ра» на его «нун...»[18]. Речь шла, надо полагать, о стильном канцелярском письме. Во всяком случае, очевидно, что для средневекового каллиграфа ни одно из них по своему исполнению не является превосходным. Однако в историко-эпиграфическом отношении они имеют определенное значение. Из рассмотренных эпитафий, в подавляющем большинстве местных провинциальных каллиграфов, следует, что, во-первых, последние не просто копировали занесенные с запада шаблоны, но пытались вносить в них и что-то новое. Во-вторых, если они и не слишком обогатили арабскую эпиграфику, то, во всяком случае, способствовали распространению в широких кругах населения разных вариантов красивых почерков куфи и насхи. Кроме того, не исключена возможность, что со временем в районе Старого Мерва будут открыты новые намогильные кирпичи, в эпитафиях которых его лучшие мастера дали образцы употреблявшегося ими на архитектурных памятниках цветущего куфи с полупальметами и оригинальными плетениями.

Надписи

Надписи на обнаруженных ЮТАКЭ намогильных кирпичах Мервской области даны на арабском языке. Составители их, особенно проживавшие в небольших населенных пунктах, владели им не очень хорошо, отчего нередко встречаются грамматические ошибки и разнобой в написании одних и тех же слов: خمسه вместо خمس (№ 34), ثمانى вместо ثمان (№ 47), на ранних кирпичах писали — الحمد الله (№ 9—11), но с XI в. — الحمد لله и т. д. В начертании некоторых слов усматривается влияние произношения их по-таджикски, например, во фразе هذ ا قبر محمد (№ 47). В редких случаях в арабский текст оказываются вкрапленными отдельные таджикские слова. Намогильных кирпичей со сплошным или сколько-нибудь значительным таджикским текстом ЮТАКЭ не встречала, хотя в Согде известны кайраки с XII в., на которых надписи выполнены одновременно на арабском и таджикском языках[19].

Почти казалось бы обязательными являются два слова هذا قبر «это могила», изредка с членом هذا القبر (№ 19), причем первое иногда в начертании هذه (№ 43). Однако они отсутствуют на ранних кирпичах и после «басмалы» или другого благочестивого восклицания сразу следует имя покойного (№ 8—9, 14—15, 18). На кирпиче начала XIII в. слово «могила» заменено иносказательным «убежище»— ما شهد (№ 48). На некоторых ранних кирпичах слово قبر, выпадая, только подразумевается, а после слова «это» стоит имя погребенного в могиле лица (№ 4, а на табл. 2 № 7). Наконец, по восьмому фрагменту, изображенному на табл. 2, видно, что эпитафия вообще начинается с имени усопшего (Ахмед).

До сложения стандартных типов эпитафий, последние очень кратки, разнообразны и слова в них размещены иногда довольно беспорядочно (табл. 2, № 1), причем в некоторых случаях имя покойника вообще не упоминается, а налицо различные благочестивые восклицания. Таковы односложное هو — «он», т. е. иносказательное «бог»; упоминавшееся выше الحمد لله — «хвала богу» иногда с сопутствующими словами — الدنيا بقا — «мир вечен»; الملک الله —«власть» (принадлежит) Аллаху; الله الخير — «Аллах благостный», или «щедрый»; نور الله — «свет Аллаха», причем подразумевается «на него», т. е. усопшего, так же как в одиночном بسم —«во имя!» Последнее обычно начертано с упоминанием Аллаха — بسم الله (№ 1, 3, 16—17, 19, 27, 30, 40). Еще чаще для всех веков, охватываемых мервскими намогильными кирпичами, басмала приводится целиком — «во имя Аллаха милостивого, милосердного» (на 29 кирпичах в пределах от № 1 до № 50). Также широко было распространено благопожелание رحمة الله — «милосердие (или милость) Аллаха», равнозначное «да смилостивится Аллах» (№ 3, 6, 7, 18, 27, 32, 41). Оно, кроме того, встречается в сочетании с другими словами:

ورحمة الله به — милосердие Аллаха на него (№ 45);
رحمة الله عليه — милосердие Аллаха над ним (№ 36, 47);
رحمة الله عليه و — милосердие Аллаха над ним и отпущение (грехов) ему (№ 50);
رحمة الله و بنصر غفر له — милосердие Аллаха над ним и помощь (или «благодеяние», № 2);
رحمة الله بنصر وجه — милосердие Аллаха и в помощи почитаемого (№ 16);

Менее употребительны такие религиозные формулы:

الله الخير و بنصر وجه — Аллах щедрый и в помощи почитаемый (№ 18);

غفر الله ديو نه — да простит Аллах долги его (т. е. «грехи», № 43);

يارب بيا مرز هما مسلمانان — господи! (да будет) полное единение со всеми мусульманами (№ 47);

برز الله — да оправдает Аллах (№ 50).

Столь обычная калима, т. е. исповедание веры — لا اله الا الله محمد رسول الله («нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед посланник Аллаха») пока известна только на одном кирпиче X в. (№ 15) и на женском намогильнике XIV в. (№ 50).

Лица, упоминаемые на намогильных кирпичах

При рассмотрении вырезанных на намогильных кирпичах имен покойных лиц следует иметь в виду, что плата квалифицированному машакка за составление эпитафии и более или менее каллиграфическое ее исполнение на бумаге, а затем куляля по перенесению самого текста на полуобожженный кирпич с последующим обжигом его в керамической печи была в свое время доступна далеко не каждому. В силу этого обстоятельства имена, встреченные в описанных эпитафиях на кирпичах, должны быть отнесены к представителям наиболее зажиточных групп и даже верхушке общества средневековой области Мерва.

Особый интерес представляет персона некоего Абраза, сына Бассама, упомянутого на одном из самых ранних кирпичей IX в. из Хурмузфарры. Судя по его имени, как и по имени отца, оба не были простолюдинами, а принадлежали к среде местного светского и родовитого дехканства. В одной из наших работ была подробно показана возможная причастность этих лиц как потомков к семье известных по письменным источникам политических деятелей VII и VIII вв. Тезка Абраза (или по другой арабской транскрипции — Бараза) был сыном видного и могущественного мервского дехкана Махуйе. Имя последнего воспринималось в эпоху арабского завоевания как титул полунезависимого владетеля Мерва поры существования государства Сасанидов[20], формально правивших этой северо-восточной провинцией на положении марзбанов. Известны отец Махуйе по имени Фида и дед—Мафенах. Абраз стал дехканом Мерва еще при жизни отца, отказавшегося от высокого поста при жизни последнего сасанида Иездегерда III, в гибели которого в 651 г. он, уже после своего отречения, сыграл коварную роль. Сын оказался не менее беспринципным и вероломным по отношению к своему народу, что помогло ему долгое время продержаться на посту дехкана Мерва. В частности, за сообщение наместнику Умейру о готовившемся мервцами зимой 665 г. избиении арабов, сорвавшемся из-за предательства Абраза, он был награжден завоевателями и стал пользоваться у них особым доверием.

Имя Бассам носил один из активных сторонников восставшего в середине VIII в. против Омейядов Абу Муслим. Бассам, коренной мервский житель, был «маула» арабского племени лейс. Так назывались лица неарабского происхождения, оказавшие особые услуги по распространению ислама и потому находившиеся на положении клиентов под покровительством знатных арабов, их отдельных родов и даже целых племен. При этом многие такие «клиенты» добивались видного

общественного положения. В эпоху, когда протекало арабское завоевание, «маула» становились иногда захваченные иноверцы, которые освобождались из плена, если они принимали ислам, а также лица, просто добровольно становившиеся мусульманами. Одним из них, видимо, был уже отец Бассама, поскольку Табари называет его Ибрахимом. Каково было до принятия ислама его местное имя, неизвестно. Жизнь самого Бассама в молодые годы прослеживается пока по письменным источникам до 748 г., а дальнейшая его судьба остается еще не выясненной. Поскольку в знатных семьях принято было давать мальчикам имена предков, вполне возможно, что у скончавшегося мусульманином в Хурмузфарре в начале IX в. Абраза, сына Бассама, родным или двоюродным дедом или прадедом был тезка с таким же редким именем, т. е. Абраз, сын Махуйе[21].

Почти все остальные имена на рассматриваемых намогильных кирпичах более распространенные, мусульманские. Исключение составляет Барог, типичное имя для тюркской среды. Оно, в частности, было в употреблении и позднее у проживавших в XVII—XVIII вв. в Южном Туркменистане каджар[22].

При составлении нижеследующего алфавитного перечня имен использованы все приведенные в описании эпитафии, а также привлечены данные, почерпнутые из не вошедших в список фрагментов кирпичных намогильников:

Аббас	—	العباس	Муса	—	موسى
Абдаллах	—	عبد الله	Мухаммед	—	محمد
Асим	—	عاصم	Омар	—	عمر
Абу Бекр	—	بوبكر ابو بكر	Рахим	—	احيم
Али	—	على	Рахматулла	—	احمة الله
Ахмед	—	آحمد	Са'д	—	بو سعلر سعد
Барог	—	براغ	Хамид	—	حميد
Бушир	—	بوشر	Хасан	—	حسن
Джафар	—	جعفر	Хусейн	—	حسن
Ибрахим	—	ابراهم	Шади	—	شادى
Исхак	—	اسحاق	Шир	—	شير
Касим	—	قاسيم	Яр Мухаммед	—	يار محمد
Махмуд	—	محمود			

Наиболее распространенными оказались имена: Мухаммед (18), Ахмед (14), Абу Бекр (8), Абдаллах (6). По три покойника приходится на имена Али, Джафар и Хасан; по два — на имена Омар и Хусейн. Остальные фигурируют в единственном числе.

Лишь изредка в эпитафии указано одно имя или соимя самого покойника. Обычно добавляется еще имя отца с предшествующим словом «сын» (такого-то). В четырех случаях для поры существования государств Саманидов и Великих Сельджуков, а также для конца XII — начала XIII в. упомянуты еще и деды (№ 3, 19, 27 и 44). Покойник, указанный в эпитафии № 44, принадлежал к духовенству. Наконец, на намогильном кирпиче № 21 перечислены имена четырех предков до прапрадеда включительно.

Из всех встреченных намогильных кирпичей менее десятка, безусловно, связаны с погребениями духовных лиц. Из них пять шейхи, чьи могилы приходятся на время с конца XI в. (№ 1), а в основном на XII в. (№ 28, 33, 37, 40 и 49). Кирпич № 49, хотя и изготовлен на грани XII—XIII вв., но предназначался для могилы шейха, скончав-

шегося еще в 1096 г. и происходившего из ремесленников. Упомянутый в эпитафии (кирпич № 40) шейх Омар, сын Ахмеда, был, кроме того, отшельником. Дед единственного упоминаемого в эпитафии мальчика Махмуда принадлежал к мусульманскому духовенству (№ 44), занимал при жизни должность хатиба, и, следовательно, был лицом, хорошо владевшим арабским языком. Его обязанностью было произнесение в мечетях проповедей, а во время пятничных богослужений возглашение хутбы с упоминанием имени государя как выражения признания политической зависимости от него. Саидом (سعيد) был лишь один, имя которого утрачено (№ 10).

К персонам, безусловно, учившимся в медресе, принадлежали казий Яр Мухаммед (№ 14), и, должно быть, хорошо известный в первой половине XII в. богослов-схоласт «мудрый Мухаммед Шады». Из добавленного в левом нижнем углу его намогильного кирпича слова «имам» явствует, что покойный принадлежал к причту мечети, а в его обязанности входили руководство молящимися во время совершения намазов и исполнение разного рода религиозных требований ислама (№ 34).

Профессии или социальное положение светских лиц в подавляющем большинстве в эпитафиях отражения не получили. Исключение составляют кузнец (№ 33), торговец аптекарскими товарами (№ 10) и кольчугоделатель (№ 31). Последний трагически погиб, став мучеником-шахидом 27 мая 1132 г. Между прочим, в неспокойную пору так называемой «гузской смуты» при захвате Пашана огузами 11 марта 1160 г. в числе прочих убитых ими жителей шахидами оказались шейх Ахмед, сын Мухаммеда ал-Херати (№ 34) и из числа других пашанских зажиточных обитателей некий Мухаммед (№ 38). Кстати, точное установление даты этого события, косвенно отраженного в тексте Самани, оказалось возможным благодаря всестороннему анализу найденных ЮТАКЭ кирпичей с именами двух указанных лиц[23].

К числу мастеров, непосредственно связанных с изготовлением намогильных кирпичей с эпитафиями, пока можно отнести лишь одного Абу Бекра (конец VII в.)[24], чье имя, выполненное куфическим почерком, помещено на торце ниже эпитафии упомянутого выше хатиба (№ 44). Совершенно обособленно среди десятков мужских имен выглядит единственное женское, Саны, дочери Абу Ахмеда, сына Барога (№ 50). Хотя даты смерти на кирпиче нет и проставление ее даже не было предусмотрено, примерное установление времени изготовления намогильника, столь не похожего на все выше рассмотренные, вытекает из эпиграфических данных. В тексте эпитафии применена в основном позднесредневековая разновидность куфи с элементами скорописи. Одновременно для первой фразы калимы использован другой вид позднего куфического почерка, характеризующийся высокими алифами, ламами и двумя вариантами их лигатур, а для второй фразы применен куфи, смешанный с элементами курсивности. Все это типично для надписей поры монгольского владычества. Должно быть, кирпич с эпитафией для могилы Саны был изготовлен или в конце XIII в. или в первой половине XIV в.

Именно в эту эпоху заметно учащаются в Средней Азии упоминания женских имен на местных намогильных гальках-кайраках, причем большинство их, как установлено нами, приходится на северные районы, в основном на Фергану и Семиречье, а имеющие даты, преимущественно относятся к XIV в. Единственным исключением является

кайрак Ташкентского музея истории народов Узбекистана с указанием имени покойницы и 596 г. х. (1199—1200) ее смерти[25]. В эпитафиях на среднеазиатских кайраках при определении положения женщины указывается, что покойница была либо дочерью такого-то отца (иногда матери), либо она сама является матерью такого-то эмира или видного духовного лица. Исключительно редко упоминается, что усопшая была женою какого-то лица, причем в таком случае ее имя не указывается[26].

К поре монгольского владычества относятся наиболее ранние женские мавзолеи Средней Азии, построенные в ее северных районах: «Сырлы-там» в Кизылкумах, в 70 км от Кизыл-Орды, возведенный над могилой Кизыл-Хатун, которая скончалась 8 ноября 1298 г.; так называемый «мазар Манаса» в долине Таласа (КиргССР), в действительности являющийся усыпальницей Кянизяк-Хатун, смерть которой, по-видимому, наступила 6 мая 1334 г.[27]; наконец, мавзолей Бабаджи-Хатун у бывшего селения Головачевского, близ Джамбула. Судя по стилю исторической надписи на переднем фасаде последнего, памятник сооружен в первой половине XIV в. Что касается всех туркменистанских средневековых намогильных кирпичей с эпитафиями, то среди них, относящихся в своей массе ко времени до третьего десятилетия XIII в. включительно, нет ни одного с упоминанием женского имени. Кирпич из Старого Мерва для могилы Саны является в этом отношении первым и остается до сих пор единственным из ставших известными науке подобного типа намогильных плит. Он относится ко второму этапу в истории Мерва за период монгольского владычества, когда, как выяснено впервые исследованиями ЮТАКЭ, этот город, находившийся в запустении со времени погромов монголами в 1221—1222 гг., был восстановлен в середине XIII в., располагался на месте городища Султан-кала, существовал здесь в первой половине XIV в. и значительно уступал по своим размерам былой столице Великих Сельджуков[28].

Даты

Даты, проставляемые на намогильных кирпичах и обычно указывающие, когда произошла смерть того или иного лица, отмечены на двадцати одном объекте, т. е. менее чем на половине общего количества изучавшихся нами памятников. Дошли они далеко не полностью, поэтому особую значимость приобретают сохранившиеся целиком.

Их появление в эпитафиях приходится на наиболее поздние кирпичи. Цифры года всегда указываются только арабскими словами после предшествующих им терминов — تاريخ سنه (год) или سنه («в летоисчисление года», иногда со словом هذ «этого»). На наиболее раннем из обнаруженных пока кирпичей с указанием времени кончины покойного лица от года сохранилось лишь указание сотен, а именно «четыреста» (№ 25). Поскольку промежуток между этим словом и термином — явно рассчитан только на размещение слова десятков, а не единиц, можно полагать, что тут было указано одно из последних десятилетий XI в. При наиболее позднем варианте, т. е. 490 г. х. он соответствовал бы 1096—1097 гг. Возможна и несколько более ранняя датировка. Такое предположение вполне допустимо, если учесть, что в Мавераннахре с включением более северных областей Семиречья самая ранняя дата в эпитафиях на намогильных гальках-кайраках представлена 459 г. х. (1066—1067 гг.)[29]. На былое наличие в Мервской области

других кирпичей с датами конца этого столетия намекает более поздний объект № 47. Хотя его эпитафия исполнена на грани XII и XIII вв., но она, видимо, воспроизводит текст более ранней, бывшей на пришедшем в негодность первоначальном кирпиче, положенном на могилу шейха Хусейна, который скончался в 1096 г.[30] Из числа других намогильных кирпичей с указанием определенного года смерти девять приходятся на первые шесть десятилетий XII в., а семь—на отрезок времени с 1180 г. до нашествия монголов.

Кроме года, встречаются указания месяца и даже дня кончины того или иного лица. Иногда сразу после упоминания имени с пропуском слов «смерть последовала» проставлено بتاريخ شهر («в летоисчисление месяца») или فى شهر («в месяце...»). Употребляются и другие варианты: الوفات («смерть...»); وفاته فى («смерть его в...»); وفاته يوم ماه («смерть его в дни месяца...»); توفى فى شهر الله («скончался в месяце...», иногда с добавкой «аллаховом»); توفى فى يوم («скончался в день...»). В эпитафиях приведены следующие общепринятые названия месяцев: мухаррам (№ 23, 43), сафар (№ 42, 45), раби 1 (№ 34, 36, 37, 38), раджаб (№ 31, 47), рамазан (№ 27, 32, 44), зу-л-када (№ 28, 48). Месяц раджаб фигурирует и в менее распространенном названии — «ал-асамм» (№ 30, 46), джумада 1 — в форме «джамид» (№ 41).

В двух случаях указано, что смерть произошла «в воскресенье» без уточнения числа, поскольку, вероятно, вообще именно этот день недели считался особо благоприятным (№ 27, 29). На двух же намогильных кирпичах отмечено, что оба покойные лица скончались в «первый день луны раби 1 — 555 г.», т. е. 11 марта 1160 г. (№ 37—38). Встречается и прямое указание для того или иного месяца, когда умер покойный, например: «4-й день рамазана 532 г.» (№ 32) и даже еще порядкового числа в пределах недели, например: «4-й день недели 21 мухаррама 586 г.» (№ 43). На кирпиче № 42 приведен день появления нового куббаха, а именно 24 сафара 582 г.

Рассмотренные намогильные кирпичи в научном отношении интересны не только как эпиграфические памятники. Несмотря на краткость и специфичность содержания их текстов, они как подлинные письменные документы эпохи дают некоторое представление о составе определенных групп населения в средневековых касаба Мерва. Приводимые в эпитафиях тексты религиозного содержания и, даже отчасти собственные имена косвенно свидетельствуют о наличествовавших в свое время идеологических толках ислама среди местного населения. При соответствующем достаточно широком историческом подходе скупые строчки немногословных эпитафий могут приоткрыть достойные внимания моменты в жизни отдельных лиц и того или иного пункта. Как было показано выше, анализ содержания надписей на намогильнике № 1 позволил выяснить судьбу оказавшегося захороненным в Хурмузфарре не упоминаемого в письменных источниках потомка широко известных в пору конца династии Саманидов и завоевания арабами Средней Азии мервских правителей: коварного Махуйе и предателя интересов своего народа Абраза[31]. Благодаря находке намогильного кирпича № 31 мы узнали о гибели 27 июня 1132 г. резидировавшего в Мерве с 1097 по 1157 г. Аби Шуджа. В результате какого-то трагического события, разразившегося в городке Харак, этот, как его именуют в эпитафии, кольчугоделатель, казалось бы, в мирное время стал шахидом, т. е. пал

в борьбе за веру как «воитель» и «мученик». Два других намогильных кирпича (№ 38-39) для могил проживавших в Фашане (по другой транскрипции Пашан и даже ошибочно Башан) хератского шейха Ахмеда, сына Мухаммеда, и некоего Мухаммеда, также ставших шахидами, но уже 11 марта 1160 г., т. е. почти через три года после смерти Санджара, дали возможность восстановить картину печальной судьбы того городка для середины XII в., подвергнувшегося в этот день разгрому и избиению жителей гузами. Последние перед тем жестоко расправились с рядом других населенных пунктов, но об участи Фашана из письменных источников известна была лишь предшествующая ситуация, по которой войско гузов до того стояло под стенами его крепости и намечалось проведение переговоров о перемирии[32].

Несомненно, что в дальнейшем число выявленных фактов из прошлого Мервской области будет расти по мере продолжения начатой ЮТАКЭ работы по розыску и сбору новых средневековых намогильных кирпичей с эпитафиями. Очень желательна аналогичная деятельность в Иране, Афганистане, а также на территории Таджикской и Узбекской ССР. Работы по Узбекистану в этом направлении, на наш взгляд, особенно перспективны.

Здесь первый такой намогильный памятник был обнаружен еще в пору существования Бухарского эмирата в приамударьинской группе развалин Старого Термеза среди обломков средневековых кирпичей, которые в 1906 г. были употреблены на вымостку пролегавшего через городище шоссе. Как мне удалось установить, он был передан в 1916 г. инженером Эпелем в Музей Туркестанского кружка любителей археологии, где, однако, долгое время оставался беспаспортным. Таковым его застал в 1920 г. В. В. Бартольд, опубликовавший вскоре транскрипцию куфической эпитафии этого памятника из четырех строк[33]. Несколько лет спустя благодаря любезно переданному мне А. А. Диваевым письму Эпеля к Н. П. Остроумову и приложенному к нему фотоснимку, происхождение кирпича перестало быть загадкой, а его описание и прорисовка эпитафии вошли в 1-й том «Трудов Термезской археологической комплексной экспедиции». Лицевая сторона этого почти квадратного кирпича (6×5,5×1 см) заполнена целиком выполненной куфическим почерком эпитафией, из которой явствует, что он был предназначен для могилы некоего Абу Мухаммеда, сына Махтума, без указания даты смерти покойного, а лишь с приведением нескольких благопожеланий احمه الله و بنصر و جهه و نوا قبره [34]. Судя по почерку, данный намогильник может датироваться не позднее начала XI в.[35]

Больше публикаций средневековых мусульманских кирпичных намогильников с эпитафиями с территории Узбекистана не было, хотя отдельные их находки в целом виде, а чаще в кусках разных размеров отмечены как в Термезе, так и в других местах, причем больше всего в Самарканде. Среди найденных в этом городе объектов особый интерес представляет квадратный кирпич с мазара Абу Ляйса. Судя по снятой с него и любезно переданной мне Л. И. Рempелем фотографии, он предназначался для могилы некоего Абу-л-Хусейна, сына Ибрахима, родом из Усрушаны, на которого призывается милость аллаха и Хусейна. Дата смерти не указана, но по стилю куфического почерка его эпитафии намогильный кирпич изготовлен не позднее первых десятилетий XI в. и не ранее X в. В XI—XII вв. в Самарканде квадратным намогильным кирпичам постепенно пришли на смену продолговатые, более многострочные, эпитафии которых, красиво выполненные почерком куфи,

часто обрамлены рамками, арочками и доурипая. Указания даты смерти появляются со второй половины XI в. В дальнейшем намогильные кирпичи окончательно уступили место кайракам, которые вошли в употребление еще в IX в., но расцвет которых приходится на XIII—XIV вв., а последние единичные экземпляры захватывают и первые десятилетия XV в.

Исследователей Узбекистана в этом направлении ждет многообещающая увлекательная работа. Пока же участники ЮТАКЭ, занимающиеся выявлением прошлого Туркмении, имеют все основания с чувством удовлетворения отметить, что по изучению средневековых намогильных кирпичей с эпитафиями, как и по многим другим историко-археологическим темам, они не только проявили инициативу в постановке ряда вопросов, но выдвинули Туркменскую ССР на первое место среди других республик Средней Азии, приступив к практическому разрешению большого числа очередных и зачастую не терпящих отлагательства задач, стоящих перед советской исторической наукой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Положение об Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), § 4. — «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1. Ашхабад, 1949, с. 202.

[2] Так, например, весной 1958 г. приезжавшие на городище у Ку'ртлы-депе (Пашан феодального периода) ради добычи средневековых жженых кирпичей работники строящегося тогда совхоза у Гёбеклы нашли два целых намогильных кирпича с надписями. Чуть надколотые при извлечении из земли, они были увезены вместе с другими и положены в фундамент одной новой постройки. См. дневник начальника ЮТАКЭ за 1958 г., с. 21б.

[3] *Массон М. Е.* Обнаружение и опознание руин средневекового селения Шавваль.— «Изв. АН ТССР», 1959, № 6. *Его же.* Средневековое селение Шавваль.— «Труды ЮТАКЭ», т. 13. Ашхабад, 1966, с. 13—19.

[4] *Массон М. Е.* Обнаружение средневековых городищ Харака и Саусакана в области Мерва. — «Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук», 1965, № 3, с. 51.

[5] Kitab al-Ansab of al-Samani.— GMS, v. 20, 1912, с. 331a. С. Л. Волин соответствующее место текста Самани передал в переводе следующими словами: «Я написал на кирпиче его имя (Абу-Дауд Сулейман ибн Саид ибн Кусджан ас-Синджи. М. М.) и (дату) его смерти и отправил в это селение, чтобы положить на плиту его могилы, а она в степи у квартала Базан». — МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939, с. 335.

[6] *Массон М. Е.* Намогильные кирпичи из Марыйского оазиса.— ЭВ, т. 8. М.—Л., 1953, с. 24—35; *Его же.* 11-е марта 1160 г. в жизни города Башана Мервской области. — «Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук», 1961, 3, с. 31—36; *Его же.* Новые средневековые намогильные кирпичи из Марыйского оазиса.— «Древний мир». [Сборник, посвященный 70-летию академика Василия Васильевича Струве]. М., 1962, с. 386—392; *Его же.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР). — «Труды ЮТАКЭ», т. 13. Ашхабад, 1966, с. 15, 24—26, 53—54, 106.

[7] В процессе прочтения эпитафий я однажды пользовался советами кандидата филологических наук арабистки А. Г. Рауфовой, а в трактовке отдельных слов на четырех кирпичах получил консультацию у профессора П. Г. Булгакова. Обоим приношу искреннюю признательность.

[8] Вероятно, к этой же эпохе относится крупный намогильный кирпич (47×35×5 см) для могилы Абу Карима, сына Мухаммеда Абду Нуга, встреченный в 1949 г. на городище средневекового Мехне, близ Меана. В его изящной куфической эпитафии также имеются точки под буквами и над ними. Фото с этого намогильного кирпича см. в ЭВ т. 8. М.—Л., 1953, с. 33 (описание там же, с. 24).

[9] В 1957 г. в 6 км к западу от городища Пашан и к юго-западу от развалин Дурнали в районе Чанглы-депе найден намогильный кирпич конца XII в. (26×26×5,5 см), у которого от эпитафии сохранилось имя покойного — «Хамид», а от даты смерти — «... и восемьдесят... сот», т. е. 58 (?) г. х. Там же подобран фрагмент подобного кирпича с упоминанием только имени некоего Ахмеда.

[10] *Массон М. Е.* К вопросу о «черных дирхемах» мусейяби. — «Труды Ин-та истории и АН УзССР», вып. 7. Ташкент, 1955, с. 192.

[11] *Крачковская В. А.* Эволюция куфического письма в Средней Азии. — ЭВ, т. 3. М.—Л., 1949, с. 3—27.

[12] *Крачковская В. А.* Памятники арабского письма в Средней Азии и Закавказье до IX в. — ЭВ, т. 4. М.—Л., 1952, с. 46—100; *Ее же.* Арабское письмо на памятниках Средней Азии и Закавказья IX—XI вв. [Памяти И. Ю. Крачковского].— ЭВ, т. 10, 1955, с. 38—60.

[13] *Крачковская В. А.* Эволюция..., с. 3.

[14] *Lavoix H.* Catalogue des monnaies musulmanes de la Bibliotheque Nationale, t. 1. Paris, 1887, № 203.

[15] *Крачковская В. А.* Памятники арабского письма..., с. 87, где дана развернутая эпиграфическая характеристика легенд мервского дирхема 76 г. х.

[16] *Тизенгаузен В. А.* О саманидских монетах. — «Труды Восточного отделения Археологического общества», ч. 1. Спб., 855, с. 211 и сл.

[17] *Крачковская В. А.* Эволюция..., с. 4—6.

[18] *Крачковская В. А.* Арабское письмо..., с. 60.

[19] О кайраке с самаркандского кладбища Джакардиза, изготовленном для могилы эмира Османа, скончавшегося 13 декабря 1178 г. см.: *Жуков В. Д.* Кайрак с двуязычной надписью 574/1178 г. — ЭВ, т. 11. М.—Л., 1956, с. 30—39. Кайрак XV в., на одной стороне которого надпись выполнена по-арабски, а на другой— по-таджикски, обнаружен Согдийской археологической экспедицией при мазаре Мир Саида Ахмед-хана в Урмитане. См.: *Якубовский А. Ю., Смирнова О. И.*— «Материалы и исследования по археологии СССР», № 15. М.—Л., 1950, с. 21 и 62.

[20] *Ibn Khordâdhbeh.* Kitab al Masalik wa'l-mama-lik.— BGA, 6. Lugduni Batavorum, 1889, с. 39.

[21] Подробнее см.: *Массон М. Е.* Средневековый мусульманский намогильный кирпич из Мервской области с домусульманским именем покойного. — «Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук», 1969, № 6.

[22] См. намогильную плиту Барога, потомка Барога, скончавшегося в 1143 г. х. («Труды ЮТАКЭ», т. 14. Ашхабад, 1969, с. 265).

[23] *Массон М. Е.* 11-е марта 1160 г..., с. 31—35.

[24] Подписи мастеров на средневековых намогильниках в отличие от помещаемых на бытовых керамических изделиях и на металлических предметах представляют большую редкость. Безусловная принадлежность имени мастеру не подлежит сомнению, когда перед ним стоит слово عمل В 1927 г. подпись незаурядного мастера Махмуда Самарканди была обнаружена мной в Узгенде, у мазара Шамши-Каттол-вали, на кайраке, покрытом эпитафией для могилы некоего Абу-Бекра, сына Исмаила, сына ал-Касима, скончавшегося 27 марта 1205 г. См.: *Массон М. Е.* Среднеазиатские намогильные кайраки. — ЭВ, т. 11. М.—Л., 1956, с. 4.

[25] *Массон М. Е.* Время и история сооружения Гумбеза Манаса. — ЭВ, т. 3. М.—Л., 1949, с. 32.

[26] *Массон М. Е.* Среднеазиатские намогильные кайраки, с. 7.

[27] *Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* Гумбез Манаса. М., 1950, с. 40—41, 50.

[28] *Массон М. Е.* К изучению прошлого Старого Мерва.— «Труды ЮТАКЭ», т. 12. Ашхабад, 1963, с. 16—17.

[29] *Массон М. Е.* Среднеазиатские намогильные кайраки, с. 10.

[30] В Средней Азии известно несколько случаев, когда мусульманское духовенство при утрате первоначального намогильника какого-нибудь почитаемого населением лица, иногда даже по прошествии нескольких столетий со дня его смерти, принимало меры к изготовлению новой плиты с текстом старой эпитафии. Такого рода новоделы вводили в заблуждение специалистов. Так, самаркандский кайрак с могилы шейха Абу-Закарийя, сына Иахйа из Варагсера, умершего в месяце раби 1230 г. х., т. е. в конце 844 г., долгое время фигурировал в научной литературе как памятник IX в. По эпиграфическим данным, высеченная на нем эпитафия не могла быть изготовлена ранее III четверти XIII в. То же относится к открытому мной в 1927 г. в Узгенде (КиргССР) у мазара Клыч Бурхан-ад-дина кайраку с могилы шейха Абу Зийада, сына Исмаила, с датой смерти в том же 230 г. х. (см.: *Массон М. Е.* Средневековые намогильные кайраки, с. 8—10). В июне 1964 г. при работах Кешской археолого-топографической экспедиции нами были посещены развалины города Каспи, в 35 км западнее Карши. К северу от развалин цитадели этого городища в комплексе культовых зданий, связанных с могилой Султан Мир Хайдара, на одной дахме были обнаружены две намогильные плиты с одинаковыми эпитафиями. Одна из них явно XIV в. была некогда разбита на несколько кусков, после чего, судя по эпиграфическим данным, в XVII в. эпитафия была повторена на плите значительно больших размеров, причем обе при нашем посещении располагались

рядом вмазанными в северном торце дахмы. В эпитафиях упоминался алид Шемс-ад-дин с родословной в 14 поколений, начиная от халифа Али и с указанием смерти в рамадане 766 г. х., т. е. в мае—июне 1365 г.

[31] *Массон М. Е.* Средневековый мусульманский намогильный кирпич..., с. 18—23.

[32] *Массон М. Е.* 11-е марта 1160 г., с. 31—36.

[33] *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестан, август — декабрь 1920 г.— «Изв. АН СССР. Сер. 5», т. 15. Л., 1921, с. 212.

[34] *Массон М. Е.* Городища Старого Термеза и их изучение.— «Труды УзФАН. Сер. 1», вып. 2. Ташкент, 1940, с. 24 (примечания № 123—124).

[35] В подписи к опубликованной в 1-м томе Трудов ЮТАКЭ в прорисовке эпитафии термезского кирпичного намогильника допущена опечатка и вместо XI в. стоит XII в.

Л. И. ЖУКОВА

СТРАТИГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КЕРАМИЧЕСКИХ ОТВАЛОВ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ МЕРВСКОГО РАБАДА

При изучении гончарного производства в прошлом археологи обращали недостаточное внимание на исследование керамических отвалов, ограничиваясь лишь сбором подъемного материала с последних, а в лучшем случае, бессистемным вскрытием их, если они случайно попадались в ходе археологических работ на какой-нибудь раскопочной площадке. Единственная попытка провести более глубокое исследование свалок керамического брака была сделана лишь в 1934 г. 29-м отрядом Таджикско-Памирской экспедиции, «предварительно изучавшей район среднего течения Ангрена в связи с историей горной промышленности»[1]. Однако ряд причин не позволил тогда отряду развернуть стационарные археологические раскопки.

ЮТАКЭ с первых дней своего существования ежегодно проводит наблюдения за керамическими отвалами. Уже в 1947 г. аспирантка кафедры З. А. Альхамова в полевом отчете VIII отряда по изучению рабада городищ Старого Мерва наряду с описанием керамических печей отметила и их отвалы бракованной продукции[2].

В 1953 г. профессор М. Е. Массон совершает историко-топографическую съемку западной части рабада, куда также наносит отвалы. Упоминает о них и В. И. Сарианиди в своей статье «Керамические печи городищ Мерва»[3]. В 1955—1961 гг. работы по изучению гончарного производства в Мерве X — начала XIII в. возглавлялись С. Б. Луниной, проводившей систематические наблюдения в частности и за отвалами, что нашло отражение в ряде работ[4].

Основное преимущество керамических отвалов заключается не в таящихся в них богатых ассортиментах керамики. Брак — прежде всего документальный показатель местного производства данного рода изделий. Так, в 1959 г. на территории рабада Мерва ЮТАКЭ были обнаружены черепки бракованной люстровой керамики. Этот факт дал возможность утверждать местное ее производство. Поскольку та-

ких фрагментов оказалось немного, Г. А. Пугаченкова высказала предположение, что люстровую керамику здесь изготовлял высококвалифицированный мастер из Рея, ревниво оберегавший свои производственные секреты и не раскрывший их мервским мастерам[5].

При вскрытии мервских гончарных мастерских XII — начала XIII в. в западной части рабада ЮТАКЭ получила обильное количество высокохудожественной безглазурной штампованной керамики. Неподалеку от остатков хумданов часто располагаются только небольшие холмики их бракованной продукции. Вот почему были основания предполагать наличие где-то большого отвала, связанного с производством штампованной посуды. Попытка отыскать местонахождение основной свалки закончилась успехом. Решение поставленной задачи облегчалось тем, что отвалы легко прослеживаются среди холмов, скрывающих остатки древних печей и мастерских. А в бессолнечные дни их выдают еще серые «покрывала», насыщенные печной золой. Кроме того, сама поверхность отвалов усыпана множеством фрагментов битой посуды и предметов печного припаса. Часто уже только по подъемному материалу на бугре можно угадать характер продукции, выпускавшейся мастерской, отходы производства которой сбрасывались здесь. Помимо внешних признаков, указывающих на местонахождение отвалов, необходимо отметить еще один вспомогательный. В квартале западной части рабада Мерва вскрыто и отмечено на планах много горнов, а свалки керамического мусора, как сказано, располагаются часто поблизости от производственных мастерских. Но это больше относится к отвалам печей, находящихся на окраине квартала, или же к отвалам малых масштабов, ибо, как уже давно отметила С. Б. Лунина, «громадные отвалы обычно осуществлялись в определенных местах, в основном в обе стороны квартала—в восточной и западной»[6]. На площади более 12 га, занимаемой упомянутым кварталом гончаров, насчитывается около десяти громадных отвалов. Некоторые из них имеют длину до 50—70 м и ширину 20—35 м. Фрагменты неглазурованной и особенно глазурованной посуды, разбросанные по всей территории рабада, уже частично помогли наметить этапы в истории обживания данной части мервского пригорода на протяжении почти четырех столетий.

Как выяснилось в результате закладки стратиграфических шурфов на отвалах, гончары облюбовали себе место между каналами Хурмузфарры и Маджан (как известно, гончарам необходимо много воды при производстве глиняной утвари) уже в IX в. и с тех пор постепенно начали переселяться сюда, строя новые обжигательные печи. И, может быть, тут долго еще дымились бы печи и искусные мастера изготовляли бы чудесные изделия из глины, если бы в 1222 г. монголы не подвергли квартал окончательному разгрому, после чего он как таковой перестал функционировать навсегда.

Проблема стратиграфического изучения керамических отвалов, несмотря на всю необходимость такого исследования, никогда не ставилась археологами в качестве самостоятельной темы не только на территории Средней Азии, но и по СССР в целом. Инициатива полностью принадлежит ЮТАКЭ, впервые разработавшей и метод их изучения. Для получения наиболее полных данных закладывались стратиграфические шурфы на разновременных отвалах. Для удобства датировки слоев они обычно связывались с определенными раскопками. За репер брали самую высокую точку изучаемого объекта. От

нее отсчитывали ярусы, каждый по 50 см. Постоянно проводились наблюдения за слоями и их содержимым, статистический учет керамических изделий на единицу площади, чертились развертки шурфов, разрезы холмов и планы. В полевом музее добытый материал, тщательно разложенный не только по квадратам, но и по ярусам (иногда даже по форме разреза), помогал лучше осмыслить во времени стратиграфию отвала. Все полученные данные в ходе работ фиксировались в поквадратной описи и в полевом дневнике (рис. 1).

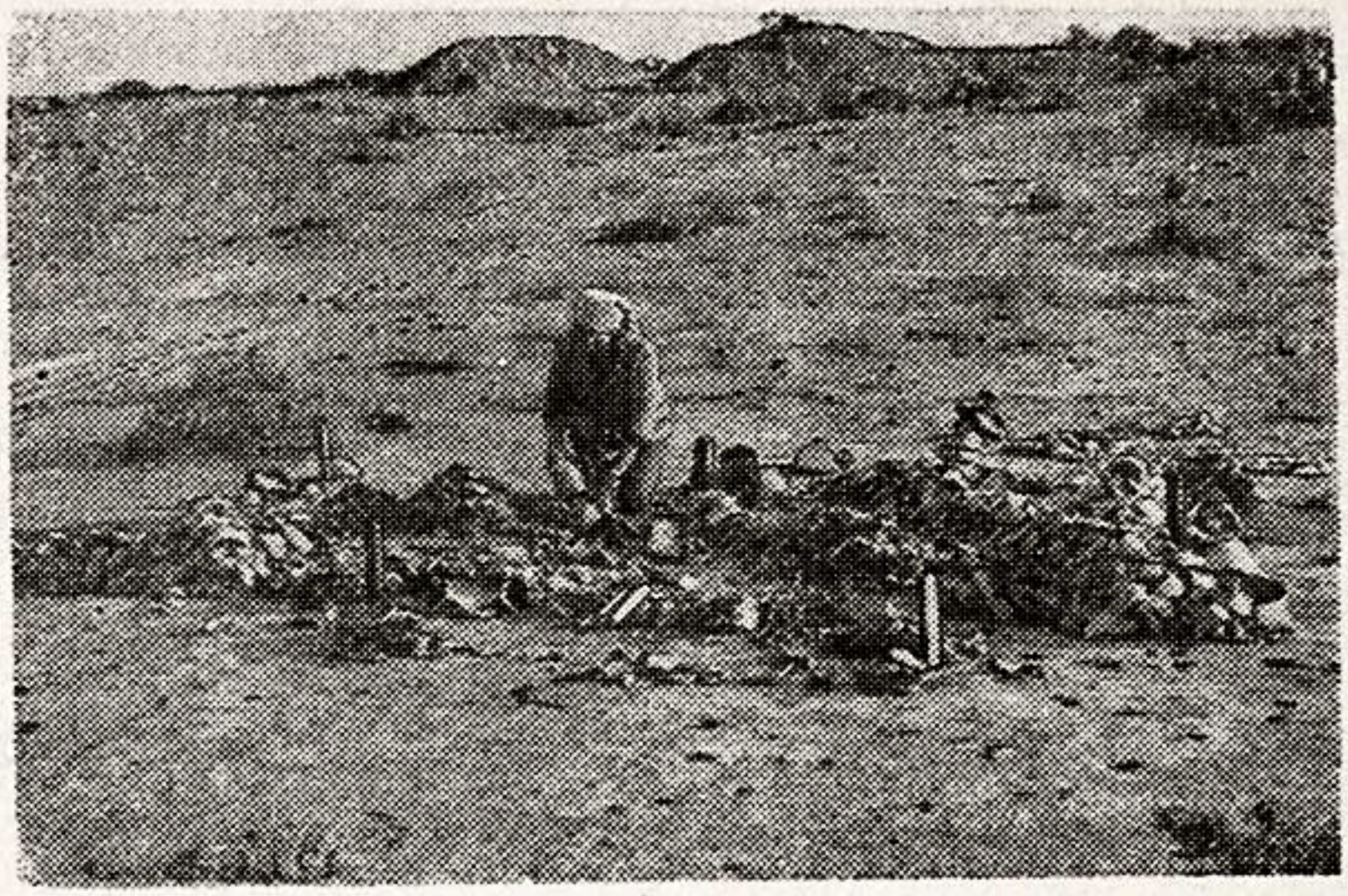

Рис. 1. Раскоп отвала керамистов. Полевой музей в начале работы на раскопочной площадке.

Стратиграфическое изучение керамических отвалов в западной части рабада Мерва проводилось автором данной работы по линии ЮТАКЭ под руководством М. Е. Массона во время осенних сезонов полевых работ экспедиции 1960, 1961, 1962 гг. Непосредственное наблюдение за ходом раскопочных работ осуществлялось археологом С. Б. Луниной. На положении коллекторов работали студенты И. Масимов (1961) и А. Абдукадыров (1962).

За указанный срок было вынуто и переброшено 230 м³ земли.

Стратиграфические шурфы были заложены на отвалах, связанных с керамическими печами разного времени, а их описание начинаем с отвала Р-14, поскольку его нижние слои заключали отвал керамического брака самого раннего периода деятельности керамистов на территории к северо-западу от ворот Фируза в западной стене Султан-калы.

Раскоп 14 был заложен в осеннем полевом сезоне 1962 г. Он расположен почти в центре квартала в 160 м к северу от мастерских Иноятона. В 6 м к востоку от него находится вскрытая в 1956 г. керамическая печь второй половины XII — начала XIII в., известная под шифром Р-3, с деятельностью которой в основном и связан описываемый отвал. Первоначально шурф был заложен на площади 2×4 м.

После углубления на 1,25 м его сократили до 2×2 м, а на середине IX яруса сузили до 1×1 м. К концу полевого сезона выяснилось, что холм в районе Р-3 имеет толщину культурных наслоений 5 м. Углубление прекратили в середине XII яруса, когда натолкнулись на плотную землю буро-коричневого цвета без каких-либо антропогенных признаков, идущую более 30 см вглубь. Над этим слоем земля была тоже плотная, но в ней встречались фрагменты керамики. Они позволили датировать слой в 70 см IX в. Над ним, на границе начала XI — конца X яруса, мощностью в 30 см проходил отвал керамического производства, обильно насыщенный в основном неглазурованной керамикой и предметами печного припаса, не известными до сих пор для мервского рабада, и явно более ранними, чем конец IX в.

Материал предшествующего слоя и отвала совершенно тождествен и в обоих случаях бракованный. Поэтому можно полагать, что мощность отвала более 30 см. Возможно, керамисты давно начали сбрасывать брак в этом месте, но свалка засыпалась землей и утаптывалась, в результате чего образовался плотный слой. Шлейф отвала IX в. отделялся от вышележащего более молодого отвала прослойкой плотной земли, мощность которой варьирует от 0,5 до 1 м. Она содержит покрытые блестящей свинцовой глазурью черепки тонкой отмучки и прекрасного обжига. Фрагменты с мраморовидной поливой и черепки, украшенные подглазурной росписью в виде белых лент с коричневыми крапинками внутри, знакомые нам по Р-2, Р-4, Р-5 описываемого квартала и относящиеся к X—XI вв., позволяют датировать содержащий в них слой тем же временем. Еще выше тянется мощный отвал, достигающий местами в северо-западной части шурфа 4 м. Характер содержимого отвала на всем протяжении однороден. В разрезах шурфа четко прослеживаются линзы пепла и угольков, чередующихся со слоями, сплошь насыщенными битой поливной керамикой, обломками тонкостенных сероглиняных сосудов с разнообразной процарапанной орнаментацией, переобожженными чирагами разных форм и глиняными фонарями-футлярами для светильников, вышедшими из употребления предметами печного припаса, фрагментами штампованных сосудов и даже кусками поливных изразцов.

Анализ материала не противоречит ранее сложившемуся мнению о связи отвала с функционированием печи Р-3. С. Б. Лунина на основании характерного комплекса керамики, полученного из печи, и найденной в отвале керамики медной монете хорезмшаха Текеша датировала раскоп концом XII — началом XIII в.[7]

В 1956 г. был получен богатый набор предметов печного припаса для этого времени, а в 1962 г. он значительно пополнился. В частности, впервые для Мерва были обнаружены почти целые так называемые «коромыслица», применявшиеся при обжиге поливных изделий, а также сипая с двойными ножками. Были извлечены две тарелки с припекшимися к донцам сипая, наглядно свидетельствующие об их назначении. Найден большой штырь, покрытый голубой глазурью и употреблявшийся, по-видимому, для помешивания глазурной шихты[8].

Для выяснения примерного соотношения изготовляемой посуды с разного цвета поливой проводился статистический учет фрагментов[9]. На слой толщиной в 3 м приходится: с зеленой поливой — 970 фрагментов, с желтой поливой — 1820, с голубой — 42, с белой — 975, с коричнево-марганцевой — 215, поливных кирпичей — 5 фрагментов.

Многообразие в формах и украшениях предметов домашней утвари заставило задуматься над тем, является ли отвал продуктом сброса одной печи Р-3 или находится на участке, который обслуживал несколько печей. Налицо факт, что с северо-западной стороны к печи Р-3 примыкает печь, очевидно, прямоугольная в плане, с круглыми отверстиями, а в 15 см к югу от отвала на поверхности С. Б. Лунина в 1962 г. обнаружила еще одну керамическую печь, круглую в плане. И, по-видимому, не одному мастеру принадлежит посуда с примитивным орнаментом в виде расплывчатых завитков и *s*-образных линий, выполненных в разной красочной палитре, и одновременно очень искусно расписанное уникальное блюдо с изображением сайгака[10].

Интересным оказался весь комплекс до того редко встречавшейся в Мерве керамики и предметов печного припаса из отвала ранней поры IX в. Шурф захватил незначительную площадь отвала в 1 м³, однако слой его оказался насыщенным керамическими бракованными изделиями, подробно описанными автором в его дипломной работе[11].

В целом раскоп Р-14 выявил следующее: 1. Площадь, которая впоследствии дважды становилась местом сброса бракованной керамики, видимо, обживалась уже в эпоху Тахиридов (821—873). 2. Гончарное производство в квартале развивается уже в IX в., по крайней мере, в районе раскопа Р-14, о чем наглядно свидетельствует шлейф отвала бракованной посуды. 3. Признаки существования гончарного производства X—XI вв. в этой части квартала пока не обнаружены. 4. Отмечается упадок гончарного производства в эпоху Хорезмшахов.

С той же целью (стратиграфического изучения отвалов) в осеннем полевом сезоне 1961 г. заложили раскоп на холме, который находится в самой северной точке квартала. Раскоп продолжали в 1962 г. Еще З. А. Альхамова, а впоследствии и С. Б. Лунина высказали предположение о связи бугра с мастерскими Р-2, находящимися в 12 м восточнее. Сначала шурф имел площадь 2×4 м. Опустившись на глубину в 1 м, обнаружили сырцовую кладку, сложенную из кирпичей в один ряд. Размеры кирпича 30×30×8 см. Стенка проходила в направлении запад-восток и делила шурф на две части.

Дальнейшее углубление производилось только в северо-восточном углу раскопа по северную сторону от кладки на площади 0,9×2 м. Пройдя культурную толщу в 4,5 м, дальнейшее вскрытие на начале X яруса прекратили, так как ниже оказался слой, лишенный антропогенных остатков. С X до VII яруса шла плотная земля с большим количеством костей животных, кусков жженых кирпичей и одиночными фрагментами безглазурной толстостенной керамики, имевшей в изломе черепка красновато-коричневый и светло-серый цвет. Слой этот связан с обживанием квартала, а четыре наиболее выразительных фрагмента керамики датируются VIII — началом IX в. Выше его перекрывает слой земли средней плотности с включением черепков битой бракованной посуды, штырей, реже сипая, т. е. связанный с гончарным производством. Мощность его определить нелегко, так как он без резких изменений переходит в вышележащий. Но здесь на помощь приходит нижний уровень сырцовой кладки, являющийся как бы границей двух периодов сложения данного отвала. Именно на этом уровне слой земли средней плотности сменяется более рыхлой землей, обильно смешанной с золой, угольками, керамическими шлаками, об-

ломками глиняной посуды, составляющей значительный процент содержимого слоя. Анализ керамики показал, что нижний слой отвала можно датировать X в., а верхний — концом X — началом XI в.

Таким образом, установлено, что мощность отвала X в. равна 0,90 м. За промежуток времени конца X — начала XI в. бугор увеличился на 1,3 м. Сверху холм был слегка засыпан землей и в таком виде сохранился до наших дней.

Из всего содержимого, полученного в результате раскопок на Р-13, наиболее интересными с точки зрения стратиграфии квартала являются шесть фрагментов неполивной керамики. Среди них два фрагмента венчиков чаш разных диаметров. Один имеет 22 см. Черепок в изломе светло-коричневого цвета, ангоб бледно-серый, тесто хорошей отмучки, обжиг нормальный. Диаметр другого равен 27 см. Его черепок в изломе беловатого цвета, тесто прекрасной отмучки и равномерного обжига, ангоб цвета черепка. Венчики слегка загнуты внутрь и почти гладкие, если не считать слегка углубленные парные ложбинки вдоль краев чаш. При всей скромности украшения сосуды отличались изяществом. Аналогичные им объекты как по форме, так и по качеству, цвету черепка и ангоба, отмечены в керамике из Гяур-калы, датируемой Е. З. Зауровой VII—VIII вв.[12] Третий обломок — от стенки сосуда, выполненного в барбатинной технике. На стенках его сохранились три налепных кружка, передающих пятилепестковые цветочки. В подобной манере украшены и шесть фрагментов керамики из Гяур-калы, относящиеся к VII—VIII вв.[13] О фрагменте сосуда с таким же видом орнаментации пишет С. Б. Лунина[14]. Он был найден в самых нижних слоях шурфа на Р-4. Крышки, украшенные таким же образом, но богаче, найдены на городище Битык Фарабского района[15]. И, наконец, имеются остатки толстостенной керамики, представляющие стенки хума и тагора, сходные с раннесредневековой посудой Мерва.

Таким образом, описанные фрагменты керамики можно датировать VIII в. и предполагать начало обживания горожанами Мерва территории квартала уже в это время. Нельзя не отметить факт, что на 20 см ниже уровня обнаружения керамики VIII в. был встречен кусок керамического шлака. Может быть, сюда он попал случайно, а, возможно, что уже в VIII в. на территории данной части рабада жители занимались изготовлением самой необходимой для хозяйства керамической посуды. С глубины IX яруса извлечен был череп животного. Сравнение с другими черепами на кафедре позвоночных животных ТашГУ привело к заключению, что это череп молодого кулана, впервые встреченный в Средней Азии для столь ранней поры. Содержимое отвала X — начала XI в. дало разнообразный керамический комплекс керамики, чего нельзя сказать о предметах печного припаса, оказавшихся по сравнению с Р-2 довольно скудными и не давшими ничего принципиально нового за исключением одного дугообразного штырька. Полученная из раскопа керамика повторяет типы и виды орнаментации образцов из мастерских Р-2, подробно описанных С. Б. Луниной[16].

Любопытным оказался факт обнаружения нескольких доньев чаш середины X в. с кольцевым поддоном, видимо, только начинающих входить в оформление сосудов. Археолог Г. В. Шишкина сообщила нам, что кольцевые поддоны в поливной керамике саманидского времени изредка встречаются и на самаркандском городище Афрасиаб. Коль-

цевые поддоны господствуют в азербайджанской поливной посуде IX—X вв. из Орен-калы[17].

При закладке шурфа на отвале Р-13 было получено большое разнообразие керамической утвари, причем особенно пополнилась коллекция с зооморфными и антропоморфными изображениями. Как и на Р-14, тут проводился учет фрагментов керамики с разного цвета поливой. На глубине II яруса было встречено 320 фрагментов с мраморовидной поливой, с зеленой — 85, 305 — с коричневым орнаментом на белом фоне, 50 — с желтым орнаментом на красном фоне.

Выводы по раскопу 13 сводятся к следующему: 1. Можно предполагать, что площадь, которую впоследствии дважды сделали местом сброса бракованной керамической продукции, впервые стала обживаться горожанами Мерва в VIII в. 2. В X в. в связи с функционированием печей Р-2 на эту площадь стали сваливать отходы керамической продукции. До начала XI в. успел накопиться слой отвала высотой около 1 м, в результате чего образовался искусственный бугор, постепенно разрастающийся в объеме. 3. Во второй половине X — начале XI в. в связи с густой застройкой квартала керамистов свободная площадь стала высоко цениться, а потому мастера решили отгородить место для отходов гончарного производства сырцовой кладкой. Это мероприятие на некоторое время обеспечило в квартале некоторую опрятность, но вскоре по мере увеличения керамического ремесла и накопления отходов мусор стали сваливать за пределы перегородки.

Самый гигантский отвал бракованной штампованной керамики расположен в 20 м южнее Р-6 и в 115 м юго-восточнее мастерской Иноятона. Он тянется с запада на восток на 70 м по основанию холма и 50 м поверху, а с севера на юг на 40—45 м по основанию и 10 м поверху. В полевом сезоне 1959 г. Е. Б. Пругер по предложению М. Е. Массона заложил на западной стороне холма раскоп 5×10 м, вытянутый в направлении север-юг. Опустившись по всей площади шурфа на 1,75 см, извлекли огромное количество многообразной изящной штампованной керамики и штампов-калыбов, с помощью которых гончары изготовляли великолепную высокохудожественную посуду, служившую предметом вывоза в другие районы и области. Произведенное вскрытие значительно пополнило представление о масштабе данного мервского производства и о достигнутом им художественном уровне. Более детальное археолого-стратиграфическое изучение данного отвала началось в осеннем полевом сезоне 1960 г. Увеличение размеров раскопа до 10×8×1,75 м позволило обратиться к решению главной задачи в части истории сложения самого отвала. С этой целью в северо-восточном углу раскопа был заложен шурф 4,5×1,2 м. После углубления до начала XII яруса из-за сильных обвалов на раскопе, а также за истечением времени работы были прекращены, а осуществленный раскоп выявил интересную картину.

В северной части шурфа слой, носящий характер отвала, прекратился на уровне около 2,5 м, т. е. в конце VI яруса (реперная точка находилась на 50 см выше современной поверхности в данном месте). В юго-восточном же углу шурфа завал продолжался до начала XII яруса включительно, причем однородного характера. Это можно объяснить только наличием в древности здесь ямы или обрыва. В северной части угла с начала XII до X яруса шла плотная земля с редким включением фрагментов керамики ишкорного типа и кусочков стек-

лянных изделий. Описываемый слой перекрывала вымостка из жженого кирпича, которая была сложена из кирпичей в два ряда разных размеров: 17×17×3 см; 23×23×4 см. Наличие разноформатных кирпичей в одном комплексе типично для памятников Мерва X—XIII вв., как и для всей Средней Азии в целом. Есть основания предполагать, что вымостка связана с какой-то постройкой X в. Над ней простирается слой в 80 см плотной земли с включением фрагментов керамики зеленой поливы, одного обломка с поливой ишкорного типа и толстостенного черепка с красновато-коричневым ангобом. Здесь также встречены кусочки алебастровой штукатурки. Этот слой вновь перекрывает вымостка, выложенная из хорошо обожженных кирпичей в один ряд, размерами 17×17×3 см; 21×20×4 см; 23×23×1 см. Вымостка находится на уровне 2, 6 м от поверхности и соответствует началу VII яруса. Очевидно, это остатки здания конца X—XI в. Выше имеется слой земли менее плотный и обильно насыщенный фрагментами глазурованной посуды с росписью, грубо подражающей такой же X в. Кроме того, встречаются куски жженых кирпичей размерами (22)×11×4 см и 22×20×4 см.

В начале VI яруса, по-видимому, надувной слой сменяется слоем, насыщенным отходами керамического производства. Об этом явно свидетельствуют линзы пепла и угольков, масса штырей и битой безглазурной керамики с процарапанным орнаментом, чередуясь в некоторых местах со скоплением обломков переобожженных ошлакованных кирпичей. Бракованная штампованная керамика главным образом сосредоточена в IV—V ярусах и встречалась в большом количестве. Керамика с зеленой и желтой поливой изредка попадалась на протяжении всех слоев, но чаще всего в юго-восточном углу раскопа. Фрагментов посуды с голубой поливой обнаружено совсем мало и только в центральной части разреза. Среди встреченного материала особое внимание привлекает обильное количество безглазурной штампованной керамики. Наряду со стилизованными растительными орнаментами и надписями благопожелательного характера встречается много фрагментов с изобразительными сюжетами. Среди зооморфных изображений имеются рыбки и большое количество птиц, то одиночных, то парных, реалистично трактованных, и фантастических. Немало сцен шествия и гона зверей. Тут и быки, и фантастические собаковидные существа, и крылатые сфинксы, и кони, и слоны. Не менее почетное место занимали и антропоморфные сюжеты[18].

Уже первый взгляд на массу фрагментов богато орнаментированной штампованной посуды, извлеченной из отвала, убеждает в бесспорной связи западного фаса холма с деятельностью мастерских Р-1 (мастер Иноятон). Очень интересным фактом в этой связи служат имена мастеров, изготовивших эти чудесные предметы домашнего обихода. Эти имена точно совпадают с теми, которые были прочтены М. Е. Массоном на аналогичных сосудах с Р-1. Им же разобрано имя некоего Алия (или Галия), который изготовлял, между прочим, и симаб-кузача[19].

Очень важным для изучения художественных и технологических приемов, употреблявшихся при изготовлении штампованной керамики мастерами древнего Мерва, явились обнаруженные в отвале штампы—калыбы, представленные почти сотней фрагментов. В числе находок из нижележащих слоев была кашиновая бусина (V ярус), а в слое между двумя вымостками — маленькая морская раковина Conus miliaris.

Результаты раскопочных работ на западном фасе холма и наблюдения за слоями позволили сделать следующие выводы:

1. На данной территории в X столетии располагались постройки не менее двух периодов обживания, из которых второй падает на конец X — начало XI в.

2. В первой половине XII в. данная местность с остатками здания уже служит свалкой бракованной керамической продукции.

3. На время работы мастерской Иноятона приходится большое количество изготовленной штампованной посуды. Продукция, снабженная штампами с его именем, встречалась от начала IV до VIII яруса в юго-восточном углу.

4. На уровне конца IV яруса в центральной части разреза преобладала керамика с именем мастера Мухаммеда Нишапури. Следовательно, он работал одновременно с Иноятоном. В эту же пору жил и творил мастер-керамист Юсуф, сын Наушахида.

Учитывая колоссальные размеры отвала Р-1, в 1961 г. решено было заложить еще один стратиграфический шурф 2×4 м на его восточном фасе. На границе самого конца VII яруса его размеры сократили до 2×2 м. Он достиг глубины 4 м и вскрыл следующую картину культурных наслоений.

Культурные слои в конце IX яруса сменила плотная земля буро-коричневого цвета без признаков антропогенности. Над ним до середины VII яруса лежал надувной желтоватый песок, почти не содержащий культурных остатков. За ним шла плотная земля, которая местами, особенно в южной стороне шурфа, начиналась с III яруса. Находки в этом слое были представлены медной монетой, встреченной в VII ярусе на глубине 20 см. Профессор М. Е. Массон определил ее как аббасидский фельс VIII в. Извлечены остатки кухонной посуды со следами копоти на стенках, древесные угольки и кости животных. Видимо, этот слой можно датировать ориентировочно концом VIII — началом IX в. Его сменяет вымостка из жженых кирпичей размерами 20×20××? см; 22×22×4 см; 24×?×? см и 25×25×2 см, расчищенная на уровне 40 см V яруса. На ее полу найдены фрагменты глазурованной посуды и один кувшин, имеющий продолговатое тулово, переходящее в постепенно расширяющуюся горловину. Дно кувшина плоское, ручка одна, полива поташная, нанесенная в виде потеков зеленого цвета по нечистому белому фону. Такие сосуды типичны для X в. Кирпичная вымостка шурфа находится почти на одном уровне с вымосткой на западном фасе холма, синхронна ей по времени и относится приблизительно ко второй половине X в.

Немного выше платформы здания, на уровне 97 см от дневной поверхности, была выявлена кладка пода небольшой керамической печи плохой сохранности. Материал, как внутри печи, так и вокруг ее, датируется концом XII—началом XIII в. Этот отвал гончарного производства менее мощный, чем на противоположном склоне. Толщина его едва достигает 1 м. Он состоял в основном из неглазурованной посуды чаще с процарапанным орнаментом и черепком серого цвета, так характерным именно для указанного времени. Комплекс керамики небогатый и хорошо известный по другим раскопам, в частности по отвалам Р-14 и Р-1. Аналогичная керамика встречалась и в самых верхних слоях раскопа, заложенном на западном фасе: извлечен один лишь штамп-калыб. Значит, бракованную штампованную керамику в этом месте бугра не сбрасывали, и он сюда попал случайно. Предметы печно-

го припаса тоже знакомы. Может быть, наиболее выразительными явились уродливые сипая. Таким образом, в целом по раскопу можно сделать следующие выводы.

1. Площадь, которую впоследствии сделали местом сброса бракованной керамической продукции, впервые стали обживать в конце VIII — начале IX в. После получения полного разреза всего отвала выяснилась ошибочность мнения о естественном всхолмлении в его основе. Как показали данные разреза и сопоставления стратиграфических шурфов, на западном и восточном фасах отвала небольшой бугор, возможно, был только в восточной его части.

2. В середине X в. территория отвала была занята жилыми постройками. На это указывают расчищенные вымостки из жженого кирпича как на западном, так и на восточном склонах холма. Люди, жившие здесь, были, по-видимому, зажиточными, о чем свидетельствуют фрагменты посуды высокого качества, алебастровая штукатурка, вымощенные кирпичами полы, а также остатки кобура-ташнау, отводящего воду из помещения.

3. На каком-то этапе, по-видимому, в середине XI в. эти постройки оказались заброшенными и впоследствии разобранными.

4. Позднее с восточной стороны была устроена керамическая печь, функционировавшая до середины XII в. и, возможно, разрушенная во время гузской смуты. Тогда сюда и начали сваливать бракованную продукцию, как это уже до того практиковалось, вдоль западного фаса отвала. Однако еще в начале XII в. сброс брака занимал площадь приблизительно 15×12 м в западной части современного семидесятиметрового отвала.

5. В конце XII — начале XIII в. размах гончарного ремесла на территории всего квартала керамистов сильно сокращается и для сброса брака продолжавших функционировать обжигательных печей куляли не испытывали недостатка в свободных местах.

6. Брак штампованной керамики найден лишь на западном конце холма отвала.

7. Археологические данные отвала Р-1 в целом позволили расширить представление об экономической жизни Мерва в пору правления султана Санджара, для времени которого керамическая продукция этого города отличалась высоким качеством и служила предметом вывоза в другие районы, о чем не упоминается в письменных источниках.

Результаты наблюдений на четырех стратиграфических шурфах, заложенных ЮТАКЭ на трех разновременных керамических отвалах в разных местах западной части мервского рабада, помогают прежде всего решить ряд вопросов по изучению истории техники местного керамического производства поры развитого средневековья IX — начала XIII в. Впервые для Мерва получены данные об инвентаре гончаров IX столетия, что дало возможность полнее проследить путь в сторону постепенного усовершенствования его за период с VII—VIII до начала XIII в. включительно. В VII—VIII вв. печной припас состоял преимущественно из керамических дисков диаметром в 22—25 см и толщиной 1,5—2 см, чуть утолщенных в середине, многочисленных круглых, смятых пальцами глиняных «лепешек», подкладывавшихся под обжигаемые сосуды, из бесформенных обожженных кусочков глины, служивших для придания устойчивости сосудам в печах. В IX в. наблюдается определенный прогресс[20]. Печной припас пополнился длинными тонкими штырями и почти миниатюрными штырьками, которые, как считает

С. Б. Лунина, возможно, уже наряду с настоящими сипая продолжают выполнять функцию треножек. Окончательно штыри и сипая оформляются в X—XI вв. В эту пору печной припас становится значительно разнообразнее. В наборе предметов печного припаса появляются дугообразные штырьки, которые, вероятно, насаживались на края чаш и выполняли роль сипая, а также коромыслица, прочно вошедшие в гончарное производство вместе с крючками только в XII в. В середине XII в. мастера пробуют снабжать сипая ножками с обеих сторон. По предположению С. Б. Луниной, их употребляли для завершения стопок посуды, когда последняя чаша ставилась вверх дном. В более ранних отвалах до сих пор также не встречались языковидные подставки. Прослеживаются и поиски гончаров более рациональных рецептов глазури. В то время как в керамике IX в. преобладает оловянно-свинцовая полива, с середины X в. мастера в основном отдают предпочтение свинцовой, отличающейся бóльшей прозрачностью.

Новыми наблюдениями над керамическим браком отвалов удалось подтвердить точку зрения С. Б. Луниной об основных моментах при обжиге поливной посуды: посуда сначала ангобировалась и покрывалась росписью, затем подвергалась предварительному обжигу и нанесению глазури, а потом снова обжигалась[21]. По данному вопросу накоплены и новые факты. Оказывается, мастерами практиковался еще и другой способ, при котором расписывали и покрывали глазурью уже обожженные сосуды, после чего их подвергали окончательному обжигу. Говорить о преобладании какого-нибудь из способов трудно. Поддержать высказанное В. И. Сарианиди предположение, будто глазурованная посуда подвергалась в основном одному обжигу без предварительного, вовсе не представляется возможным[22].

Большой интерес представляют извлеченные из отвала Р-1 многочисленные формы-калыбы. Изучение их дало возможность лучше ознакомиться с процессом изготовления штампованной керамики и с приемами ее орнаментации, что может быть использовано в современном керамическом производстве.

Вопрос, как поддерживалась в печи определенная высокая температура, очень важен при изучении средневекового гончарного производства. Судя по составу золы и угольков, мервские куляли в качестве топлива употребляли помимо колючки различные виды древесины, а также кости животных. Отшлифованные ребра животных, встречаемые в отвалах (попадались и на Р-1), применялись, видимо, при растирании красок. Между прочим, в отвале Р-13 было найдено донце сосуда с небольшим количеством красной охры.

Наблюдения показали, что брак преимущественно получался за счет пережига сосудов. Это в меньшей степени относится к штампованной керамике, поскольку ее изготовляли очень опытные мастера, но зато, будучи тонкостенной и хрупкой, она чаще разбивалась. Изучение отвалов керамического брака позволило получить новые данные по исторической топографии мервского квартала керамистов в целом и тем самым уточнить некоторые моменты в истории западной части рабада этого города. Считалось, что обживание квартала приходится на эпоху Саманидов. Результаты раскопочных работ полевого сезона 1962 г. показали, что отдельные жилые дома существовали здесь уже в конце VIII в., а в эпоху Тахиридов за западной стеной Султан-калы уже дымили обжигательные керамические печи. Об этом наглядно свидетельст-

вует шлейф отвала IX в. Одновременно продолжал функционировать, по-видимому, постепенно сокращавшийся в размерах квартал керамистов на Гяур-кале. Величина отвалов X—XI вв. и качество содержащейся в них керамики вместе с изучением печей красноречиво говорят о значительном размахе гончарного ремесла и его успехах в эпоху Саманидов.

Высоко ценя свободную площадь, мервские мастера отгородили место сброса отходов гончарных печей невысокой сырцовой стеной, руководствуясь также стремлением поддерживать чистоту в квартале. Аккуратность вообще была свойственна мервским мастерам-керамистам. При раскопках Р-1 были расчищены хум и ящик, сложенный из кирпичей и изнутри обмазанный глиняной штукатуркой, явно служивший для мусора.

О том, что в X—XI вв. в южной части квартала керамистов жили зажиточные семьи гончаров, говорят остатки жилых зданий того времени на отвале Р-1. Это соответствует указанию Истахри, что расположенную здесь в квартале «рас-ал-майдан» мечеть мусалла окружают со всех сторон здания и постройки[23].

В пору существования государства Великих Сельджуков квартал керамистов все более расширяется к югу. В северной же части обжигательные печи постепенно перестают действовать и, наконец, разрушаются.

Характерно, что качество художественной штампованной посуды в конце XII — начале XIII в. резко снижается даже несмотря на то, что керамисты использовали иногда старые штампы-калыбы своих предшественников XI—1-й половины XII в. Наблюдается огрубение изделий. Иногда ручки оказываются прилепленными прямо на изображения или одновременно употреблены верхние штампы различных сосудов, в результате чего изображения и надписи на нижней половине кувшинов оказываются оттиснутыми как бы в перевернутом виде. Низким становится качество теста самого черепка. Увеличивается производственный брак и посуда чаще выбрасывается из-за пережига или недожига. Когда мастера заново вырезают калыбы, то последние или представляют не очень удачные подражания, или отличаются примитивностью.

Не лучше обстоит дело и с глазурованной посудой, в изготовлении которой отмечается определенный упадок. Количество брака также сильно возрастает. Орнамент на поливных сосудах скудный, да к тому же растекшийся и нечеткий. Удачнее всего получалась лишь керамика с зеленой поливой и подглазурным процарапанным рисунком. Поливные изразцы не выдерживают сравнения с прекрасными образцами времени султана Санджара. К моменту монгольского завоевания размеры квартала заметно сокращаются. Гончары сбрасывают брак прямо около печей.

Исследования ЮТАКЭ показывают целесообразность изучения керамического брака, изучения керамических отвалов археологами и других республик Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Массон М. Е.* Ахангеран. Ташкент, 1953, с. 51—53.

[2] *Альхамова З. А.* Полевой отчет VIII отряда ЮТАКЭ по изучению рабада городища Старого Мерва в 1947 г. — «Труды ЮТАКЭ», т. 2. Ашхабад, 1951, с. 409.

[3] *Сарианиди В. И.* Керамические печи городищ древнего Мерва.— В кн.: Сборник студенческих работ ТашГУ, вып. 5. Ташкент, 1953, с. 57.

[4] *Лунина С. Б.* Квартал керамистов в западной части рабада Мерва. — «Изв. АН ТССР», 1959, № 4; *Ее же.* Штампованная керамика из отвала в квартале керамистов средневекового Мерва.— «Изв. АН ТССР», 1960, № 4; *Ее же.* Гончарное производство в Мерве X — начала XIII в. — «Труды ЮТАКЭ», т. 11. Ашхабад, 1962.

[5] *Пугаченкова Г. А.* К открытию мастерской керамики Мерва XII в. — «Изв. АН ТССР», 1960, № 4, с. 84—86.

[6] *Лунина С. Б.* Квартал керамистов..., с. 69.

[7] *Лунина С. Б.* Гончарное производство..., с. 394.

[8] *Бурнашева Ф. А.* Глазурная полива керамической посуды Афрасиаба X—XII вв.— В кн.: Научные работы и сообщения отделения общественных наук АН УзССР, кн. 4, 1963, с. 143.

[9] *Жукова Л. И.* Стратиграфическое изучение керамических отвалов за западной стеной средневекового Мерва, 1963. Приложение (рукопись).

[10] *Жукова Л. И.* Рисунки на керамических сосудах (Мерва). — «Памятники Туркменистана», 1968, № 5, с. 22—24.

[11] *Жукова Л. И.* Стратиграфическое изучение..., с. 9—14.

[12] *Заурова Е. З.* Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-кала Старого Мерва.— «Труды ЮТАКЭ», т. 1. Ашхабад, 1962.

[13] *Там же,* с. 212 и рис. 27.

[14] *Лунина С. Б.* Гончарное производство..., с. 227.

[15] *Оразов О.* Археолого-стратиграфическое изучение развалин Битыка близ железнодорожной станции Новый Фараб. Ашхабад, 1963, с. 34, рис. 10. [Рукопись].

[16] *Лунина С. Б., Усманова З. И.* Керамика с поселения Ногай-курган близ Ташкента.— «Труды ТашГУ им. В. И. Ленина. Новая серия», вып. 172. Ташкент, 1960, с. 229—282.

[17] *Ахмадов Г. М.* Неполивная керамика Орен-кала IX—XIII вв. — «Труды Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции. — МИА, вып. 67. М.—Л., 1959, с. 220—221.

[18] *Пугаченкова Г. А.* Мастер-керамист Мухаммед-Али Иноятон из Мерва. —; «Советская археология», 1958, № 2; Лунина С. Б. Штампованная керамика из отвала в квартале керамистов средневекового Мерва. — «Изв. АН ТССР», 1960, № 4; *Она же.* Гончарное производство..., с. 282—348.

[19] *Массон М. Е.* Средневековые мастера по штампованной безглазурной керамике Мерва.— «Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук», 1968, № 3, с. 20.

[20] *Заурова Е. З.* Указ. соч., с. 21.

[21] *Лунина С. Б.* Гончарное производство..., с. 269—273.

[22] *Сарианиди В. И.* Указ. соч., с. 57.

[23] *Жуковский В. А.* Развалины Старого Мерва. Древности Закаспийского края.— МАР, вып. 16. Спб., 1894, с. 18.

М. Е. МАССОН

КРАТКАЯ ХРОНИКА ПОЛЕВЫХ РАБОТ ЮТАКЭ за 1955—1957 гг.

Экспедиция — это многолетняя
разработка привезенного материала
Ф. Ф. Рихтгофен

1955 г.

В полевой работе участвовали следующие отряды:

I отряд (стационарный) — по раскопкам на городищах Старая и Новая Ниса. Начальник отряда археолог *Л. М. Рутковская.*

VII отряд (стационарный и маршрутный) — архитектурный. Начальник отряда кандидат архитектуры *Г. А. Пугаченкова.*

XIV отряд (стационарный и маршрутный совместно с ЛОИИМК АН СССР) — по изучению древних оседлых поселений в низовьях Мургаба и археологических памятников ранних культур Анау в подгорной полосе Копетдага. Начальник отряда кандидат исторических наук археолог *В. М. Массон.*

XIV отряд (стационарный) — по изучению Чарджоуского района. Начальник отряда археолог *Г. Е. Трапезников.*

XVIII отряд (стационарный и маршрутный в составе четырех групп) — по изучению Старого Мерва и Марыйского района. Начальник отряда профессор *М. Е. Массон.*

XXII отряд (стационарный) — по историко-этнографическому изучению племени мурчали. Начальник отряда ученый секретарь ЮТАКЭ *Д. М. Овезов.*

XXIII отряд (маршрутный) — по историко-археологическому изучению былого торгового пути Серахс — Мерв. Начальник отряда аспирант *К. Адыков.*

XXV отряд (стационарный) — по археологической разведке поселения парфянского времени Джин-депе, к северу от Байрам-Али. Начальник отряда археолог *М. С. Мерщиев.*

Каменный и бронзовый века

На вершине холма Чакмак-бейк так называемого «поселения Джейтун», к северу от Ашхабада, заложен раскоп площадью в 24 м². Культурный слой оказался равен 1,8 м, считая от современной поверхности. В нем установлены остатки трех строительных комплексов, сооруженных из глины с саманом. На полу верхнего комплекса встречена расписная керамика, кремневые пластины и отщепы. Нижний комплекс дал терракотовую головку быка. Стратиграфический раскоп 1955 г. показал, что поселение Джейтун целиком относится ко времени развитого и позднего неолита, являясь древнейшим из известных пока в Средней Азии памятником оседлых земледельцев и скотоводов.

В порядке изучения культур группы Анау проводился широкий охват ряда памятников времени бронзы. Исследовательские маршруты выявили восточный или Геоксюрский археологический комплекс культуры Намазга II — Анау II, характеризующийся широким употреблением в росписи мотива креста. Новые наблюдения позволяют ставить вопрос о выделении аналогичного «восточного» варианта как для более раннего, так и для более позднего времени на территории, включающей Геоксюр, Илганлы-депе, Яссы-депе у Душака, Алтын-депе и другие памятники.

Наиболее детально изучалось Кара-депе у Артыка, где остатки поселения родового общества отмечены на площади до 15 га. Раскопочные работы общей площадью в 825 м² произведены в ее северо-восточной и в северо-западной части. Начатый в 1952 г. Б. А. Куфтиным стратиграфический шурф доведен до материка.

Установлено, что культурные слои продолжаются значительно ниже уровня современной поверхности. В месте, где был заложен шурф, они опущены почти на 3 м и заключают археологический материал культуры Намазга I — Анау I. Общая мощь слоев этой поры равна примерно 8 м. В них кроме расписной керамики встречены пряслица, медные проколки, ориентированное на ююз детское погребение с розоватыми известняковыми бусами на шее и две терракотовые фигурки стоящих обнаженных женщин с резко выраженной стеатопигией и с татуировкой. Установлено, что крупное поселение здесь сложилось уже в эпоху Намазга I.

Вышележащие слои содержат материалы культуры Намазга II, которые позволяют выделить два комплекса. Для нижнего характерно широкое употребление полихромной керамики, для верхнего («позднего Намазга II»)—новое распространение монохромной расписной керамики с сохранением традиции геометрической орнаментации. В слоях этой культуры встречены погребения: детское ординарное, детское парное (без инвентаря с ориентацией скелетов головой на ююз), взрослое с расписной чашей.

Во втором строительном комплексе 1 раскопа расчищено десять помещений. В большинстве из них оказались вкопанные в пол небольшие краснолощенные шарообразные хумча, а к стенам примкнуты стеночки отсеков. В северо-восточной возвышенной части Кара-депе для поры «поздней Намазга II» обнаружено помещение, на полу которого расположены небольшие кубообразные постаментики, покрытые несколькими слоями черной краски и может быть связанные с культовыми действиями.

Верхний («перекрывающий») слой Кара-депе принадлежит времени культуры Намазга III. В нем на раскопе 2 установлено три строи-

тельных комплекса. Верхний почти полностью развеян выветриванием и смыт атмосферными осадками. Во втором раскопано пять помещений из сырцовых кирпичей 47×28×8 см³. Нижний в 1955 г. только начат вскрытием. К эпохе Намазга III принадлежат 25 обнаруженных погребений, опущенных ниже полов и стратиграфически оказавшихся в культурной толще Намазга II. Некоторые могильные ямы обложены и, видимо, были перекрыты сырцовыми кирпичами. Скелеты ориентированы головой на ююз (кроме одного детского). Большая часть погребений имеет могильный инвентарь в виде одного-двух керамических сосудов в ногах или около головы и бус, чаще всего пастовых, на шее и у кисти руки. В одном погребении лежала кучка каменных пастовых амулетов, в том числе скульптурное изображение птицы. В двух встречены костяные орудия и в двух других оказались медные проколки.

В слоях Намазга III на Кара-депе раскопано много расписной керамики с изображениями хищников кошачьей породы, птиц, пятнистых коров и козлов. Среди мелкой терракотовой скульптуры оказались фигурки собак, баранов, козлов, коров, женщин и одна сидящая с вытянутыми вперед ногами мужская фигурка с длинной бородой. Имеются зернотерки и большие каменные «гири» с проушинами.

Раскопки 1955 г. показали, что Кара-депе является крупным памятником времени энеолита и бронзы. Сохранение одной и той же ориентации во всех трех культурных слоях свидетельствует о некоторой этнической общности его населения за весь период Намазга I, II, III и о преемственности культур того времени, что прослеживается и на керамическом материале.

Не менее интересные данные получены ЮТАКЭ по изучению памятников «поздне-бронзового века» на территории Мургабской дельты к северу от трассы Большого Каракумского канала, где работы велись совместно с Ленинградским отделением Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Установлено наличие шести былых поселений этого времени, а именно: Тахирбай 3, Тахирбай 4, Якипер, Аучин-депе и два безымянных в 4 и в 14 км севернее колодца Тархан, которые располагались вдоль одного из некогда существовавших протоков Мургаба. Своеобразие полученного с этих памятников археологического материала позволило отнести их к особому маргианскому варианту культуры Намазга VI и датировать второй половиной II тысячелетия до н. э. Кроме того, удалось выделить комплексы раннего и позднего этапов этой культуры.

Ранний этап наметился при раскопках на Аучин-депе в 7 км восточнее колодца Тархан. В культурных слоях, достигающих здесь 1,5 м мощности, встречены фрагменты бронзовых изделий, черешковые и лавролистовые без черешка кремневые наконечники стрел и различные керамические сосуды. Отдельные формы последних сближаются с таковыми же культуры Намазга V. Полностью раскопан подпрямоугольной формы керамический горн.

Среди памятников позднего этапа этой культуры подробнее всего изучались остатки поселения Тахирбай 3, где был осуществлен раскоп на площади в 100 м² и заложен стратиграфический шурф. В верхнем слое раскопа расчищен дворик с овальной печкой типа тандыров и с примыкающими постройками. Общая мощность культурного слоя около 2 м. В мусорных отвалах обнаружены три скорченных погребения без инвентаря. В двух погребениях скелеты ориентированы головой на запад, в третьем — на север. В стратиграфическом шурфе на уровне

V яруса расчищено скорченное погребение, ориентированное головой на запад. У головы и в ногах покойного стояло шесть целых сосудов. Близ первой височной кости лежала бронзовая кольцевая подвеска. Среди прочих находок имеются бронзовые, ромбовидные, черешковые наконечники дротиков, бронзовые иглы, каменная восьмиугольная печатка, изображения козла и лука со стрелой, процарапанные на керамической утвари, фигурка идольчика из трубчатой отшлифованной кости животного. Лицо идольчика выполнено процарапанными линиями. Среди костей животных резко преобладают кости баранов.

Полученные наблюдения и археологический материал позволяют характеризовать носителей маргианского варианта культуры Намазга VI как оседлых земледельцев-скотоводов, использовавших для орошения воды Мургаба с помощью небольших арыков. Возможно, что их предки были выходцами из подгорной полосы, оставившими насиженные места в пору упадка жизни общин времени культуры Намазга V, чем, вероятно, и следует объяснить близость археологических комплексов первых оседлых земледельцев дельты Мургаба и жителей Этека (Намазга, Алтын-депе и др.). Позднее у переселившихся общин сложилась в Маргиане своя своеобразная материальная культура.

Классовое общество

В целях дальнейшей разработки проблемы раннеклассового общества на территории Южного Туркменистана было продолжено изучение поселения Яз-депе, расположенного в 35 км к с-з от Старого Мерва.

На южном бугре был осуществлен стратиграфический раскоп площадью в 100 м², доведенный до глубины 7 м, что дало возможность проконтролировать намеченную в 1954 г. последовательность культурных слоев. Верхние из них относятся к культуре Яз-депе (в дальнейшем Яз) III; VI—X ярусы принадлежат культуре Яз-II, причем остатки глинобитных строений были встречены здесь на разных уровнях. XI—XIV ярусы приходятся на слои культуры Яз-I, в которых оказались остатки жилого строения из прямоугольных кирпичей и которые лежат непосредственно на аллювиальных отложениях. Новые наблюдения, полученные на основе значительного масштаба земляных вскрытий, подтвердили основные выводы предшествующего года. Кроме того, в пределах комплекса археологического инвентаря Яз-II удалось отметить некоторые изменения в зависимости от возраста.Так, в нижних слоях венчики хумов крючкообразного профиля имеют на плечиках рельефную полосу, исчезающую на объектах из верхних слоев той же культуры. Четко подтверждена на обширном материале генетическая связь форм керамики Яз-I и Яз-II. Вместе с тем установлено, что выделение двух этапов внутри культуры Яз-I по намеченным в 1954 г. признакам не представляется возможным. Раскоп дал обильный и разнообразный археологический материал, среди которого имеются золотая серьга-подвеска и сломаный железный топор из VI яруса. Значительно пополнились комплексы керамики всех трех культур, дающие возможность ориентироваться на их прочную стратиграфическую шкалу при изучении синхронных культурных слоев и в сопредельных республиках Средней Азии.

Были продолжены раскопки основного бугра, образованного крупной кирпичной платформой свыше 6 м высотой и руинами стоявших на ней сооружений. Исследования проводились восточнее вскрытых в 1954 г. продолговатых узких помещений, видимо, хозяйственного назначения. Обнаружен очень большой для своего времени «зал» шири-

ной в 7 м при длине не менее 26 м. Вдоль восточной стены изнутри размещены четыре выступающих пилястра. К середине западной примкнут в перевязку с кладкой стены массивный полукруглый выступ с вертикальной боковой поверхностью, сохранившейся до уровня современных гребней стен. В юго-западном углу выявлена конусообразная кладка, имеющая в плане основания сектор четверти окружности радиусом в 3,5 м. Совершенно очевидно первоначальное общественное назначение раскопанного «зала», который мог быть и в культовом и во дворцовом сооружениях. При позднейшем использовании в середине были поставлены два мощных квадратных столба из сырцовых кирпичей, а северная часть «зала» оказалась разделенной поперечными стенками на небольшие помещения. В пору Яз-II здание было заброшено. На площади раскопа встречено много круглых «ядер» (диаметром до 10—12 см) из сырой плотной глины и биконических ядрышек из обожженной глины для пращи, а также бронзовые двуперые наконечники стрел двух типов: с выступающей втулкой и черешковые с шипообразно загнутыми концами. Загадочными остаются крупные, вылепленные из сырой глины кубики до 10 см в стороне. Сравнительный анализ позволяет датировать время бытования культуры Яз-I—IX — серединой VII в. до н. э., когда и была выведена огромная платформа из сырцовых кирпичей.

Изучение других древнемаргианских поселений (выявленных по линии ЮТАКЭ в количестве свыше сорока) позволило наметить некоторые контуры их исторического развития. Во второй половине II тысячелетия и в самом начале I тысячелетия до н. э. поселения земледельцев, носителей маргианского варианта культуры Намазга VI, были сосредоточены в основном в восточной части дельты Мургаба, к северу от развалин «Нового Кишмана». Для двух групп поселений более поздней культуры Яз-I установлено, что одна из них прослеживается вдоль сооруженного крупного канала, русло которого именуется теперь Гатиакар. Вторая группа, получившая название аравалидепинской, расположена западнее и связана также с выкопанным магистральным каналом, остатки которого известны теперь под именем Гуни-яб. В этот период получает более широкое распространение железо и слагаются крупные поселения, самое значительное из которых образовалось на месте Яз-депе. Возможно, что оно служило своего рода центром если не всего района дельты Мургаба, то северной его части. Весьма вероятно, что массивная яздепинская платформа из сырца являлась основанием или цитадели с дворцом, или храмовых сооружений. Магистральные каналы этого времени достигали 25—30 км. Кроме земледелия, большую роль играло скотоводство, на что указывает значительное количество обнаруженных при раскопках костей крупного рогатого скота.

В пору культуры Яз-II продолжают существовать все три установленные группы древнемаргианских поселений, причем в это время разрастается крупное поселение у Тахирбай-депе. Постепенно идет сокращение орошенных площадей. В аравалидепинской группе верхний слой большинства памятников содержит материал культуры Яз-II, а в западной части поселения самого Аравали-депе наружу проступают культурные слои Яз-I.

Тахирбай-депинская группа продолжает существовать и позднее, так как верхний слой ее поселений содержит археологический инвентарь культуры Яз-III. В 1955 г. здесь раскопано между прочим по два двухъярусных овальных керамических горна на поселении Чурнок и

Уч-депе. На последнем, как и у Яз-депе, керамические печи группируются как бы особыми «центрами» керамического производства. Материалы типа культуры Яз-III дают нижние слои городища Гяур-кала в Старом Мерве, а в его цитадели Эрк-кала встречаются отдельные объекты, близкие к комплексу Яз-II. Культурные слои Яз-III могут быть датированы V—IV вв. до н. э.

Постепенное перемещение орошаемых площадей к югу в район Байрам-Али связано с заносом русла Мургаба в его низовьях и сопровождалось созданием более сложных и крупных ирригационных сооружений, а также появлением нового центра «столицы Маргианы», Мерва. Археологические наблюдения 1955 г. подкрепляют выдвинутое ЮТАКЭ положение, что процесс сложения раннерабовладельческого общества и первичных форм государственности, связанный с развитием производительных сил (широкое распространение орудий из железа, появление более сложных ирригационных систем), на территории Маргианы имел место в IX—VIII вв. до н. э.

Развитое рабовладельческое общество

Для получения новых данных о раннем этапе развития раоовладельческого общества на городище Гяур-кала в Старом Мерве стратиграфический шурф раскопа 6 оыл расширен в верхней своей части до площади в 22 м², превращен таким образом в стратиграфический раскоп и опущен на 11 м до материка. Начатый с X яруса (поскольку в месте его заложения первые девять являются «воздушными»), он был доведен до XXXII яруса, в котором залегает песчано-глинистый слой. В XXXI ярусе встречены отдельные фрагменты керамики. В нем, как и в вышележащем, туюн чередуется с прослойками надувного песка, что характерно для установленного ЮТАКЭ слоя, отражающего запустение, которое наступило в результате жестокого подавления войсками Ахеменидов в 521 г. до н. э. восстания в Маргиане. Прослойка от какого-то протока зафиксирована в XXVIII ярусе, который приходится на антропогенный слой с признаками культурно-ирригационного наноса. Керамика, обнаруженная в нижних слоях до XXVII яруса включительно, относится к комплексу культуры Яз-III. Характерно, что в XXVI ярусе встречены продолговатые кирпичи, типичные для древнемаргианских поселений. XXV и XXIV ярусы имеют большую сельтроносность, причем во втором из них оказалась сероглиняная керамика. Красноло-щеная керамика раннеантичной поры приходится на XXIII—XXI ярусы. С XXIII по XVII ярус в шурфе выклинилась кладка из квадратного кирпича 41×41×11 см, при этом в XXII ярусе оказался раннеаршакидский халк, может быть Митридата I (171—138 г. до н. э.), а в XX (где найдено, между прочим, парфянское ядро в виде трехгранной пирамиды из обожженной глины)—плохой сохранности аршакидская драхма, по-видимому, Артабана I (128/7—123/2 г. до н. э.). XVII ярус оказался лишенным керамики. Слой среднепарфянского времени с однотипным содержанием, включая медные монетки с тамгообразным знаком в виде кольца на короткой ножке с подставкой (♀), приходится на XVI—XIV ярусы. В XIII ярусе преобладают медные парфянские монеты маргианской эмиссии позднего времени. Стены сооружений выведены из квадратных кирпичей преимущественно 43×43×10 см³, причем помещения используются на протяжении всего III и отчасти IV вв. С XII до IX яруса содержимое культурных слоев, мало отличающееся по характеру своего комплекса от таких же позднепарфянского времени, со-

провождается находками монет раннесасанидского чекана (Артешир I, Шапур II и др.).

Поскольку ЮТАКЭ в результате предварительного изучения удалось получить некоторое представление о выявленных экспедицией городах и городках парфянского времени, в 1955 г. была поставлена задача выяснить впервые, что же собою представляли поселения времени Аршакидов на территории Маргианы. С этой целью были подвергнуты археологической разведке ранее зарегистрированные ЮТАКЭ развалины Джин-депе, расположенные в 32 км по прямому направлению к северу от Мары и в 2 км к востоку от колхоза им. Ворошилова. Разведка сопровождалась археолого-топографической съемкой, при которой не было отмечено следов внешних оборонительных стен. Установлено, что поселение снабжалось водой с помощью каналов, выведенных из бокового протока Мургаба, чье овражистое русло приближается к Джин-депе с восточной стороны на расстоянии до одного километра. В функционировании самих каналов отмечено три разновременных периода. В значительной части уже засыпанная наступающим песком площадь поселения вытянута в зависимости от направления магистральных каналов с юго-востока на северо-запад. Руины построек разбросаны на территории несколько менее 2 км². В центральной части установлено скопление десяти строительных массивов в виде неоформленных бугров за исключением одного, имеющего почти квадратные очертания площадью 80×80 м². Заложенный на нем небольшой стратиграфический шурф на глубину 4,5 м прошел в толще слоев парфянского времени, а в III ярусе была встречена медная монетка Фраата IV (38/7—3/2 г. до н. э.). Мощность культурных слоев в этом месте, по-видимому, превышает 7 м.

Специальному изучению был подвергнут полузасыпанный песком участок площадью свыше 250 м², заключающий в себе двор с керамической печью и до двух десятков помещений, из которых раскопаны три, принадлежащие жилой части большого дома. Здание, к которому они относятся, сложено из сырцовых квадратных кирпичей 40×40×12 см³ и 41×41×11 см³ при толщине стен до 2 м. Самое крупное из раскопанных помещений имеет внутренние размеры 8×5 м². Стены его сохранились от уровня позднего пола на высоту до 2 м. В функционировании этой комнаты установлено три этапа, отмечаемые тремя уровнями полов (из которых каждый отстоит от другого на 25—30 см) и тремя слоями штукатурки на стенах. Наружная штукатурка обрывается на уровне верхнего позднейшего пола; вторая — доходит до среднего, а третья— опускается до уровня нижнего пола.

Стены в основном несут тонкую белую алебастровую штукатурку, но в рельефных кусках от упавшего сверху первоначального карниза сохранились следы росписи черной, красной и желтой краской. На втором полу был найден раннепарфянский бронзовый трехперый с открытой втулкой наконечник стрелы. Комната, имевшая два прохода в южной и западной стенах, явно служила парадным помещением и, возможно, выполняла функции михманханы. Примыкавшее к ней с запада почти квадратное помещение (примерно 5×5 м²) имело в западной стене своеобразно оформленную нишу шириной 85 см при глубине в 35 см с рельефным обрамлением высотой до 2 м. Рядом с этой большой парадной нишей с северной стороны от нее в стене устроена, начиная от пола, небольшая эллиптическая нишка, закопченная от многочисленных возжиганий, очевидно, жертвенного огня. Помещение,

не давшее бытового инвентаря, видимо, служило молельней, а в большой нише, обращенной на восток, вероятно, размещался домашний алтарь. Следующая расположенная рядом комната была несколько меньше по ширине, имела суфу-лежанку и явно служила жилым помещением. Весь добытый археологический материал относится по времени к среднепарфянской поре. Большой дом принадлежал, безусловно, зажиточному человеку. Расположенная у восточной стороны двора керамическая печь свидетельствует об изготовлении здесь керамической утвари.

Частично раскопанная круглая в плане керамическая печь оказалась очень крупных размеров (внутренний диаметр 5,30—5,40 м). Стенки ее, толщиной около 1,35 м, сложены из сырцовых квадратных кирпичей 40×40×12 см и сохранились до 2 м высоты от пода. Дальше они переходили уже как будто в эллиптический свод. Лежащая под выложенным из жженого кирпича подом топочная камера имела восемь радиально отходящих от него жаропроводников с тремя расположенными от края окружности к центру отверстиями в каждом. В печи устроено два прохода для ее загрузки. Вскрытие установило, что, представляя собой крупное капитальное сооружение, эта печь в последний раз использовалась не по прямому назначению. Все отверстия в поду оказались наглухо заделанными. Один из проходов замурован. Изнутри стены были покрыты поверх обожженной штукатурки тщательно выполненной новой штукатуркой. На полу оказались выведенными какие-то перебородки и лежали только немногие куски хумов и каменная зернотерка. Печь служила или хранилищем или даже жильем.

Как установлено ЮТАКЭ в 1953 г., позднепарфянские керамические печи были значительно меньших размеров и иного устройства. Новый тип открытого на Джин-тепе огромного горна одновременно мог вмещать внутри большое количество утвари и, несомненно, употреблялся в производстве, обслуживавшем рынок. Поскольку на территории поселения отмечены следы еще шести подобных крупных печей, следует допустить, что в ранне- и средне-парфянскую пору здесь было сосредоточено производство керамических изделий, рассчитанное на удовлетворение потребностей в них определенного района.

Среди собранного на территории развалин поселения у Джин-тепе археологического материала есть фрагменты бокалообразных чаш, тонкостенных сосудов из серой глины, керамической утвари, покрытой снаружи и изнутри розоватым ангобом, маленькая вылепленная руками парфянская курильница, небольшой железный трехперый черешковый наконечник стрелы раннепарфянского типа, фрагмент бронзового кольца с желтым сердоликом (?), два туловища и две головки от четырех женских почти округлых терракотовых фигурок раннеантичной поры. Не встречено остатков инвентаря II—III вв. н. э. На бугре почти квадратной формы собрано небольшое количество средневековой керамики XI—XII вв., а на остальной площади развалин подняты единичные кусочки глазурованной утвари XV столетия. Таким образом, разведка 1955 г. установила, что пора расцвета крупного поселения на месте Джин-тепе приходится на ранне-и среднепарфянскую пору существования государства Аршакидов, а хиреет оно во II—III вв., еще до наступления кризиса рабовладельческой формации.

К северо-западу от Чарджоу находится интересное городище периода рабовладельческого общества, именуемого ныне Улой-тепе. Ядром его является неправильной четырехугольной формы бугор, пло-

щадью около 3500 м², к которому с севера примыкает несколько меньших размеров трапециевидная возвышенная территория. Развалины обнесены двумя кольцами стен, дошедшими до нас в виде оплывших валов. Внутренние стены с несколько изломанным периметром окружают территорию почти в 9 га. Они имели трое ворот и кое-где сохранили остатки выступавших наружу прямоугольных башен. Почти овальный в плане более широкий вал наружной стены охватывает площадь свыше 30 га. В юго-восточной части внешнего вала находится почитаемая мусульманами могила Актам-Савори и Ходжа Хут-баба. Основной строительный кирпич городища имеет размеры 40×40×10 см³. Среди собранного на поверхности исключительно безглазурного керамического материала встречены фрагменты бокаловидных сосудов. Все отмеченные факты позволяют видеть в открытом городище своеобразный памятник рабовладельческой формации.

На Нисе осуществлены в основном разведочно-подготовительные работы к последующим раскопкам крупного масштаба. На городище Старая Ниса был расчищен в значительной своей части большой коридор (до 26 м в длину) с восточной стороны «Круглого храма». Начато вскрытие рядом расположенного помещения, причем выяснено, что в прилежащем сооружении отмечаются не менее двух строительных периодов. В первый из них функционировали помещения, от которых сохранились стены в нижних ярусах развалин. Во второй — некоторые из этих комнат внутри оказались доверху заполнены отвалами и над ними вывели кладку широкой платформы для возведения на ней нового сооружения.

На территории Новой Нисы продолжались работы у северо-восточной городской стены на месте некрополя парфянской знати. Установлено, что в районе IV и V ранее раскопанных погребальных камер задолго до их устройства существовало сооружение раннепарфянского времени, возможно, культовое. Его пахсовые стены, покрытые белой алебастровой штукатуркой, достигали 1 м толщины. В юго-восточной стороне была устроена уступчатая ниша, щипцовая стенка которой окрашена в зелено-голубой цвет, а щеки и уступы — в желтый и красный. Погребальные камеры первых веков до и после н. э. появились в тот период, когда это сооружение пришло в упадок и их стены с обеих сторон наглухо зажали раскопанную в 1955 г. нишу. Наблюдения на соседних площадях дали основание высказать предположение, что парфянские погребальные камеры были вытянуты вдоль городской стены.

Внутри цитадели городища Новая Ниса, у середины юго-западного фаса, был обнаружен фрагмент хума с выведенными на нем черной краской парфянскими письменами. Поставленная здесь разведочная раскопка установила наличие уходящего под мощную толщу средневековых наслоений продолговатого помещения, на полу которого среди обломков глиняных корчаг встречены еще три парфянские острака. Неподалеку от этого помещения оказалось второе с несколькими раздавленными хумами яйцевидной формы парфянского времени. Вновь открытые острака близки впервые открытым ЮТАКЭ в 1948 г. Поскольку тогдашняя находка была сделана на этой же территории, есть основание с большей уверенностью говорить о былом наличии здесь аналогичного Старо-Нисийскому винного хранилища при городской святыне или храме.

Для истории возникновения и развития городов Южного Туркменистана античного времени было продолжено изучение Эрк-калы в

Старом Мерве. Раскопки были сосредоточены у расположенной восточнее былых ворот так называемой «южной башни» и охватили территорию в 1440 м². Выяснено, что тут была не только одна башня и даже не просто привратное укрепление, а значительный архитектурный комплекс. В нем обнаружено свыше полутора десятков помещений, хотя вскрыто еще менее половины площади, занимаемой его руинами. Основное ядро комплекса составляют наиболее ранние помещения, сложенные из античного кирпича 40×40×10 см³, 41×41×10 см³ и 43×43×10 см³. Высота сохранившихся гребней стен, покрытых тонкой белой штукатуркой, достигает 5 м от пола, но первоначально они были значительно выше. Кое-где попались фрагменты штукатурки розового, голубого и черного цвета, употреблявшейся при декорации парадных помещений. Наряду со сравнительно узкими проходами (иногда менее 1 м ширины) налицо и более просторные проемы, как, например, обнаруженный в восточной стене пятого помещения, который имеет пролет в 3 м при высоте от пола в 3,40 м. Ширина небольших помещений (в том числе коридоров) колеблется от 1,70 до 1,90 м. Остальные вскрытые комнаты значительно шире — от 3,60 до 5,10 м. Для большинства крупных комнат размеры их площадей пока не установлены, поскольку они расчищены неполностью. Известно, что позднее в трех помещениях (№ 1, 2 и 4) площадь была сокращена за счет выведения внутри их вдоль северных стен на всю высоту мощных кладок из сырцовых кирпичей 46×44×10—12 см³, 44×41×10—15 см³ и 45×42×10 см³. Многие из них имели разнообразные крупные клейма. Всего установлено семь различных форм таких тамгообразных клейм. Наружные поверхности самих добавочных кладок были покрыты хорошей серой штукатуркой. Определенное время спустя некоторые помещения были заброшены, оказались заполненными плотным завалом и даже целиком залоЖЕННЫМИ доверху сплошной кладкой из сырцовых кирпичей размером 41×41×11 см³, 42×42×10 см³, 43×43×10 см³ и 47×44×12 см³. Такого рода забутовкой было создано основание для вышерасположенной платформы, или служившей для установки на ней машин метательной артиллерии, или, что более вероятно, предназначавшейся для возведения на ней нового не сохранившегося сооружения, которое, благодаря своему высокому расположению, выполняло функцию сторожевого наблюдательного пункта.

Для датировки различных этапов в существовании открытого ЮТАКЭ многокомнатного сооружения служат встреченные в процессе раскопки монеты поры рабовладельческого общества в количестве свыше трех десятков экземпляров. Наиболее древними из них являются халки раннепарфянского чекана, в том числе обнаруженный в плотном завале помещения № 8 хорошей сохранности халк Митридата II (123—88 гг. до н. э.) с многословной титулатурой.

A — бюст Митридата в пышной тиаре и с диадемой влево.

R — в центре идущая вправо лошадь; по четырем сторонам греческая легенда: ΒΑΣΙΔΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΜΕΙΑΛ ΟΥ ΑΡΣΑΚ[ΟΥ] ΔΙΚΑΙ ΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤ ΟΥ ΚΑΙ ΦΙΛΕΛΛΗΝ ΟΥ.

В кирпичной закладке помещений № 5, 6, 7, 8 оказалось несколько позднепарфянских монет маргианской эмиссии. В более поздних кладках и под полом одного из восточных коридоров оказались раннесасанидские медные монеты Артешира I (224—242) и Шапура I (242—272), а также выпускавшиеся в III в. н. э. местными сасанидскими правителями Мерва.

Расчистка обращенного в сторону города южного склона Эрк-калы дала возможность установить, что некогда (может быть, не в первый период после сооружения первоначальной крепости) основанием ее стены служила сложенная из хорошо заглаженной прочной пахсы (слоями до 80 см) огромная платформа. Она имела свыше 15 м высоты, считая от современного уровня поверхности. В западной стороне эта пахсовая платформа имеет наружный откос под углом в 60°, а в восточной — в 45°. С указанной высоты свыше 15 м начиналась мощная многометровая вертикальная кладка из античного типа квадратного сырцового кирпича. На ней уже высился отмеченный выше архитектурный комплекс, полы которого лежат выше пахсовой платформы почти на 9 м, а гребни сохранившихся частей стен почти на 18 м. Следовательно, мощный профиль стен Эрк-калы античной поры к востоку от ее ворот превышал 34 м и, таким образом, эта крупнейшая в Средней Азии крепость в свое время вполне могла считаться «неприступной» твердыней. Позднее в целях еще большего усиления крепости, может быть, для создания первого нижерасположенного защитного рубежа ее пахсовое основание расширили за счет выведения снаружи дополнительного многометрового «футляра». Последний был сложен в верхней и нижней части из нескольких рядов пахсы (от 45 до 65 см высоты каждого яруса). В середине он прерывается массивной кладкой из сырцовых кирпичей 40×40×10 см. Соответственно был отодвинут наружу пандус, ведший к крепостным воротам.

В процессе раскопок на Эрк-кале был сделан ряд археологических наблюдений и находок, имеющих значение не только для выяснения истории этого памятника, но также для более конкретного познания поры рабовладельческого общества в Марыйском оазисе и вообще в Южном Туркменистане. Среди находок, кроме различных бронзовых наконечников парфянских стрел, фрагментов «римского» стекла и указывающих на общение с Индией морских раковин каури (Cypraea), следует отметить остатки парфянской камышевой плетенки «буйры», куски двух видов парфянского войлока (древнейшие образцы кошм из Туркменистана), кусочки тонкой парфянской ткани розового цвета. В парфянских слоях встречены косточки урюка, персика, винограда, дыни, а также шелуха риса и других злаков, что дает возможность составить представление о некоторых былых сортах этих культурных растений. В толщах античных стен выявлены употребленные при строительстве в качестве связей балки и бревешки из арчи (Iuniperus, по-видимому, двух видов). Одна балка достигает длины 2,30 м. Все хорошо сохранилось несмотря на то, что им уже около 2000 лет.

В порядке продолжавшегося изучения исторической топографии Гяур-калы был осуществлен разведочный раскоп в южной части городища, между центром рабовладельческого Мерва и воротами Балин, на бугре, несколько изолированно возвышающемся над былой базарной площадью с восточной стороны от нее. Частичное вскрытие показало, что здесь уже в раннепарфянское время имелось, возможно, выстроенное до того относительно небольшое здание какого-то общественного назначения. В слое, лежащем на 4 м выше современного уровня прилежащей площади, встречены фрагменты изящной «красно-лаковой» керамики, куски бокалообразных сосудов и небольшая плоская овальная парфянская гемма из бледно-зеленоватого камня, на которой вырезано не совсем обычное изображение стоящей фигуры богини

победы Ники. В ее опущенной левой руке венок; в приподнятой правой — развевающиеся ленты; перед ней — звезда и какие-то знаки. На высоте несколько менее 6 м от современного уровня прилежащей площади обнаружено здание среднепарфянской поры, стены которого сложены из сырцовых кирпичей, варьирующих в размерах от 40×40×11 см³ до 45×45×11 см³. В самой кладке при разборе обнаружена медная монета Фраата IV (38/7—3/2 г. до н. э.) с изображением позади бюста царя летящего орла с лавровым венком в клюве. В заполняющем это здание культурном слое сделаны находки нескольких медных парфянских монет маргианской эмиссии, в том числе кусочки от пяти штук с явными признаками отливки, а не чекана. Среди прочих находок особенно интересны два кубика из обожженной глины (один со сторонами примерно 30×33×38 см³, другой — 30×34×53 см³, причем каждый имеет на четырех плоскостях по оттиснутому небольшой геммой античного времени изображению мужского бюста влево. Наконец, в верхнем культурном слое вскрыто возведенное на руинах нижележащих сооружений, как на своего рода платформе, небольшое здание 11×18 м², сложенное из кирпичей, варьирующих от 37×37×7 до 40×40×12 см³, но с преобладанием кирпичей 38×38×11 см³. В здании установлено наличие шести помещений. из которых одно большое, два средних, одно малое и один коридор. При небольших размерах поражает толщина стен: у наружных — до 3 м; у внутренних — до 2 м. В числе находок встречены медные раннесасанидские монеты, в том числе две Шапура I (242—272), из которых одна извлечена из кладки, а также небольшая гемма с изображением зебувидного быка и пятилучевой звездочки над ним. Особо заслуживает быть отмеченным гипсовый объект, представляющий собой отбитую кисть левой человеческой руки, у которой были слегка отставлены в стороны большой и малый пальцы. Кисть явно принадлежит изображению человека маленького роста. Она является первым документальным свидетельством, что в древнем Мерве имелись статуи.

Изучение исторической топографии Мерва привело также к постановке разведочных земляных работ у древнего кладбища, случайно открытого колхозниками в 1954 г. и подвергавшегося исследованию в течение двух сезонов по линии Института истории Академии наук Туркменской ССР. Кладбище расположено в 3,5 км к юго-западу от мавзолея султана Санджара, вне стен городской округи рабовладельческого Мерва и в пору существования последнего находилось в значительном удалении от жилой застройки не только города, но даже селений и усадеб. Осуществленный ЮТАКЭ на окраине кладбища разведочный стратиграфический раскоп четко показал на весьма длительное существование здесь некрополя с разного типа захоронениями, что привело к появлению здесь бугра. На изучавшемся ЮТАКЭ его участке установлено восемь этапов в проведении разных погребений. В нижних слоях встречены небольшие прямоугольные «помещения» или ограда» (до 12 м²) из сырцовых античных кирпичей 42×42×11 см³ и 43×43×11 см³. В одной из таких «оградок» встречен лежащим на боку хум (в=82 см, д=62 см, с двумя ручками), заполненный костями не менее как от двух человеческих скелетов. Позднее отмеченные «оградки» оказались заполненными человеческими костями настолько, что последние даже перекрывали гребни кирпичных стеночек. В V—III ярусах раскопа встречены девять позднепарфянских халков II—III вв., н. э., а в III—II — семь раннесасанидских медных монет Артешира I (224—

242), Шапура I (242—272) и других, а также один медный кушанский монетный кружок второй половины III в.

К западу от некрополя подвергнут предварительному обследованию находящийся примерно в 300 м бугор Варак-депе (по другому произношению — «Варрак»), имеющий овальную форму площадью несколько более одного гектара и возвышающийся над окружающей местностью на 5—6 м. Его территория оказалась обведенной кольцом внешней стены до 1,5 м шириной, сложенной из пахсы с переслойкой в один ряд из античного сырцового кирпича 45×45×11 см³. В северной части установлено наличие проходного проема. Отступя внутрь на 4 м обнаружена параллельно идущая более древняя и более мощная стена шириной в 3,5 м. Заложенный в центральной заниженной части бугра стратиграфический шурф выявил культурный слой мощностью несколько более 3 м. причем в V ярусе была встречена медная монета Шапура I (241—272). На территории бугра установлены остатки кладок из сырцовых кирпичей 40×40×11 см³ и 41×41×11 см³ примерно в 10 м от внутренней стены. В бедных содержимым культурных слоях встречены фрагменты жженых кирпичных плиток толщиной до 12 см и клинчатой формы жженые кирпичи; из керамики—примитивной формы небольшая курильница для благовоний, маленький кувшинчик с широким туловом и узким горлом, покрытый пачкающей красной краской, близкий к таким же из Тохаристана времени кушан. В числе найденных при археологических вскрытиях медных монет имеются две парфянские второго периода существования Аршакидского государства и две раннесасанидские III в., из которых одна упоминавшегося выше чекана Шапура I, а вторая — Артешира I. Таким образом, археологическая разведка 1955 г. установила, что Варак-депе представляет собой оригинальный памятник по времени своего существования, а, может быть, и функционально каким-то образом связанный с упомянутым выше некрополем.

По проблеме истории непосредственных производителей материальных ценностей продолжалось изучение верхних ярусов культурного слоя III в. н. э. на территории ремесленного квартала в северо-восточной части Гяур-калы неподалеку от ворот Дармушкан. Здесь проводились раскопки на дополнительной площади в 1600 м². Установлено, что ремесленный квартал представлял массив сплошной застройки, с севера примыкал почти вплотную к городской стене, а с запада его граница шла параллельно огибавшей цитадель улицы, ведущей от упомянутых ворот к центру города. На вскрытой площади квартала, застроенной без четкого расчленения на участки, размещались, по-видимому, шесть отдельных хозяйств людей среднего достатка. Каждое из них состояло из одной-двух небольших жилых комнат, рабочего помещения, склада продукции и небольшого «светового дворика» с тандыром для выпечки хлеба. Сообщение между хозяйствами и с улицами осуществлялось при помощи системы коридорообразных проходов, возможно, частично перекрытых кровлей. Стены помещений сложены из кирпичей позднепарфянского типа 42×42×10 см³, но чаще 43×43×10 см³, имеют значительную толщину (от 0,80 м до 2,00 м) и прослужили не одному поколению обитателей, на что указывают, в частности, несколько уровней полов в одном и том же помещении. Жилые комнаты небольших размеров (от 4 до 10 м²) иногда имеют пристенные суфы, сложенные из строительных кирпичей. Кроме разнообразной керамической посуды, среди которой несколько десятков целых

небольших изящных сосудов в виде кувшинчиков, баночек, ваз, встречено тяжелое бронзовое блюдо и другая бытовая утварь. К женскому инвентарю принадлежат десятки пряслиц, многочисленные разнообразные по материалу бусы, изящные резные, костяные, частично окрашенные пуговицы, различные прочие украшения. Особенно хороши массивное серебряное кольцо с окруженным позолоченным овалом бадахшанским лазуритом и ювелирная круглая бронзовая подвеска, инкрустированная по краю десятью глазками золотисто-желтого стекла и с олним таким же глазком в мастиковом окружении в середине поля. В раскопе встречены небольшие игральные кубики из слоновой кости с нанесенными на их гранях «очками» (от одного до шести с тем же расположением, как это практикуется до сих пор), терракотовые фигурки зебувидного быка, барана, козла, собаки и особенно много (37 штук) всадников на лошадях.

Среди культовой терракотовой скульптуры преобладают различные ипостаси Маргианской богини. Уникальной для Маргианы является безголовая фигурка мужчины-музыканта с лютней. Обработка поддавшихся определению в изобилии встреченных монет позволила точно датировать вскрывавшиеся здесь в 1955 г. культурные слои преимущественно III в. н. э. В XIII ярусе преобладали парфянские монеты маргианских эмиссий, а с XII яруса и выше они уступали первенство раннесасанидскому государственному чекану Артешира I (224—241), Шапура I (241—272), а также монетам местных правителей III в., в том числе наместника Хорасана Фируз-шаха, брата Шапура I.

Помещения, использовавшиеся под склад, характеризуются наличием в них особой формы крупных (высотой в 1,20 м) служивших для хранения зерна и муки специальных глиняных хумов с заовалленным дном, большим диаметром горловины (около 80 см) и почти прямыми стенками. Обычно в одном таком помещении-складе находятся 4—5 хумов и только в самом крупном из них, имеющем площадь свыше 20 м², встречено 11 хумов, стоявших вдоль трех стен. В рабочих помещениях, условно именуемых «мастерскими», также иногда встречаются одиночные хумы яйцеобразной формы с плоским дном, служившие для хранения жидкостей. Типичными для «мастерских» являются небольшие ручные жернова, в среднем диаметром 32—40 см. Всего на раскопе обнаружено около 60 штук целых, но больше фрагментированных жерновов, а также четыре каменные заготовки. Последние свидетельствуют, что окончательная обработка жерновов производилась на месте в самом Мерве, в то время как камень привозился с верховьев Мургаба. Полевые определения Ю. Б. Айзенберга показали, что материалом для жерновов служили гранит, кварцевый порфир, андезит, брекчии, разные песчаники и др. Лучшим был мелкозернистый кварцевый песчаник. Один жернов оказался керамическим. Его сделали из гончарной глины и подвергли клинкерному обжигу до полного спекания. Хотя в жерновe оказалось много пустот, но им явно пользовались, о чем свидетельствует изношенная рабочая поверхность. В некоторых случаях нижние круги каменных жерновов обнаружены in situ прочно закрепленными в полу с помощью клинчатой формы жженых кирпичей. Кроме жерновов, встречено четыре целые и фрагментированные продолговатые каменные зернотерки (для вскрывавшихся слоев III в. н. э.), являвшихся пережиточным инструментом и едва ли использовавшихся по прямому назначению.

Совокупность добытых вещевых материалов и археологических наб-

людений показывает, что ЮТАКЭ обнаружен на территории Гяур-калы первый для всего Среднего Востока квартал ремесленников-мукомолов поздней поры рабовладельческого общества.

Исследования ЮТАКЭ 1955 г. по проблеме рабовладельческого общества позволили сделать следующие выводы:

А. Полученные новые данные позволяют считать, что раннеклассовое общество на территории Маргианы сложилось, вероятно, во второй половине первой четверти — в первой половине второй четверти I тысячелетия до н. э.

Б. Наступление некоторого запустения в оазисе низовьев Мургаба в четвертой четверти VI в. до н. э. — это вероятный результат жестокого подавления Ахеменидским государством в 521 г. до н. э. народного восстания в Маргиане.

В. Получены данные, говорящие о далеко зашедшем процессе общественного развития в пору расцвета рабовладельческой формации, наличии специализированных ремесленных кварталов, широком обращении медных разменных монет (находка нескольких сотен их в руинах квартала мукомолов и в других местах как показатель оживленных торгово-денежных отношений в городах и селениях).

Г. При археолого-топографическом и стратиграфическом изучении отдельных населенных пунктов Маргианского оазиса выявлены признаки упадка и запустения в слоях, датируемых концом I в. — началом I в. н. э., причем пока не совсем ясно, то ли это разрозненные частные локальные случаи или это, рассматривая обобщенно, отражение широкого общественного явления на грани двух крупных периодов в истории Парфянского государства.

Д. Увеличилось число наблюдений в культурных наслоениях поры кризиса рабовладельческого общества, которые археологически и в развалинах городов и в руинах поселений особенно четко отмечаются с IV в. н. э. и которые характеризуются резким сокращением монетных находок, появлением примитивной работы дурно оформленных медных монет, огрублением бытовой керамической утвари. В частности, в эту пору входят в обиход тяжелые грубые тагора, толстые круглые крышки с волнистым орнаментом и ручки с лепешкообразным налепом у больших кувшинов. В числе установленных ЮТАКЭ в 1955 г. новых фактов заслуживают внимания находка на поселении у Муюн-депе — выцарапанного на венчике хума изображения несторианского типа креста и выявление применявшегося в Маргиане раннехристианского типа погребений.

Феодальное общество

По теме «Средневековые торговые караванные пути» выявлен ряд новых фактов. На проходившей через пески дороге, соединявшей Серахс с Мервом, на отрезке Серахс — Денданкан установлено большое количество промежуточных пунктов между открытыми ЮТАКЭ в прошлые годы крупными станциями, упоминаемыми в письменных арабских первоисточниках. Здесь оказались десятки развалин разновременных небольших сторожевых укреплений, рабатов, малых караван-сараев и других придорожных сооружений, причем около расположенных близ каков обнаружены котлованы былых водоемов. Некоторые из этих памятников восходят ко времени, предшествующему арабскому завоеванию, но принадлежат в основном раннефеодальной поре. Подавляющее же большинство появилось и функционировало в XI — первой половине XII в.

Таким образом, высказанное ЮТАКЭ предположение, что торговая магистраль между Мервом и Амулем в XI — первой половине XII в. была значительно оживленнее и благоустроеннее, чем в государстве Саманидов в IX—X вв., оказывается справедливым и в отношении дороги из Мерва на Серахс.

Продолжение рекогносцировки района, где мог пролегать северо-восточный отрезок средневекового торгового пути из Мерва в Амуль (Старый Чарджоу), увенчалось полным успехом. Удалось обнаружить и отождествить все станции, упомянутые в арабских географических сочинениях IX—X вв. Пункту Ал-Ахса (الاحساء موضع سكة), упоминаемому Ибн Хордадбехом (IX в.) и Кудамой (начало X в.) как место первой почтовой станции после установленного ЮТАКЭ в 1953 г. ал Мансафа, соответствуют занесенные песком развалины на площади к юго-западу от ж.-д. станции Репетек в районе современного карьера. Указываемый этими же арабскими авторами в 3 фарсахах от Ал-Ахса «колодец Османа» (بئر عثمان) был на месте развалин, именуемых теперь Ишан-рабат и находящихся примерно в 18 км севернее Репетека, где выявлено наличие целой группы развалин, состоящей из большой прямоугольной сторожевой башни, караван-сарая с позднейшей дополнительной пристройкой и других сооружений. Почтовая станция Ал-Акир (القير موضع سكة), указываемая только в тексте Кудамы примерно на середине между Ал-Ахса и Амулем, отождествляется с находящимися в песках развалинами у Караул-кудука, в 6 км по прямому направлению к с-с-в от ж.-д. станции Караул-кую. Здесь обследованы развалины крупного средневекового караван-сарая с примыкающим к нему обширным двором, а в 230 м к северо-востоку остатки другого такого же, но более старого здания с совершенно оплывшими стенами. Макдиси для конца X в. отмечает после рабата Насрак: найденного ЮТАКЭ в 1953 г. две караванные остановки до Амуля-колодец Хаммад (جب حماد) и рабат Барис (رباط بارس). Первая остановка («колодец Хаммад») отыскана в песках в 20 с лишним километрах к юго-западу от Репетека. Здесь удалось изучить относительно хорошо сохранившийся крупный караван-сарай своеобразной планировки с примыкающей площадью второго двора для верблюдов и высокой прямоугольной сторожевой башней, вынесенной в северном направлении за пределы караван-сарая. Развалинам рабата Барис, очевидно, соответствуют неплохо сохранившиеся руины одного из двух караван-сараев на территории вышеупомянутой почтовой станции Ал-Акир.

Таким образом, полностью выяснено направление большого средневекового караванного пути из Мерва на Амуль. Установлено, что кроме вышеприведенных указанных в письменных источниках пунктов вдоль трассы имеются руины и других придорожных сооружений, не упоминаемых арабскими авторами. К ним относятся, между прочим, развалины, находящиеся в песках примерно в 10 км к юго-западу от «Старого Чарджоу» и известные под названием Кельте-минар. Своим наименованием этот пункт обязан остаткам крупной минаретоподобной сторожевой башни, высящейся с расположенными рядом развалинами небольшого караван-сарая. По опросным сведениям, ЮТАКЭ стало известно наличие к юго-западу от Репетека якобы в 5—6 км от Айртам-калы развалин «Тандырлы-депе», но что они собой представляют — не выяснено, так как проводник не смог отыскать этот пункт.

Исследование придорожных памятников на указанном отрезке пока-

зало отсутствие вдоль него сколько-нибудь значительных остатков строений времени рабовладельческого общества. Едва ли они могли исчезнуть бесследно и возможно, что в античную пору еще не отысканная трасса пролегала несколько в стороне от средневекового пути.

Для выявления начала большой прямой средневековой дороги из Мерва на Хорезм был осуществлен маршрутный проезд к северу от Байрам-Али в глубь Каракумов, причем былой караванный путь удалось проследить на протяжении около ста километров. Сохранившееся в письменных источниках его описание (XIV в.) приведено у Хамдаллаха Казвини в его труде «Нузхат-ал-кулуб» и повторено компилятором XVII в. Ходжа Хальфой с искажениями и ошибками при описании отрезка пути в средней его части. Первой остановкой, расположенной в пяти фарсахах (около 30 км) от Мерва, является «селение Сафари», как установлено исследованиями ЮТАКЭ, безусловно, располагавшееся на месте средневекового городка Хурмузфарра (ныне Новый Кишман), начало захирения которого наметилось уже в X в. в связи с наступлением на него песков. Второй пункт назван ابدان كنج, наименование которого следует, по-видимому, читать не «Абдан-Гяндж», как это принято в научной литературе, а «Абдан-Киндж», т. е. «небольшая цистерна», или, что не совсем согласуется с дошедшей до нас транскрипцией — «Абдан-гундж», т. е. «наполненная цистерна». Этот пункт, указанный в двух фарсахах от Хурмузфарра, отождествляется с местом, где ЮТАКЭ в 12 км к северу от Нового Кишмана и несколько юго-восточнее «Тахирбай-депе обнаружены развалины караван-сарая XI—XII вв. Примерно в 32 км от Нового Кишмана, близ колодца Якипер, установлено наличие средневековой караванной станции, среди развалин которой оказались небольшой рабат, в 100 шагах к северо-западу от него остатки хумдана для обжига безглазурной глиняной посуды, а в 150 шагах к югу—квадратная печь. Станция располагалась на территории обширного древнемаргианского поселения. Судя по собранным на поверхности строительным жженым кирпичам и керамике, остановка эта процветала в IX—XII вв., а в XIV в. находилась в некотором запустении, почему, вероятно, она и не упомянута Хамдаллаха Казвини, хотя здесь тогда, видимо, функционировал колодец, о чем свидетельствуют одиночные фрагменты поливной посуды с надписями черными буквами на голубовато-синем фоне. В 23 км от этой станции опять на территории былого древнемаргианского поселения встречены развалины небольшого придорожного средневекового сооружения, причем около них оказалась керамика XII — начала XIII в. Удалось отыскать на окраине пустынных пастбищ и упоминаемый Хамдаллахом Казвини «рабат Суран» (سران), название которого можно читать и как «Сиуран», что значит скворец), указанный в 10 фарсахах от селения Сафари. В 60 км по прямому направлению к северу от Нового Кишмана на небольшом такыре урочища Оде-Мерген обнаружены довольно хорошо сохранившиеся развалины выведенного из сырцовых кирпичей караван-сарая XI—XII вв. Особенностью его является примкнутая к юго-восточному углу выступающая наружу круглая сторожевая башня. Развалины мелких строений имеются перед восточными воротами, а к северо-западу в 80 шагах находятся остатки кирпичеобжигательной печи. Примерно в 250 шагах к северу отмечены следы почти совершенно исчезнувшего более раннего здания. Дальше путь поворачивал в северо-восточном направлении, проходил по глухим пескам через три колодца (چاه) и первый следующий рабат Нушагирд или Нушагурд (نو شاكرد)

был уже недалеко от пределов Хорезма, в 7 фарсахах от уже опознанного средневекового Сангабада. Развалины последнего расположены на берегу Амударьи в 12 км юго-восточнее Кабаклы, а в XIV в. его отделяла от Нушагирда труднопроходимая полоса подвижных песков в 2000 шагов. Исследование выявило, что более короткий путь из Мерва на Хорезм прямо через Каракумы, по сравнению с торговыми дорогами Серахс — Мерв — Амуль — Хазарасп, был значительно менее благоустроен. Отдельно стоявшие на нем караван-сараи даже в XI—XII вв. были более скромными по своим размерам и отделке. Все это наглядно свидетельствует, что этот путь был менее оживленным в средние века, что торговые караваны пользовались им значительно реже и что он тогда, даже в условиях широкого использования верблюжьего транспорта, признавался очень трудным для передвижения по нему.

В части исторической топографии средневековых населенных пунктов получен ряд новых данных:

А. Подвергнуто изучению крупное сельское поселение необычной «двухулочной» планировки, расположенное в 10 км к северу от Старого Мерва. Археолого-топографической съемкой поднят план селения с захватом прилежащего более раннего Чиркоу-депе (дающего некоторый материал III в. н. э., а главным образом VI—VII вв., а также с показом старой ирригационной системы и разбивки полей; изготовлены архитектурные чертежи двух крупных многокомнатных жилых зданий XII в., по развалинам одного из них урочище носит наименование Якипер. Выяснена в общих чертах история селения.

Б. Практикуемым ЮТАКЭ приемом методики осуществлена археолого-топографическая съемка следующих крупных пунктов: мервских городов Хурмузфарра (Новый Кишман) и Пашан (Ку'ртлы), а также города Уштурмагак (Гала-Бурун) и большой промежуточной станции между последним и Денданканом — «Тильситана». Сделанные в процессе съемки наблюдения и собранный разнообразный археологический подъемный материал позволили разрешить ряд основных вопросов по истории сложения этих пунктов.

В. В северной части Чарджоуского оазиса подвергнут рекогносцировочному обследованию ряд городищ, предварительное изучение которых сопровождалось компасной топографической съемкой.

Г. В районе Каушут-бенда (к югу от Старого Мерва) обследована расположенная там группа памятников. Два из них (Кичик-Юлбарс-депе и Илянлы-депе) восходят к позднепарфянскому времени, причем на Кичик-Юлбарс-депе верхний культурный слой датируется IV—V вв. Три других объекта (Алим-депе, Бабаджан-депе, Юлбарс-депе) содержат материал VI—VII вв. Поскольку в районе не встречается археологических памятников позднее VII в., очевидно, замирание жизни в нем следует рассматривать как одно из последствий арабского завоевания.

Д. Предварительное рекогносцировочное обследование по маршруту от Кушки до Имам-баба позволило установить некоторые новые факты и высказать ряд соображений историко-географического порядка. Археологически подтверждается высказанное В. В. Бартольдом отождествление развалин Кала-и-Мор со средневековым Багшуром. Находящееся здесь городище с мощным культурным слоем имеет обнесенные стенами шахристан и рабад (до 1300 м в поперечнике), причем на поверхности встречается археологический материал от VIII до XIII вв. и затем XV—XVI вв. В 3 км южнее Чемен-и-бит лежат развалины значительного поселения, которые дают археологические объекты VII—начала

VIII в. и которые можно отождествить с Кейфом, в древности бывшем столицей области, а к началу XIII в. настолько захиревшем, что его даже, по-видимому, не считали городом. После монгольского завоевания пункт этот перестал существовать и на поверхности лишь кое-где изредка попадается материал XV—XVI вв. и более позднего времени. Между Кейфом и Багшуром, близ совхоза «Победа», отмечены руины крупного средневекового селения, содержащие тот же по времени материал, что и Кейф, но имеющий довольно значительный культурный слой XV в. Среди многочисленных памятников в районе Тахта-Базара (Ак-депе, Кичи-Ак-депе, Кизылы-депе и др.), несомненно составлявших средневековый округ Пяндждех, который включал селения Айган, Бахван, Хузан, Нижний Дизак и Фальхар, наиболее значительным является Улуг-депе. Это круглое (180×120 м) пятигранное столового типа депе, высотой от 20 до 27 м, представляет собой остатки укрепленной усадьбы VI—VII вв. какого-то местного феодала. По указанным Кудамой и Ибн Хордадбеком расстояниям, Улуг-депе соответствует Каср-ал Ахнаф'у, т. е. «замку Ахнафа» (قصر الاحنف), названному так по имени арабского завоевателя области Мерв-ар-руд, Ал-Ахнаф ибн Кейса, который мог избрать своей резиденцией самый укрепленный замок района, вероятно, до того принадлежавший местным правителям — килян'ам. Селение Хузан, судя по расстояниям, находилось близ Ташкепри. Средневековому Асадабаду несомненно соответствует крупное городище в 6—7 км южнее ж. д. станции Сары-Язы, а в 2 км севернее его установлено наличие развалин средневекового селения.

В связи с предложением академика В. А. Обручева подвергнуть археологическому изучению и выяснить датировку пещер у Тахта-Базара («Известия АН ТССР», 1955, № 3, с. 91) ЮТАКЭ, прежде чем приступить к детальному исследованию этих объектов, произвела предварительную их разведку. Выяснено, что по Мургабу имеется свыше полусотни таких пещер, причем посещение части из них привело к заключению, что они выкопаны для жилья людьми, может быть, не имевшими средств для постройки домов на поверхности земли. Судя по очертаниям стрельчатых арок и сводов, осмотренных в 1955 г., пещеры датируются X—XII вв. В одной из них встречена плохо сохранившаяся надпись почерком куфи.

Е. В части изучения феодального Мерва проделана специальная работа по обследованию стен города (городище Султан-кала) и его цитадели Шахрияр-арк, сопровождавшаяся обмерами, зачистками, осуществленными на восточном фасе Султан-калы разрезом и закладкой там же шурфа, впервые давшего материал по стратиграфии этого городища. Исследования 1955 г. показали, что а) много раз разрушавшиеся, ремонтировавшиеся и переделывавшиеся стены Султан-калы и Шахрияр-арка не одновременны;

б) городище Султан-кала впервые обносится стеной в XI в., может быть, при Алп-Арслане (1063—1072), поскольку в основной кладке, выполненной на пахсовом основании из сырцового кирпича 30×30×6—7 см³, самые поздние заключенные в ней археологические материалы датируются первой половиной или серединой XI в. (в том числе люстровой чашечкой раннего типа);

в) цитадель («Шахрияр-арк»), стены которой сложены в основном из кирпичей 26×26×5 см³ и 27×27×5 см³, возникла после обнесения стенами города, но не позднее начала XII в.;

г) развитие городской жизни привело в XII в. к появлению стен

северного и южного обводов, давших Мерву дополнительную площадь почти в 3 км².

По теме «Ремесленное керамическое производство феодального Мерва» в южной части городища Гяур-кала было осуществлено вскрытие двух хумданов VIII в., явившихся первыми ставшими известными керамическими печами этого времени для всей Средней Азии. Откопанные хумданы небольших размеров, круглые в плане и не совсем обычного устройства — топки прямоугольные с разделительной перегородкой. Встреченная в печах и около них бракованная керамика показывает, что в основном здесь изготовлялась гладкая безглазурная утварь (кувшины, тагора, чаши и др.). Несколько фрагментов штампованной керамики с мелким стилизованным растительным орнаментом напоминают керамическую посуду позднесасанидского времени из Западного Ирана. Вместе с тем анализ форм сосудов указывает на продолжение керамистами Мерва местных традиций. В массе их продукция первых веков после арабского завоевания имеет пористый желтовато-зеленоватый черепок и уступает по качеству керамике как предшествующего времени, так и IX—X вв. Специфическими предметами среди мелкого печного припаса являются напоминающие крышки обожженные плоские диски (диаметром до 23 см) и малооформленные «лепешки» из необожженной глины. Датировка откопанных печей подтверждена находкой в одной из них аббасидского фельса, чеканенного в Мерве в 155 г. х. (771/2 г. н. э.). Работами ЮТАКЭ установлено наличие внутри раннесредневекового шахристана у ворот Балин целого квартала керамистов VII—VIII вв., на площади которого отмечены следы аналогичных откопанным хумданам печей и больших отвалов брака.

Совершенно исключительный по научной значимости материал дали исследования несколько более позднего ремесленного керамического производства XII — начала XIII в. в западной части рабада Мерва за воротами Фируза, близ мазара Ахмеда Замчи. Здесь впервые в Средней Азии обнаружена крупная для своего времени мастерская, включающая небольшой вымощенный жженым кирпичом дворик, десять керамических печей, расположенных одна после другой, и несколько рабочих помещений. В последних встречены комья заготовленной сырой глины (керамическое сырье), фрагменты необожженных, а лишь подсушенных на воздухе сосудов, большое число орудий труда. Среди последних трехлапчатые прокладки «сипая», керамические штыры, сотни фрагментов и целых разнообразнейших штампов-калыбов (كالب) для нанесения на сырую глину орнаментов, сложных рисунков, изображений живых существ и надписей различными почерками на арабском и таджикском языках. Прямоугольные печи имеют различные размеры (от 1×1,2 м² до 2,15×3,2 м³) и в совокупности дают полное представление о своем устройстве. Самая малая предназначалась для обжига глазурованных предметов.

Не все печи функционировали одновременно: внутренность многих из них заполнена отходами производства, а входы в них со стороны помещений тщательно заложены. Огромные отвалы керамического брака свидетельствуют о длительном сроке работы мастерской, указывают на относительно большой масштаб производства и дают возможность судить о необычном разнообразии продукции. Здесь изготовлялись различных размеров и форм пиалы, чаши, блюда, кувшины, банкообразные сосуды, курильницы, светильники-чираги, фонари для них, симабкузача, разного цвета стеклянная утварь. Тут же выделывались различные

детские игрушки в виде зооморфных свистулек (птичек, птицекозлов, птицеверблюдов, драконов и других фантастических существ), а также миниатюрных чашек, тарелок, кувшинов и другой посуды. Очень много парадной и декоративной утвари, особенно штампованной, дающей совершенно необычайное обилие орнаментации и сюжетов. В числе изображений имеются разнообразные рыбы, птицы (утки, голуби, павлины, орлы и др.), животные (собаки, зайцы, лисицы, козлы, джейраны, олени, львы, слоны и др.), а также фантастические существа (грифоны, животные и птицы с человеческими головами и т. д.). Встречены носики сосудов в виде голов зверей (баранов, собак и др.); симабкузача с горлышком в виде скульптурной головы голубя; ажурный сосуд, наверщие которого представляет шею и голову петуха; крышка, изображающая человеческую голову; горлышки крупных кувшинов, с фасадной стороны и отчасти с боков скульптурно трактованные как женские лица. Антропоморфные сюжеты в открытой ЮТАКЭ мервской керамике вообще не представляют редкости. Обычно это то одиночные, то парные сидящие фигуры людей иногда с птицей, плодом, музыкальным инструментом, кубком или другим каким-либо предметом в руках. Очень многие объекты утвари представлены находками целых форм. В музейных собраниях целые предметы восточной средневековой штампованной керамики представлены единицами, как правило, лишены указаний мест своего происхождения и являются большой редкостью. В этом отношении полученный экспедицией в 1955 г. керамический комплекс из Мерва как по количеству, так и по разнообразию высокохудожественных изделий не имеет себе равных. Откопанная мастерская, безусловно, принадлежала зажиточному ремесленнику, причем в его производстве, вероятно, эксплуатировался труд не только домашних рабов, но и свободных квалифицированных мастеров. Разбор эпиграфических надписей на ряде предметов ее продукции (в основном заключающих разные благопожелания — الكمال الدوله الاقبال اليمن السعاد и т. п.) открыл имена некоторых мастеров-керамистов: Мухаммеда Али Иноятона (оттиски его штампов в нескольких вариантах встречаются особенно часто), Абу Бекра ал-Итоби, Мухаммед-бен Ахмеда и др. Время функционирования этой мастерской приходится на XII — начало XIII в., эта датировка подтверждается монетными находками. Деятельность ее прервана в связи с разгромом Мерва монголами, причем часть заготовленной продукции так и осталась необожженной. Обследование всей территории средневекового квартала керамистов в западной части рабада Мерва выявило наличие там еще нескольких мастерских, изготовлявших изящную штампованную керамику, которая, безусловно, служила предметом вывоза в другие области. Это подтверждается находками в разных пунктах (в том числе на городище Новая Ниса) керамических сосудов со штампами Мухаммеда Али Иноятона, место работы которого по находкам его калыбов устанавливается теперь археологически совершенно точно.

Этногенез туркменского народа

По проблеме этногенеза туркменского народа получен в 1955 г. некоторый новый палеоантропологический материал. Кроме упоминавшихся выше костяков из детских и взрослых погребений поры ранних культур группы Анау времени «бронзового века», в окрестностях Мерва добыто несколько костяков из раннесредневековых погребений, причем предварительная обработка части черепов выявила среди детей, женщин и муж-

чин наличие двух европеоидных типов длинноголово-мезоцефального и брахицефального.

При разборе кирпичных кладок парфянского времени на Эрк-кале в двух местах обнаружены впервые для этого времени коротко остриженные мужские волосы относительно хорошей сохранности, что представляет интерес для палеоантропологического изучения мервского населения поры существования государства Аршакидов.

В раскопе 6 на Гяур-кале в слое III в. н. э. выкопана терракотовая фигурка, изображающая мужчину с выщипанной на подбородке и окаймляющей лицо бородой, как это встречается в обиходе у туркмен до настоящего времени.

ЮТАКЭ оказывала содействие работе антропологической экспедиции кафедры антропологии Среднеазиатского государственного университета и Академии наук УзССР, занимавшейся изучением туркмен в районе Керки, Чарджоу и среднего течения Мургаба.

Наконец, продолжалось изучение в историко-этнографическом отношении племени мурчали. В процессе работы по сбору материалов в Бахарденский район выезжал специальный отряд, а из Ташкента в Мурчу был командирован фотограф, сделавший около сотни фотоснимков бытового порядка, по одежде, украшениям, шелкоткацкому производству и др. Все полученные данные позволяют утверждать, что мурчали входят в состав автохтонного населения Южного Туркменистана, тесно связанного с его древней культурой.

Некоторые новые наблюдения и отдельные установленные факты

1. Обнаружение среди развалин поселения V—VI вв. у Мунон-депе несторианского креста, процарапанного на фрагменте венчика хума, интересна и как новая находка редких для Туркменской ССР археологических христианских памятников и в сопоставлении с установленным ЮТАКЭ в 1955 г. в районе Старого Мерва нового типа древних христианских погребений.

2. Выявление планов двух древнейших для Туркменистана дворового типа мечетей IX—X вв. с расположенными рядом круглыми конусообразными минаретами. Одна из них находится на территории открытых ЮТАКЭ в 1955 г. полузасыпанных песками безымянных развалин небольшого средневекового городка в Мервской области, примерно в 4 км к северо-западу от Чильбурджа. Вторая — на городище Кельте-минара, на левом берегу Мургаба, южнее Старого Мерва. Последняя, более крупная по размерам (76×66 м^2), выведенная из сырцовых кирпичей (32×32×5,5 см^3), в XI и XII вв. несколько раз подвергалась переделкам и даже облицовывалась фигурными и резными кирпичиками.

3. Новая находка на территории Султан-калы в Старом Мерве фрагмента чаши IX—X вв. ишкорного типа поливы с нанесенным на мутно-желтоватом фоне штриховым изображением человеческого лица, а также обнаружение аналогичного типа кусков бракованной утвари ставят вопрос о, видимо, местном, а не привозном происхождении такого рода ранней расписной глазурованной керамики с изображением людей. Это тем более вероятно, что среди добытой в раскопках ЮТАКЭ на Гяур-кале и Мерве неглазурованной керамики V—VI вв. имеется выполненное этой же техникой изображение женской головки, и, таким образом, можно предполагать у здешних керамистов IX—X вв. наличие традиционной преемственности в употреблении упомянутого приема росписи.

4. Среди объектов, свидетельствующих о старинных сношениях Южного Туркменистана с Китаем и особенно с Индией, кроме находок в 1955 г. разнообразных раковин из Индийского океана, имеется также североиндийская медная монета конца XI — начала XII в. с городища Пашан чекана династии Гахарвар с нанесенным по-санскритски именем государя Мадана-Пала-Дева и изображением на A — всадника на коне вправо, а на R — лежащего быка Нанди вправо.

Найденное в помещении михманханы дворца мервского правителя на городище Абдулла-хан-кала круглого литого бронзового зеркала XIV—XV вв., на тыльной стороне которого вверху изображен Лао-Цзы на мифическом олене, а ниже персонажи популярной в Китае легенды о «восьми бессмертных» даосских гениях (Па-Сян).

Оказавшиеся среди зарегистрированного ЮТАКЭ клада монет из Центральных Каракумов, найденного у колодца Дингли, серебряные индийские рупии чекана «Великих моголов» конца XVIII — начала XIX в.

5. Отчетный год оказался удачным в смысле обнаружения новых эпиграфических памятников, представляющих в качестве подлинных письменных документов особую ценность среди прочих археологических находок. Кроме отмеченных выше остракa парфянского времени (с Эрк-калы, Гяур-калы и Новой Нисы) и более поздних пехлевийских (из Келте-Минара, Гяур-калы и некрополя под Мервом), а также оттиснутых на налепах керамического сосуда пехлевийских знаков, на городище Гяур-кала в Мерве была выкопана интересная небольшая (11×9 см при толщине 1,2 см) плоская керамическая таблетка поры арабского владычества с отверстием для продевания шнура и с нанесенным на одной стороне опытной рукой черной краской с помощью кисти изящным почерком арабским текстом:

بسم الله الرحمن
الرحيم
امام محمد
بهى

Слева от отверстия, обведенного той же черной краской, проставлен символический знак. Таблетка найдена у печи керамиста VIII в. в слое с аббасидским фельсом третьей четверти этого столетия и, вероятно, была выдана каким-нибудь шейхом новому адепту ислама в качестве оберега-тумара, заменявшего бытовавшие еще в ту пору разные языческие талисманы.

В разных глухих местах в районе к северу от Байрам-Али были отысканы четыре средневековых кирпича с арабскими надписями. Все они к моменту обнаружения не лежали на могилах и не были связаны с каким-либо объектом, почитаемым мусульманской частью населения. Наиболее ранний из них кирпич-маломерка (21×20,5×4 см³) найден на городище Пашан. Эпитафия его, выполненная куфическим почерком, упоминает некоего Ахмеда, сына Мухаммеда, и не имеет указания даты смерти. На 1955 г. это самый древний из известных на территории Южного Туркменистана средневековых мусульманских намогильных кирпичей с эпитафиями. Второй объект из Хурмузфарры представляет верхнюю половину намогильного кирпича XI—XII вв. (26×26×

×5 см³). Эпитафия выполнена почерком «цветущего» куфи и упоминает имя Абу Бекра, сына Мухаммеда, причем часть текста с датой утрачена. Третий кирпич (28,5×29×6,5 см³) из района Чурнок-депе принадлежал могиле светского лица «шахиду» Мухаммеду, т. е. погибшему во имя ислама в пору так называемой «гузской смуты» в месяце раби I 1555 г. х. (1160 г. н. э.). Отысканный в районе Шамяк-кошука четвертый кирпич, на котором вырезано имя шейха Хусейна, сына Абу-л-Аббаса, скончавшегося в месяце Зуль-када 489 г. х. (т. е. в октябре—ноябре 1096 г. н. э.), судя по орнаментации, характеру огрубленного почерка и обилию диакритических знаков, изготовлен не ранее конца XII в. или в начале XIII в. в порядке возобновления утраченного к тому времени первоначального намогильника.

Наконец, в процессе раскопок некрополя парфянской знати на городище Новая Ниса в верхних средневековых слоях встречен кусок каменной плиты XV в. с фрагментом вырезанного на ней персидского текста одного из эпикурейских стихов знаменитого поэта XII—начала XIII в. Саади, гласящего о том, как отрадно, греясь у камина, попивать виноградное вино и вкушать кебаб из охотничьей дичи в обществе красавицы. Плита предназначалась для какого-то пиршественного помещения.

6. При обследовании в Старом Мерве почитаемого мусульманами мазара якобы средневекового богатыря Ахмеда Замчи установлен следующий факт: в то время как в начале 80-х гг. прошлого столетия О. Донован видел здесь только одну могилу пехлевана Ахмеда, В. А. Жуковский в 1890 г. с удивлением отметил появление второй, приписывавшейся легендарному Мизрабшаху хорезмскому, а ЮТАКЭ фиксирует в этом чтимом месте уже три рядом расположенных намогильника: Ахмеда Замчи, Мизраб-шаха и некоего Шейх-заде Сахиб-Кырана. Никаких сведений о третьем «новоявленном» лице, обслуживающем мазар, туркмены сообщить не могли.

1956 г.

В полевой работе участвовали следующие отряды:

I отряд (стационарный) — по раскопкам на городище Старая Ниса. Начальник отряда археолог *М. С. Мерщиев.*

VII отряд (стационарный и маршрутный) — археолого-архитектурный. Начальник отряда кандидат архитектуры доцент *Г. А. Пугаченкова.*

XIV отряд (стационарный и маршрутный совместно с ЛОИИМК АН СССР) — весной по изучению памятников каменного и бронзового веков в подгорной полосе Копетдага, а осенью — по изучению древних оседлых поселений в низовьях Мургаба. Начальник отряда кандидат исторических наук археолог *В. М. Массон.*

XVI отряд (маршрутный) — по археологическому обследованию Чарджоуской области. Начальник отряда профессор *М. Е. Массон.*

XVIII отряд (стационарный и маршрутный в составе пяти групп) — по изучению Старого Мерва и его окрестностей. Начальник отряда профессор *М. Е. Массон.*

XXII отряд (стационарный) — по историко-этнографическому и историко-археологическому изучению селения Мурча и племени мур-

чали. Начальник отряда ученый секретарь ЮТАКЭ *Д. М. Овезов.*

XXIII отряд (маршрутный) — по историко-археологическому изучению средневекового пути Серахс — Мерв. Начальник отряда аспирант *К. Адыков.*

XXV отряд (стационарный) — по раскопке поселения поры рабовладельческого общества Джин-депе и северо-западу от Байрам-Али. Начальник отряда археолог *Л. М. Рутковская.*

Каменный век

Продолжалось исследование древнейшего из известных до 1956 г. памятника в Средней Азии оседлых скотоводов и земледельцев времени позднего неолита, известного под названием Джейтун и расположенного в 30 км к северу от Ашхабада. Обследование окрестностей совместно с геологом Л. Г. Добриным, проводившееся с учетом характера почвы и современного растительного покрова, выявило былой физико-географический облик района на окраине Каракумов времени обитания Джейтуна человеческим обществом неолитической поры. Тогда дельта легко прослеживаемого теперь стекавшего с Копетдага ручья была подперта севернее Овадан-депе (с остатками поселения, синхронного нижним слоям культуры Намазга I) песчаной грядой. В ней ручей при разливах проделал два русла: главное — западное и боковое — восточное. Через них сбрасывалась часть вод, стекающих затем по уклону в западном направлении, где образовывались заболачивание и высыхающие участки, которые и были использованы под посевы тогдашними обитателями Джейтуна.

На джейтунском бугре Чакмак-даш, в его северной части, был заложен дополнительный широкий раскоп верхнего культурного слоя на площади в 100 м². Он выявил остатки здания, сильно пострадавшего от позднейших пастушеских ям, и вскрыл часть дворика с находившимся посреди него глинобитным пятиугольным возвышением типа суфы. С трех сторон дворик окружали развалины жилых помещений с глинобитными стенами и полами, обмазанные глиной с саманом, что еще раз показало ошибочность прежних утверждений, будто на месте Джейтуна была лишь стоянка без прочных постоянных жилищ. Внутри помещения были заполнены или завалом от рухнувших частей стен в виде кусков глины с саманом или серым песком с кусками той же глины. В числе находок были кремневые отщепы и разные пластины, служившие также и вкладышами для серпов, которыми снимали урожай ячменя или пшеницы, чьи зерна встречались в глиняных обмазках полов. Среди керамики, выполненной вручную, качеством своего обжига не оставляющей сомнения в существовании специальных обжигательных печей, встречены археологически целые сосуды: крупный цилиндроконический с высококачественным лощением и небольшая чашечка с росписью по бортику чередующимися вертикальными и горизонтальными штрихами. Удалось окончательно доказать, что появление поздненеолитического поселения Джейтун с глинобитными постоянного характера строениями связано с началом прочной оседлости его обитателей и с новым для того периода видом хозяйственной деятельности — земледелием, возможно, уже с примитивными формами искусственного орошения.

Поскольку к той же культуре, что и Джейтун, относятся остатки поселения на расположенном к северу от Безмеина и к востоку от Геок-депе холме Чопан-депе, на котором, по данным С. А. Ершова, об-

следовавшего его в 1953 г., якобы не было глинобитных домов, а имелись остатки лишь легких каркасных построек, ЮТАКЭ был посещен и этот памятник. При изучении на нем стенок шурфа 1953 г. в верхнем культурном слое его обреза удалось обнаружить не замеченные С. А. Ершовым остатки стены высотой до 70 см при ширине 80—90 см, сложенной из продолговатых глиняных комьев с поперечным сечением около 10×18 см². Промежутки между комьями заполнены раствором глины с саманом. Этого типа кладку следует считать по времени появления предшествующей приему возведения построек из прямоугольных сырцовых кирпичей, известному уже в нижних слоях северного холма Анау. При расчистке указанного остатка стены на Чопан-депе были встречены два раздавленных хума с красновато-коричневой росписью по кремовому фону, кремневые орудия и сделанный из челюсти животного костяной вкладышевый серп, подобный серпам из нижних слоев Тепе Сиалк в Иране. Для СССР обнаружение указанного уникального чопандепинского серпа является древнейшей находкой сельскохозяйственного орудия этого типа (вторая половина V—начало IV тысячелетия до н. э.). Анализ раскрашенной керамики с Чопан-депе подтверждает принадлежность остатков этого поселения эпохально к позднеолитическим культурам но, по-видимому, к несколько более позднему времени, во всяком случае в верхних слоях, чем поселение Джейтун.

Энеолит (IV тысячелетие до н. э.)

Изучение энеолитических культур Южного Туркменистана с расписной керамикой протекало на Кара-депе у Артыка путем продолжения заложенного в 1955 г. стратиграфического раскопа I площадью в 400 м². На раскопочной площадке были убраны изученные в прошлом году стены десяти помещений яруса Кара-2, ниже которого расчищено здание Кара-3 с впускными погребениями из верхнего слоя, а также начато вскрытие нижележащей толщи Кара-4.

Здание в слое Кара-3 выведено из прямоугольных сырцовых кирпичей 47×23×10 см³—48×24×10 см³. Его планировка частично сказалась на сооружении позднее здания в слое Кара-2, центральное помещение, хранилище которого почти полностью повторяет контур такого же помещения в слое Кара-3. В юго-западной части вскрыт дворик с выходящими на него наружными стенами толщиной от 0,6 до 1,0 м. Внутренние стены здания имеют около 30 см толщины. В дверных проемах обнаружены каменные дверные подпятки. В комнатах встречены зернотерки, хумча, разнообразная керамика, но в ограниченном количестве. Наблюдения свидетельствуют, что из дома было взято все, что могло пригодиться в хозяйстве.

Расписная керамика Кара-3 в основном монохромная, что характерно для поздней культуры Намазга II-б. Вместе с тем полихромной росписи здесь больше, чем в верхнем слое Кара-2, но значительно меньше, чем в нижележащем слое Кара-4, где она широко распространена, как это типично для ранних слоев культуры Намазга II-а. В здании Кара-3 расписная керамика представлена несколькими типами чаш и реже — горшкообразными сосудами с невысокой шейкой. Роспись производилась черной и темно-коричневой красками по желто-розовому или зеленовато-белому фону и носила преимущественно геометрический характер. Особенно распространенными элементами ее являются заполненные прямыми и волнистыми линиями треугольники и прямо-

угольники, а также две параллельные линии, соединенные прямыми или зигзагообразными черточками. Иногда встречается схематическое изображение козлов, но в меньшем количестве, чем в слое Кара-2. Попадается нерасписная краснолощенная керамика в виде шарообразных сосудов с прямым венчиком, биконических кубков, мисок с ребристым изломом стенок ниже венчика.

Исследования 1956 г. показали, насколько значительны памятники раннеанауского типа, находящиеся к востоку от города Теджена — к югу от ж. д. станции Геоксюр и открывающие широкие перспективы для изучения энеолитических поселений Южного Туркменистана. Расположенные теперь вне зоны современного земледелия и питавшиеся некогда водой одного из притоков древней дельты Теджена, они представляли в свое время небольшой оазис, центром которого, видимо, явилось большое поселение на месте теперешнего холма Геоксюр-депе (Геоксюр 1) площадью около 10 га при небольшой высоте около 10 м. Прочие памятники (Геоксюр 2—7) значительно меньше и даже наиболее крупные из них (Геоксюр 5 и Геоксюр 7) не превышают одного—полутора гектар. Почти все эти мелкие поселения в верхнем культурном слое содержат материал, относящийся к поздней поре культуры Намазга I, после каковой они прекращают свое существование. Расписная керамика их по сравнению с таковой же из районов Анау и Намазга имеет в орнаментации ряд локальных черт. В частности, характерной особенностью является роспись параллельными линиями вдоль венчиков сосудов. Наиболее богатый подъемный материал собран на Ялангач-депе (Геоксюр 3), где найдены терракотовые статуэтки, кремневые орудия (в том числе пилка, наконечник стрелы), бусы и др.

В 1956 г. раскопочные работы были сосредоточены на главном поселении Геоксюр 1, в юго-западной части которого был заложен широкий раскоп на площади в 580 м² для выявления жилых домов и возможного выяснения планировки селения. Раскопочная площадка охватила остатки трех многокомнатных жилых домов, отделённых друг от друга неширокими проходами — «улочками» (от 1 до 2 м), одна из которых проходит в центре раскопа с северо-востока на юго-запад, а две другие — поперечные, отходят от нее под прямыми углами, впервые открывая элементы планировки селения времени культуры Намазга II.

Все откопанные сооружения были построены из сырцовых продолговатых кирпичей 43×23×10 см³—43×24×12 см³. Из трех жилых домов наиболее изученным к концу работ оказался дом, обозначенный шифром «А». Композицию его планировки как бы определял соединенный проходом с «улочкой» двор, обстроенный несколькими помещениями, из которых раскопано 14. Многие более крупные помещения имели довольно высокие пороги. В одной из двух небольших комнат, выведенных в пределах дворика, судя по наличию в ней очагов и по сделанным находкам, размещалась кухня. На полу одного продолговатого помещения в западной части дома встречено в большом количестве зерно пшеницы, что дало основание считать комнату зернохранилищем. В противоположном углу дома, видимо, размещалась мастерская по изготовлению керамической утвари. Здесь в одном из помещений оказались в большом количестве обгорелые и ошлакованные кирпичи, а также керамические шлаки.

В числе археологических находок наиболее яркую группу дала

расписная керамика своеобразного геоксюрского варианта культуры Намазга II. Вместе с тем крестообразные фигуры, вариации их частей, пиловидные линии, перемежающиеся с сетчатозаштрихованными фигурами целым рядом своих мотивов и элементов напоминают геометрическую роспись керамики культуры Намазга III. Кроме предметов расписной керамики, встречены фрагменты гладкой, часто лощенной красной и серой посуды.

Среди мотивов росписи наибольший интерес представляют впервые обнаруженные в комплексе полихромной керамики геометризованные изображения двух типов козлов и каких-то фантастических существ (может быть, в действительности собак) с показанными en face головами. Последние изображения помещались также на бедрах женских керамических статуэток.

Глиняные фигурки женщин, найденные в довольно большом количестве, изображают их обычно в сидячей позе с короткими руками. Местной особенностью является загиб вперед кончиков ног у некоторых статуэток. Раскоп дал, кроме того, заслуживающие упоминания: медную иглу, головки булавок, каменные и керамические пряслица, а также фрагменты каменных сосудов, в том числе с гофрированными стенками. Весь раскопанный в 1956 г. комплекс археологических объектов Геоксюр-депе можно отнести к концу IV тысячелетия до н. э. и, может быть, частично с захватом начала III тысячелетия до н. э.

Бронзовый век

Для поры раннебронзового века (культура Намазга III) получены интересные данные в результате обнаружения в стратиграфическом раскопе на Кара-депе близ Артыка могильника, относящегося к ярусу Кара-2. Оно заключало погребения, в основном опущенные в культурный слой Кара-3, и дало на вскрывающейся площади 29 захоронений. Покойника опускали в могильную яму, обложенную сырцовыми строительными кирпичами и ими же перекрывавшуюся, но поставленными косо. На дне могильных ям отмечено наличие следов подстилки в виде истлевшей буйры. Труп укладывался в скорченном положении, в основном на правом боку, с ориентацией головой на юго-юго-запад, с редкими колебаниями от юга до юго-запада. Лишь одно погребение было обращено головой на запад. Одна рука вытянута вдоль туловища, вторая согнута в локте под прямым углом или поднесена кистью к подбородку. В некоторых погребениях сохранились следы посыпания трупа красной краской. Инвентарь могильный почти отсутствует. У одной трети погребенных встречены бусы. В одной женской могиле их оказалось особенно много, а всего в общей сложности на шее и на руках имелось около 800 бусинок. Большинство бус заготовлено из гипса, но встречаются также из лазурита, сердолика, халцедона, белого мраморовидного камня и др.

Еще более существенные результаты дал широкий раскоп 3, в юго-восточной части Кара-депе, охвативший площадь в 600 м² верхнего слоя поселения, относящегося к той же поре раннебронзового века культуры Намазга III и датирующегося III тысячелетием до н. э. Здесь обнаружены остатки трех многокомнатных домов А, Б, В, выстроенных из продолговатых сырцовых кирпичей 45×24×10 см³. Дом А в восточной части раскопанной площадки имел три или четыре довольно крупные комнаты, в двух из которых оказались заглубленные в пол очаги. Вдоль этих комнат располагалось 12 небольших помещений, частично, очевидно, служивших хранилищами. В одном из них найдено 14 целых

расписных керамических сосудов, три женские статуэтки из необожженной глины и одна из обожженной. Все эти помещения расположены вдоль коридора или прохода шириной от 0,7 до 0,9 м, отделяющего дом А от дома Б. В последнем центральная часть занята световым двориком с суфой, к которому с юго-запада примыкают две жилые комнаты и два помещения-хранилища. В северо-восточной части дворика устроено было два позднее появившихся помещения, а далее в том же направлении раскопаны две жилые комнаты, одна из которых с очагом. Дом Б отделен от дома В глухой стеной от 1,2 до 1,5 м толщиной, которая выведена параллельно упомянутому выше коридорообразному проходу, что намекает на взаимную планировочную зависимость зданий. В доме В раскопано шесть крупных для своего времени жилых комнат.

При углублении ниже уровня полов на третьей раскопочной площадке были встречены погребения с керамикой яруса Кара-1. Погребение с аналогичной керамикой было обнаружено и выше уровня полов, относясь ко времени запустения вскрытых домов, когда часть помещений использовалась обитателями как места для свалки мусора, содержащего археологические материалы типа Кара-1. Таким образом, три раскопанных дома, синхронные культуре Намазга III, могут быть датированы первой половиной III тысячелетия до н. э.

Среди разнообразного найденного здесь археологического инвентаря, заключающего в себе кроме керамической утвари каменные сосуды, зернотерки, каменные «гири» и другие объекты, особый интерес представляли глиняные статуэтки животных и людей. Уникальной является примитивная мужская голова переднеазиатского профиля, с горбатым носом и удлиненными миндалевидными глазами, у которой темно-коричневой краской подведены брови и намечен головной убор типа тюбетейки. Вторая также уникальная ближневосточного типа мужская голова, выполненная более художественно, имеет удлиненные миндалевидные глаза, узкую бородку, на голове шлем с наушниками и спускающимся от его макушки жгутом. Найденные в относительно большом количестве статуэтки сидящих женщин представлены двумя типами. Один из них включает фигурки, лишенные головы, рук и груди. Второй объединяет статуэтки с прямыми плечами, коническими грудями, опущенными вниз укороченными руками, головами птицевидной формы. Совершенно исключительной находкой, первой для культур анауского круга, является находка фрагмента с изображением двух человеческих фигур, обращенных лицами к находящейся между ними женской фигуре, идентичной статуэткам второго типа. Композиция передает ритуальную сцену поклонения женскому божеству.

Раскоп 4 площадью в 100 м² был заложен в юго-восточной части поселения Кара-депе с целью выявить максимальные пределы возможного вскрытия зданий верхнего слоя Кара-1. Выяснилось, что остатки стен сохранились здесь на высоту от 1 до 1,2 м и таким образом вполне целесообразно в ближайшие годы расширить вскрываемую площадь, соединив раскопы 3 и 4. В раскопе 4, давшем характерный археологический материал культуры Намазга III, сделана еще одна уникальная находка в виде скульптурного изображения быка длиной в 13 см, изваянного из белого мраморовидного камня.

Осуществленные на Геоксюре и Кара-депе в 1956 г. работы новыми конкретными материалами свидетельствуют о наличии культурно-исторических связей местных южнотуркменистанских племен с Месопотамией (головка с Кара-депе), Южным Ираном и Белуджистаном изо-

бражения «длинных коров» на расписной керамике с Кара-депе и близкие им изображения Мусиона и Кулли). Находка каменной скульптуры быка как бы вводит Южный Туркменистан в широкий круг ближневосточных стран от Индии до Крита, в которых культ быка занимал важное место в идеологических представлениях. Вместе с тем вскрытие широкими площадями значительных участков поселений IV—III тысячелетий до н. э. на данном этапе изучения позволяет считать, что на Геоксюре и Кара-депе население жило в крупных многокомнатных домах, видимо, являвшихся местом обитания больших патриархальных семей, составлявших основную хозяйственную единицу общества, должно быть, уже с конца энеолита.

В части изучения памятников поздней поры «бронзового века» в осеннем сезоне была осуществлена маршрутная разведка развалин нескольких поселений этого времени в районе древней дельты Мургаба к северу от Байрам-Али, причем в 7 км к востоку от колодца Тархан на урочище Аучин был обнаружен могильник поры Маргианского варианта культуры Намазга VI (середина II—начало I тысячелетия до н. э.). Вскрытое здесь скорченное погребение, ориентированное головой на северо-северо-запад, сопровождалось значительным для своей эпохи могильным инвентарем: 14 керамических сосудов, среди которых были чаши на высокой ножке; бронзовый круглого сечения несомкнутый браслет, бронзовые ушные подвески; биконические пряслица из белого камня; гипсовая восьмиконечная звезда-подвеска; свыше полусотни разных форм мелких, изящных бусинок из гипса, сердолика, голубой и зеленоватой бирюзы, лазурита, мелких речных галечек неценных пород; двух ракушек и, наконец, уникальная круглая небольшая (д= =12 мм при толщине в 6 мм), двусторонняя подвесная, вырезанная из красного яшмовидного камня печать. На одной стороне последней помещен геометрический орнамент, на другой — изображение извивающейся как бы с приподнятой головой ядовитой змеи, может быть, кобры (Naja), до сих пор водящейся в этом районе и вместе с другими ядовитыми змеями наносящей ущерб животноводству. Две использованные в качестве бусинок небольшие ракушки полуяйцевидной формы, утратившие первоначальную окраску от длительного пребывания в земле, принадлежат семейству «лунок» (Neritidae), одной из разновидностей рода Theodoxus, водящихся в Аральском море, в дельте Амударьи, а, возможно, встречавшихся и в Мургабе. Во всяком случае, на украшение употреблены ракушки местных моллюсков, тогда как по наблюдениям ЮТАКЭ привозные раковины (в частности из Индийского океана) получают широкое распространение в Южном Туркменистане уже в пору рабовладельческого общества, хотя отдельные экземпляры каури попадаются в некотором количестве в культурных слоях более раннего времени. Поскольку погребение поры культуры Намазга VI, как установлено ЮТАКЭ, чаще всего содержит очень бедный могильный инвентарь, обычно в виде двух-трех глиняных сосудов, то раскопанная в 1956 г. мужская могила, вероятно, связана с лицом, занимавшим видное место в тогдашнем обществе.

Раннеклассовое общество

В целях углубленной разработки проблемы раннеклассового общества на территории Южного Туркменистана в осеннем сезоне 1956 г. продолжалось изучение поселения Яз-депе, находящегося в 35 км к северо-западу от Старого Мерва.

С объекта при помощи грузовой машины была удалена отработанная в 1955 г. земля с раскопа 2, где было обнаружено какое-то монументальное здание, завершенное вскрытием в общих чертах за отчетный год, причем четко выявились два периода в его существовании. В первом из них непосредственно на мощной кирпичной платформе было выведено из такого же строительного материала ориентированное параллельно прилежащему фасу последней значительное сооружение площадью около 1,200 м². В него входили большой продолговатый зал и ряд параллельных коридорообразных помещений, разделенных узкими проходами. Эти помещения примыкали непосредственно к расположенному с северной стороны двору. Во второй период двор застраивается, причем стены новых построек кладутся с уровня на 0,5 м выше прежнего; закладываются, возможно, без возведения второго этажа коридорообразные помещения, имевшие с залом общую стену, а зал, как это установлено еще работами ЮТАКЭ 1955 г., подвергается некоторым переделкам и, очевидно, используется по иному назначению. Археологический материал, связанный с культурными слоями упомянутого второго периода, содержит заметно бо́льшее количество керамики, сделанной на гончарном круге, и заключает много форм сосудов, типичных для комплекса Яз-II.

Разведочный раскоп 5, заложенный в северной части платформы, показал, что здесь культурный слой, также относящийся к поре бытования археологического комплекса Яз-II, достигает мощности всего 0,4—0,5 м. Наблюдения установили, что здесь (в отличие от южной площади платформы) имелись лишь небольшие постройки с тонкими стенками из сырцового кирпича.

Поскольку вопрос о назначении основной платформы, которая могла принадлежать как дворцу, так крепости или храму, имеет большое значение, а опыт изучения ЮТАКЭ Эрк-калы в Старом Мерве не оставляет сомнения, что из-за смыва на протяжении многих сотен лет нельзя рассчитывать на обнаружение ее наружных граней, начальник ЮТАКЭ предложил использовать выдвинутый им прием частичных зачисток вдоль западного и северного склонов бугра платформы швов кладок на разных уровнях в одной плоскости с опусканием бороздок до основания, с которого начиналось выведение платформы. В результате удалось наметить наружный край платформы, вдоль которого отмечается регулярная кладка из нескольких рядов целого кирпича, после чего, отступая внутрь, идет забутовка из кусков битого кирпича, земли и всякого хлама. Одновременно было установлено, что линии северного и западного фасов платформы расположены под прямым углом. Это в связи с наблюдениями микрорельефа по восточному и южному фасам позволяет предполагать наличие регулярного плана всей платформы, въезд на которую располагался с восточной стороны. Площадь платформы определяется примерно в 1 га.

Работы 1956 г. завершили предварительное изучение ЮТАКЭ поселения Яз-депе. Основные выводы по истории этого памятника свелись к следующему. Платформа из сырцового кирпича на всей площади в 1 га была возведена на высоту около 9 м над окружающей местностью в пору Яз-I, по-видимому, в VIII в. до н. э. Выведенное одновременно монументальное здание в ее южной части продолжало функционировать в пору конца культуры Яз-I — начала Яз-II, когда в нем произвели значительные переделки. В пору Яз-II и Яз-III (VI—IV вв. до н. э.) жизнь на платформе замирала, хотя примыкающее к ней

поселение продолжало существовать. Рассчитывать на обнаружение остатков оборонительных стен платформы нет достаточных оснований. Объект по своей важности должен быть подвергнут в целом дальнейшему тщательному многолетнему изучению.

Развитое рабовладельческое общество

В соответствии с «Положением об ЮТАКЭ» особое внимание уделялось проблеме развитого рабовладельческого общества.

Обследование Серахского района, сопровождавшееся между прочим обнаружением в 15 км к северо-востоку-востоку от Серахса у развалин обширного средневекового селения более древнего тепе античной поры прямоугольного плана с въездом у северо-восточного угла и значительным культурным слоем (от 6 до 8 м мощностью), дало интересный керамический материал времени развитого рабовладения. Хотя в местной керамической утвари указанной поры отмечается известная общность профилей и форм с встречающимися одновременными комплексами Нисийской и Маргианской областях, в ней имеются и свои характерные локальные особенности: фактура черепка, в основном ярко-ржавого цвета, орнаментация сосудов мелким рифлением, прямые бортики закраин, применение тонкого налепного жгутика у краев чаши и горловин кувшинов с легкой насечной орнаментацией. Наблюдения 1956 г. над достаточно обширным керамическим материалом позволили сделать вывод, что в пору развитого рабовладельческого общества Серахс представлял особую историко-культурную провинцию Парфии со своим специфическим обликом материальной культуры.

Работы на городище Старая Ниса заключались частично в копировании некоторых хумхан путем полузасыпки их отработанной землей, в дополнительных контрольных вскрытиях на ранее раскапывавшихся площадях и в планомерном продолжении исследований на северном и южном архитектурных комплексах. В южном было завершено вскрытие помещения, примыкающего к восточной стороне северного фаса круглого храма и имеющего размеры 7×5,5 м². Установлено, что во всех четырех стенах этого помещения первоначально были устроены дверные проемы, впоследствии оказавшиеся частично заложенными. Как показал шурф, осуществленный в полу у северного угла, кладка стен начата была на культурном слое. В нижних ярусах у пола встречены куски алебастра, лекальные жженые кирпичи от стволов колонн, терракотовые частично окрашенные акантовые листья. По-видимому, это остатки декоративного убранства интерьера круглого храма, с которым раскопанное помещение соединялось идущим под углом в юго-западном направлении проходом. Лежавшая на полу толща в 2,5 м представляла собой типичный натечнонадувной слой с четко выраженной слоистостью и со включением обломков строительных материалов.

Продолжение раскопок двух соседних коридоров показало, что они идут параллельно вдоль восточного фаса «круглого храма», соединяются между собой проходом, были отстроены одновременно и имели сводчатые перекрытия. Наблюдением установлено два периода в их существовании, причем во втором из них, в восточном коридоре, вдоль стен с обеих сторон были выведены почти на высоту 2 м кирпичные кладки с узким проходом в середине. Характер завала коридоров свидетельствовал о том, что запустение началось, видимо, с конца существования Парфянского государства.

В северном архитектурном комплексе раскопки продолжались и

югу от «Большого квадратного дома», где были вскрыты два крупных помещения, непосредственно прилегающие к комнатам XX и XXI упомянутого здания. Западное, меньшее по размерам, имеет площадь 14×6 м², восточное — 16,5×6 м². По оси в первом из них размещены три каменные базы от колонн, на которых покоилось перекрытие, во втором — четыре. Вдоль стен в обоих помещениях устроены сплошные оштукатуренные суфы из сырцового кирпича шириной в 1,8 м при высоте от пола в 0,6 м. Нет никаких сомнений, что напоминающие своим обликом основные комнаты-хранилища «Большого квадратного дома», где были найдены ритоны из слоновой кости, вновь открытые и явно позднее возведенные помещения выполняли функции добавочных кладовых. Среди сделанных в них находок следует отметить следующие: фрагмент сосуда, выточенного из прекрасного прозрачного горного хрусталя; бронзовая ножка в виде фигуры орла с распростертыми крыльями; бронзовая пластинка с изображением сцены борьбы попарно четырех фигур. Слева две нападающие друг на друга мужские фигуры, из которых одна вооружена копьем и круглым щитом, а вторая — коротким мечом и большим овальным щитом. Справа — всадник на скачущем влево коне с занесенным для удара копьем, нападающий на отступающего от него пехотинца. Особый интерес представляют находки серебряных монет Понта (Амизос) III в. до н. э. с изображением на Ах головы богини в короне муралис вправо, а на Rx — совы; справа — AI; слева ГУ; внизу — ΠΕΙ... и скифатной согдийской монетки конца III — начала II в. до н. э., чеканенной в подражание монетам или Селевкидов или Евтидема I греко-бактрийского с изображением на Ах бюста государя в диадеме без бороды вправо, а на Rx — голова лошади. Этими находками фиксируется второй случай обнаружения на территории Южного Туркменистана драхм Понта и первый случай открытия скифатных монет согдийского чекана.

На территории винного парфянского склада Старой Нисы в результате заложения разведочного раскопа (6×8 м²) было установлено, что между «Большим квадратным домом» и хумханами 1 и 2 никакой застройки не было. Здесь обнаружены три остракона, два из которых многострочны, отличаются от большинства других отсутствием цифр года и, судя по полевому определению, содержание их заключает какую-то учетную запись количества хумов с вином. Остатков каких-либо стен не обнаружено и непосредственно к северу от остальных хумхан. Разборка в последних оставшихся там от раскопочных работ предшествующих лет перемычек и пандусов привела к обнаружению трех десятков новых парфянских документов, связанных с натуральными храмовыми взносами вином с различных виноградников. Эта находка пополнила открытое ЮТАКЭ значительное собрание парфянских остраконов, являющих собой первые подлинные парфянские документы, найденные на территории коренных земель Парфии, и самые ранние памятники письменности, обнаруженные в пределах советских республик Средней Азии, не считая единичных гемм.

В Древнем Мерве на территории былой Антиохии Маргианской продолжались начатые в 1955 г. работы по изучению крупного сооружения у южной стены Эрк-калы несколько восточнее былых крепостных ворот, где предыдущими раскопками уже было установлено наличие 17 помещений, часть которых относилась к поре рабовладельческого общества и была возведена на мощной платформе свыше 15 м высотой. В 1956 г. удалось окончательно рассеять прежние представ-

ления о нахождении здесь мнимой «крепостной башни». Обнаружение к северу от границы раскопа 1955 г. остатков еще семи помещений позволяет говорить о былом наличии здесь крупного гражданского сооружения парфянского времени, вернее всего замка с правильной прямоугольной планировкой. Вскрытая же часть его занимает площадь свыше 600 м², причем удалось установить, ,что внутренняя высота помещений первого этажа от пола до потолка превышала 6 м. Стены большинства обнаруженных комнат покрыты тонкослойной белой алебастровой штукатуркой. Некоторые помещения напоминают коридоры, так как при большой длине (помещение XIX—11,40 м, помещение XXI—12,20 м) имеют относительно небольшую ширину около 2 м. Примером нормальной комнаты может служить XVII северо-восточной части замка. Она имеет около 6 м длины, 4,70 м ширины, а площадь ее, учитывая угловой выступ, равняется 27 м². В XXII помещении (9×3,10 м²) по восточному фасу обнаружена лестница, ведущая с юга на север под углом 35° на крышу или на второй этаж, ширина ее 0,42 м, высота ступеней в среднем—около 25—30 см. На стене, вдоль которой сложена эта лестница, поверх былой алебастровой штукатурки наложена серая в виде панели. Замок явно несколько раз подвергался переделке. Основные первоначальные стены имеют ширину около 0,8 м. Позднее вдоль некоторых из них появились закладки из более крупного кирпича. Препарировка кладок с расчисткой швов и наблюдение за разбираемыми закладками первоначальных помещений первого этажа позволили выявить в основном среди позднеантичных сырцовых кирпичей свыше 20 различных клейм. Встреченные в разных местах медные монеты сасанидского чекана III в. н. э. дали возможность установить, что капитальная забутовка помещений первого этажа произведена вскоре после падения Парфянского государства. Впервые обнаруженные в 1956 г. многие остатки сооружений второго этажа позволили выявить уровень их пола, направление некоторых стен, а также установить, что ширина их иногда больше нижерасположенных. Это явно говорит о разновременности их сооружения и появлении сооружений второго этажа после того, как нижние помещения были забутованы. Среди сделанных находок античного времени отмечены парфянские медные монетки маргианских эмиссий I—II вв. н. э., терракотовые фигурки Маргианской богини разных типов, двух- и трехперые бронзовые наконечники стрел, остракон с коротким однострочным парфянским текстом; крупная выточенная из кости пуговица; биконическое древнемаргианское терракотовое ядро; позднепарфянское такое же ядро в виде слегка вытянутой трехгранной пирамидки и другие объекты. Из прочих наблюдений интересно отметить, кроме обнаружения фисташки, четвертую находку персиковых косточек, что может служить показателем распространения в парфянскую пору деревьев рода Persica, возможно, именно в период существования государства Аршакидов впервые завезенных в Южный Туркменистан из Китая. Любопытно, что заложенные свыше 2000 лет назад в толщу парфянских стен арчевые балки до сих пор сохранили смолистый запах. Изучение Эрк-калы имеет значение для познания истории развития городов не только Южного Туркменистана, но вообще всей Средней Азии и сопредельных стран Востока.

Придавая большое значение изучению истории трудящихся масс—непосредственных производителей материальных ценностей, ЮТАКЭ в 1956 г. продолжило исследование открытого ею в северо-восточной части мервского городища Гяур-кала ремесленного квартала (раскоп 6).

Раскопки велись близ северной городской стены несколько восточнее былых ворот Дермушкан. Тут была вскрыта площадь целого хозяйства, включающего световой дворик с большим количеством битой глиняной утвари и пять помещений, в одном из которых были два хума и кувшин с двумя ручками. Стены сложены в основном из пахсы толщиной на высоте 0,5 м от пола до 1 м, но часто выведены из сырцовых позднеантичных кирпичей 45×45×11 см³. Особого внимания заслуживает факт обнаружения в кладке стены III в. н. э. двух жженых кирпичей размером 32×32×6 см³. Размеры комнат от 16 до 20 м², внутри стены покрыты глиняной штукатуркой. В раскопе встречено до двух десятков медных монет, среди которых есть несколько позднепарфянских группы халков Санабара, а большинство принадлежит сасанидскому чекану Шапура I (241—272) и мервским наместникам III в. н. э.; наконец, одна случайная монетка из верхнего слоя Шапура II (309—379). Весь комплекс прочих находок дает основание датировать время обитания вскрытого дома III—самым началом IV в. н. э. Среди обнаруженных предметов имелись: один костяной стиль, несколько цельных керамических сосудов не встречающихся до сих пор форм (в частности, один очень строгих пропорций кувшинчик с высоким горлышком и отбитой ручкой), несколько терракотовых головок и фигурок Маргианской богини и уникальный цельный крупный штамп-калыб для изготовления изображений одного из типов этой богини. На обратной стороне калыба процарапан квадрат с пересекающими его из угла в угол линиями и с поднимающимся над ним изображением елочнопободного колоса хлебного злака. До этого в распоряжении ЮТАКЭ были подобные отдельные безголовые туловища и головки без туловищ, которые предположительно относились к одному типу. Поэтому найденный калыб интересен не только как показатель местного производства в Мерве таких терракотовых идольчиков, но и как документальное подтверждение сделанного ранее предположения об отнесении разрозненных туловищ и головок именно к одному данному скульптурному образу Маргианской богини. Не менее важным является находка почти цельной терракотовой подставки шамдана, или чирагдана высотой в 24 см, с круглым расширяющимся книзу основанием (д= =12,5 см), переходящим в ствол, подквадратный в сечении, пустотелый, состоящий из нескольких ярусов и орнаментированного процарапанного орнамента. Предмет явно передает некогда бытовавшую архитектурную форму башни, имеет сквозные эллиптические дверные проемы с уступами у пят сводов, несет намеченные неглубокой прорезью стреловидные бойницы и покрыт орнаментацией, возможно, отображающей былые рисунки на поверхности стен. Подобный предмет в целом виде найден впервые и, будучи разгадан, позволяет опознать ранее встречавшиеся отдельные фрагменты от примерно подобных же подставок. Судя по числу последних, эти объекты были довольно распространенными в Маргиане во вторую половину развитого рабовладельческого общества. Основания таких же башнеобразных подставок в 1956 г. были найдены на парфянском памятнике Гёбеклы-депе к северу от Байрам-Али и на раскопе 6 в ремесленном гяуркалинском квартале Старого Мерва.

На площади последнего раскопа в Гяур-кале удалось путем тщательного вскрытия проследить границу городской стены с внутренней стороны, расчистив здесь почти вертикальную ее поверхность. Благодаря этому удалось установить, что изучаемый ремесленный квартал

в пору своего сложения первоначально подходил к ней своими постройками не совсем вплотную, а оставлял около 3 м свободного пространства, дававшего место для свободного продвижения вдоль нее. После же вхождения Мерва в состав государства Сасанидов, вероятно, в связи с уменьшением количества населения и с ослаблением надзора обитатели соседних домов стали забрасывать это свободное пространство всяким мусором, которого накопилось здесь очень много. Об этом свидетельствует мощная толща завала с зеленоватыми селитроносными прослойками, перемежающимися с землей, черепками, золой, костями и т. п. Наибольший упадок здесь, как и в самом квартале, приходится на IV в. В это время комнаты раскопанного в 1956 г. хозяйства необитаемы, совершенно заброшены, постепенно разрушаются и заваливаются строительным и прочим мусором, среди которого найдена одна подквадратной формы медная монетка поры кризиса рабовладельческого общества. Этими наблюдениями внесен еще один археологический штрих в познание истории развития города Мерва за период, не освещенный письменными источниками. Небезынтересно отметить, что вдоль городской стены при раскопе в разных местах встречены цельные и разбитые довольно крупные круглые парфянские ядра из обожженой глины до 21 см и более в диаметре.

Для изучения древнего керамического производства парфянского времени и истории самих ремесленников-гончаров, занятых этим производством, было продолжено исследование развалин поселения Джиндепе, лежащих в 32 км к северу от Мары по прямому направлению, на границе современной культурной полосы, частично уже засыпанных песком. Новая археолого-топографическая съемка объекта подтвердила отсутствие у этого поселения следов внешних оборонительных стен и выявила наличие на его территории остатков полутора десятков керамических печей. Они принадлежали отдельным ремесленникам, чьи жилые и производственные помещения в виде оплывших бугров располагаются в непосредственной близости от остатков горнов. В нескольких местах встречены мелкие железные шлаки, являющиеся показателями былого местного железоделательного производства. Изучение поселения подтвердило датировку последнего периода его обитания концом I в. до н. э. — I в. н. э., т. е. среднепарфянским временем, к которому, между прочим, относятся новые находки пяти медных парфянских монет у самих печей и в непосредственной от них близости на территории жилой застройки. Четыре монетных кружка принадлежат ранней маргианской эмиссии типа халков Санабара (около середины I в. н. э.), а один более старый чеканен в I в. до н. э. при Фраате IV (38/37—3/2 гг. до н. э.) с бюстом государя на A и изображением оленя вправо на R.

В осенний сезон продолжалась раскопка дома богатого ремесленника-рабовладельца, где всего открыто несколько жилых помещений, часть которых, относительно изолированная от остальных, могла служить для обитания лиц, работавших у хозяина, в том числе рабов. В жилом комплексе, расположенном к югу от керамической печи, полностью вскрыта молельня, в которой устроено пять ниш, включая высокую с парадным оформлением и маленькую у пола для возжигания огня. Между жилым комплексом и крупным керамическим горном вскрыты хозяйственные и производственные помещения, причем одна стена проложена на протяжении 14,5 м. Заслуживает упоминания находка каменного жернова с круглым отверстием.

Особое внимание было уделено исследованию самих керамических печей, из которых всего вскрыто 5, включая законченный раскопкой горн, обнаруженный в 1955 г. Все печи круглые в плане и принадлежат к категории горнов периодического действия. Две из них очень крупные (внутренний диаметр одной — 5,20—5,40, второй — 5,10 м). Сложенные из больших, иногда клейменных сырцовых кирпичей (41×41×12 см³—42×42×13 см³) и имея толщину наземных стенок в 1,20 м, они производят впечатление весьма массивных сооружений. Круглые топочные ошлакованные камеры (нижний диаметр которых имеет 2,60 и 3,10 м; верхний — 2 и 0,90 м) с их ложными куполами и высокой стрелкой подъема опущены в землю до глубины 2,40 м. Топочные каналы длиной до 2,6 м имеют ширину около 0,6 м. К поду, сложенному в 3—4 ряда кирпича, наклонно отходят (8 у одной и 9 у другой печи) газоотводные каналы длиной от 1,5 до 1,9 м при ширине от 20 до 34 см. Вверху каналы перекрыты и над ними в поду устроено по два отверстия: круглые в середине пода (д=20 см) и полукруглые у стен печей. Загрузочное помещение, судя по рухнувшим остаткам, перекрывал ложный свод, поднятый на значительную высоту. В обеих гигантских печах, загружавшихся большим количеством предметов, для обжига использовались только отверстия газопроводных каналов, поскольку под из-за своей необычной толщины исключается из самого процесса обжига. Три другие печи — меньших размеров с диаметром пода от 3 до 4 м. Одна из них (№ 4) отличается от описанных выше тем, что семь ее газопроводных каналов чередуются с полыми секторами, перекрытыми сверху лишь глиной, а не кирпичами. Две другие в середине пода в своде топочной камеры имеют сквозное отверстие, в одном случае под прямоугольной формы (60×52 см²), в другом — заоваленный (1,20 и 0,9 м). В печи № 5 устроено 8 больших (1,10—1,30 м) и 5 малых (около 0,5 м) радиально расходящихся из топки каналов с двумя и тремя отверстиями. Особенностью печи № 4 являются сквозные, не перекрытые кирпичной кладкой восемь газопроводных каналов. Центральное отверстие в поду, по-видимому, закрывалось обнаруженным в топке особой формы кирпичом.

Для жителей самого поселения Джин-депе вполне было бы достаточно одной керамической печи. Наличие 15 значительных горнов дает основание считать, что в свое время здесь в среднепарфянскую пору сложилось поселение, население которого занималось производством керамики и торговало ею, вероятно, для удовлетворения потребностей обитавших в соседних песках скотоводческих племен. О характере самой керамической продукции дают представление многочисленные находки фрагментов бытовой посуды и другой утвари.

Феодальное общество

В соответствии со своим «Положением», с неоднократными указаниями своего ученого совета в Ленинграде, а также с рекомендациями сессий Отделения истории и философии Академии наук СССР и пленума ИИМК, ЮТАКЭ в 1956 г. занималась также изучением памятников феодального общества.

По разрабатываемой экспедицией на протяжении ряда лет теме, связанной с историей керамического производства и ремесленников-керамистов, для поры раннего средневековья объектом был избран ранее установленный М. Е. Массоном на территории Гяур-калы в Мерве квартал керамистов, находящийся в юго-восточной четверти этого городища. Располагаясь к востоку от главной улицы, ведущей от бы-

лых ворот Балин к центру города и примыкая почти вплотную к южной городской стене с ее внутренней стороны, этот квартал занимал около 15 га. В 1956 г. работы велись на пяти раскопочных площадках, причем были вскрыты остатки девяти овальных и круглых в плане керамических печей единообразного устройства. Некоторые из них расположены группами по две-три вместе, примыкая одна к другой и явно принадлежа одному хозяйству. В основном сохранились лишь нижние части печей относительно небольших размеров, диаметры топок которых варьируют от 2 до 3 м. Общим для всех является устройство поддувального канала длиной от 2 до 3,5 м, начинающегося за пределами стенок камеры относительно широким устьем от 24 до 60 см, высота иногда до 1,30 м, причем сверху оно оформлено или в виде эллипсовидной арочки или парой поставленных на ребро кирпичей в виде разгрузочного треугольника. Проходя внутрь печи, канал суживается и в конце имеет от 6 до 18 см ширины. Все вскрытые печи, стоявшие во дворах, сложены из сырцовых кирпичей (32(33)×32(33)×8(8,5) см³ и лишь одна выведена из кирпичей 40×40×10 см³. Установлен факт относительно длительного использования каждого горна, причем по мере разрушения его внутренности иногда повышали неоднократно пол, а в других случаях по несомкнутым у ввода поддувального канала кольцам производилась обкладка стен до 3—4 раз, чем постепенно суживался внутренний объем камеры. Печи и их продукция по сумме данных датируются VIII в. и не позднее начала IX в., что подтверждается находками при раскопках печей № 5, 6 и 7 пяти медных аббасидских фельсов этого времени. Один из них, видимо мервского чекана, имеет дату 155 г. х., т. е. 771/2 г. н. э. Продукция в отвалах бракованной утвари представлена неглазурованной керамикой с пористым черепком невысокого качества. Интересны немногочисленные фрагменты штампованной керамики VIII в. Встречено немало сосудов археологически целых форм, фрагменты объектов из необожженной глины и характерные предметы мелкого печного припаса в виде плоских дисков и неоформленных кусков из глины. Весь комплекс добытых объектов дал впервые количественно и по разнообразию достаточный материал для суждения о ремесленном керамическом производстве Мерва первого этапа его существования после арабского завоевания. Для продукции этого ремесла характерны, с одной стороны, продолжение керамистами местных традиций поры существования Сасанидского государства, а с другой — ухудшение качества керамики, уступающей в этом отношении как предшествующему периоду, так и последующему времени IX—X вв.

С той же тематикой изучения истории средневекового ремесленного производства связана была работа на более позднем квартале керамистов, расположенном в западной части рабада феодального Мерва, за прежними воротами Фируза, к северу от большой дороги на Абиверд. Там в 1955 г. была открыта крупная керамическая мастерская Иноятона с прямоугольными печами XII в. В 1956 г. в 160 м севернее ее была обследована круглая печь (д=2,6 м) с топкой грушевидной формы и с возвышающейся над ней полочкой, на которой расставлялись подлежавшие обжигу предметы. Топочное устье оказалось перекрытым стрельчатым сводом. В стенках печи сохранился один ряд отверстий для вставки керамических штырей круглого сечения. Из прочего инвентаря мелкого печного припаса встречено свыше сотни разнообразных трехлапчатых «сипая» для прокладок между блюдами, тарелками, коса и пиала. Из числа изготовлявшейся здесь утвари обна-

ружено около трех десятков бракованных плоских светильников и пять чирагов на ножках, стопка бракованных пиал, керамические фонари для светильников и два целых остова кувшинов желтой поливы. По полученным из отвала фрагментам брака видно, что в печи обжигалась утварь голубой, темно-зеленой поливы, неглазурованная штампованная и тонкостенная сероглиняная посуда с процарапанным орнаментом. Продукция датировалась концом XII—началом XIII в., что отчасти подтверждается находкой медной монеты плохой сохранности чекана, по-видимому, хорезмшаха Текеша (1172—1200).

В 450 м к северу от мастерской Иноятона и в 350 м к западу от стены городища Султан-кала, примерно на широте начала средневековой городской стены северного обвода был заложен раскоп 2 на месте, где в 1947 г. ЮТАКЭ были обнаружены остатки керамической печи круглого плана. Последняя, что было выявлено при расчистке, имела прямоугольную топку. Внутренний диаметр загрузочной камеры круглого плана имел 2,3 м. Стена ее имеет два ряда отверстий для керамических штырей. Под раскопанной печью оказались остатки более ранней круглой печи (д= 22 м), разделенной перегородкой на две части. Четыре слоя штукатурки на внутренней стороне загрузочной камеры свидетельствовали о длительном ее использовании. С южной стороны к печи примыкали остатки производственных помещений, одна из стен которых с кладкой из жженых кирпичей в нижней части прослежена на 5,4 м. В числе находок были встречены впервые миниатюрные сипая. Продукция представлена неполивной и глазурованной керамикой, типичной для IX—X вв. Фрагмент чаши прекрасной белой поливы с куфической надписью «О, преизобилие», по-видимому, принадлежал предмету, привезенному из Самарканда и державшемуся мастером в качестве образца для подражания. Во всяком случае, все остальные объекты его продукции значительно уступают по качеству поливы и изяществу букв предполагаемому самаркандскому фрагменту. Среди прочих находок имелись детские игрушечные кувшинчики и пиалушечки, донца блюд и чаш с изображениями птиц, животных и даже фигуры юноши в красном одеянии. Обратило на себя внимание обилие фрагментов с ишкорной поливой, характерной для IX—X вв.

Раскоп 1 на территории мастерской Иноятона в 1956 г. захватил небольшую прямоугольную печь (одиннадцатую в его хозяйстве). В основном же исследовалась площадь к северу от печей и производственных мастерских. Здесь был обнаружен небольшой продолговатый дворик. В его западной части встречены отрезки трех линий водоотводов из гончарных труб-кобур. Одна линия выводила воду за пределы участка, видимо, на улицу. Две другие отходили в помещение мастерской, где заканчивались у поглотительной сточной ямы с вмазанным вверху бездонным хумом. Кобуры проложены над выстланным жженым кирпичом полом. Среди находок у мастерских и печей встречены фрагменты неполивной штампованной керамики с изображениями льва, козла, джейрана, зайца, птиц; два горлышка от кувшинов в виде стилизованных голов животных; каменный пестик с процарапанной надписью «Абу Насир». Заложенный в западной части двора стратиграфический шурф на уровне 2 м от поверхности опустился на остатки стены из сырцовых кирпичей (33×33×8 см³). В шурфе найдены фрагменты керамики с поливой ишкорного типа, каменная бусина и морская ракушечка.

С севера двор оказался ограниченным стеной, прослеженной на протяжении 26 м. В семи ее нижних рядах кладки из жженых кирпи-

чей маломерок (20×20×4 см³—21×21×4,5 см³), т. е. IX—X вв., встречены кирпичные резные «бантики» XII в., что указывает на относительно более позднее сооружение самой стены. Устроенные в ней четыре прохода вели в ту часть участка, где размещалась жилая застройка. На это намекал бытовой характер археологических находок. Среди них были куски оконных стекол, фрагмент алебастровой решетки-панджара, бронзовая десертная ложечка для бастами, каменная фигурка птички, каменная бусина, костяное украшение, бронзовая цепочка ювелирной работы, детский медный бубенчик. Все эти предметы, датируемые концом XII—началом XIII в., поломанные и разбросанные по всему дворику вместе с оставленными на полу в мастерской кусками заготовленной керамической глины, с разбитыми, подготовленными для помещения в печь, но так и необожженными сосудами, наконец, потерянной медной монеткой хорезмшаха Мухаммеда (1200—1220) дали наглядное представление о последнем моменте существования мастерской, погибшей в результате монгольского разгрома.

В части исторической топографии удалось в 1956 г. разрешить следующие вопросы:

1. Последовательное уточнение на протяжении нескольких лет древнего пути из Мерва на Балх путем изучения его на отрезке в пределах СССР по течению Мургаба многих археологических пунктов, завершившееся в 1955 г. опознанием в развалинах Чемен-и-бит средневекового городка Кейф, а в Улуг-депе Тахтабазарского района — руин былого Каср-ал-Ахнаф, привело ЮТАКЭ к заключению, что игравший видную роль в истории Хорасана город Мерверруд должен находиться на месте Меручака, а отнюдь не Бала-Мургаба. Организованный просмотр под наблюдением письменных известий о Мерверруде, заключенных преимущественно в арабских первоисточниках, и критический анализ их окончательно исключил отождествление его с Бала-Мургабом. Таким образом, оставшийся на протяжении почти столетия спорным вопрос о том, где следует искать Мерверруд, получил разрешение в смысле признания единственно правильного вывода о необходимости отыскания развалин этого города у Меручака, что могло бы явиться темой для совместной работы советских и афганских ученых.

2. Выборка из письменных источников сведений о средневековом мервском селении Синдж, оказавшем упорное сопротивление арабам при завоевании ими Мерва в 651 г.; указания его положения на юг от Мерва, на берегу Мургаба, некоторые детали его планировки в связи со сплошным археолого-топографическим обследованием возможной трассы пути из Мерва на Серахс показали необоснованность отождествления его с развалинами Порсы-кала, расположенными в 3 км юго-западнее плотины Каушук-бенд.

3. В связи с проездом начальника ЮТАКЭ из Мерва в сторону Серахса и посещением городища Кельте-минара им было поставлено под сомнение прежнее отождествление последнего с Генугирдом, который, по его мнению, следовало искать в районе Сталинска. В 1956 г. обследование этого района привело к заключению, что остаткам Генугирда соответствуют незарегистрированные ранее развалины крупного средневекового населенного пункта X—XII вв., руины которого тянутся вдоль старого русла арыка и расположены в 18 км на юго-западе-западе от Сталинска. Здесь видны остатки караван-сарая. В 1,5 км имеются руины большого укрепленного рабада (150×150 м² при 8 м высоты), с восточной стороны которого на протяжении 700 м видна былая густая

застройка с буграми жилых кварталов, крупным караван-сараем, остатками керамического производства. Обе группы руин, лежащие на одном канале, в прежнее время, должно быть, были объединены расположенными между ними усадьбами. В пользу отождествления этого пункта с Генугирдом говорят следующие данные. Во-первых, он лежит на трассе средневекового пути, а не в стороне от него, как Кельте-минар. Во-вторых, расстояние от него до Султан-калы в большей мере соответствует указанию письменных источников, что Генугирд был расположен в 5 фарсахах от Мерва, т. е. около 30 км. В-третьих, вполне отвечают натуре и приводимые источниками сведения, что Генугирд, как другие селения между Мервом и Серахсом, находится в дикой пустыне, тогда как Кельте-минар лежит в культурной полосе. В-четвертых, указанному в источниках укреплению соответствуют руины упомянутого круглого рабата, ныне именуемого Кизыл-Мурад-депе. В-пятых, наличие канала с отводной сетью арыков может соответствовать указанию Якута об обилии здесь виноградников и садов. В-шестых, остатки караван-сараев свидетельствуют о роли этого пункта как транзитного.

4. В 1956 г. продолжалось изучение торгового пути из Серахса в Мерв. Маршрутные исследования между Данданканом и Мургабом дали возможность отыскать предполагаемое направление былой большой караванной дороги, отмеченное рядом обнаруженных промежуточных археологических пунктов. Изготовлены археолого-топографические схемы с нескольких десятков археологических объектов, находящихся вдоль этой дороги. Место средневековой переправы через Мургаб намечено несколько северо-западнее плотины Султан-бенд.

5. В связи с предположенным исследованием городища Серахса, находящегося в конце изучаемого ЮТАКЭ отрезка торгового пути Мерв—Серахс, в 1956 г. этот последний объект был подвергнут предварительной историко-топографической рекогносцировке. Попутно бегло выяснено, что опубликованный во 2-м томе «Трудов Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР» (Ашхабад, 1956, с. 167) план цитадели и шахристана Старого Серахса не может служить сколько-нибудь надежным документом, так как даже контурная схема городища дана с большими искажениями и неточностями. Осмотр на месте выявил кроме того, что на территории шахристана нет показанного на плане «квартала кузнецов» в северо-восточной его части, где по археологическим признакам в действительности располагались кварталы богатых домов. Не существует и отмеченного на том же плане «квартала керамистов» в южной половине шахристана, часть которой также занимали большие дома зажиточных горожан. Небольшое скопление шлаков у середины, возможно, не связано с керамическим производством и принадлежит позднему времени. Там, где в юго-восточной части шахристана на плане обозначена «юго-восточная площадь», примыкающая к городской стене, в натуре никаких признаков площади нет, а территория занята буграми, являющимися руинами построек. Зато севернее этого участка оказалась большая низина былой городской площади. Скопление шлаков и железных криц ЮТАКЭ удалось установить вне шахристана на буграх за его восточной стеной, где в пригороде-рабаде на самом деле и располагались основные ремесленные производства Серахса. Что касается обозначенного на том же плане так называемого «южного рабада», то в действительности там нет признаков застройки рабада, а имеется пустырь и

кладбище близ мазара Абу-л-Фазла. Осмотр заложенного А. А. Марущенко шурфа на городище и пробитой им же далеко не археологической штольни с колодцем в крепости Старого Серахса выявил полное несоответствие наглядной стратиграфической картины культурных слоев как с опубликованными в указанном томе «Трудов Института истории, археологии и этнографии» геометризованными схемами (рис. 2, с. 172; рис. 3, с. 193), так и с приведенным в тексте описанием. Недоброкачественность ограниченного числа осуществленных автором археологических наблюдений не дала возможности на месте при ознакомлении с городищем согласиться со многими опубликованными выводами, изложенными в статье с большой категоричностью. Рекогносцировка ЮТАКЭ городища Старого Серахса показала, что оно представляет собой благодатный объект для многолетнего изучения, а относительная нетронутость его археологического микрорельефа при применении научных приемов методики археолого-топографической съемки позволит поднять его планировку с бо́льшей легкостью, чем на многих других аналогичных памятниках, даст основу для изучения исторической топографии этого древнего города и облегчит выяснение его подлинной истории путем осуществления настоящих археологических исследований.

6. Специальному изучению был подвергнут район Старого Фараба на правом берегу Амударьи. С городища и прилежащей площади был снят археолого-топографический план. Посещен ряд близлежащих интересных в археологическом отношении пунктов. Произведен опрос населения, давший ряд неизвестных в науке легенд и преданий. Собран подъемный археологический материал. Произведен обмер некоторых сооружений. Осуществлена зачистка гребня стены у юго-восточного угла калы. Археологических остатков, которые можно было бы отнести к античному, встречено очень мало и они не дают возможности судить, существовало ли в ту пору на месте Старого Фараба сколько-нибудь значительное поселение. Современные жители наиболее древним памятником считают «динг Кзыл Арслан-хана», развалины которого в виде башни еще недавно стояли на возвышенности Кыз-кыр к юго-востоку от Старого Фараба. Его кала, безусловно, существовала перед арабским завоеванием. Удалось в общих чертах выяснить историческую топографию Фараба IX—X вв., когда кала служила его цитаделью (площадью около гектара), а шахристан примыкал к ее восточному и южному фасу. Большая часть его территории, известная теперь населению под названием «Куи-кала», занесена песком, сквозь который в развеянных местах проступают кое-где кладки стен. Следы застройки прослежены к востоку от цитадели на расстоянии до 500 м, на юго-востоке — до 1 км. Упоминаемая Макдиси соборная мечеть, сделанная целиком из жженого кирпича и располагавшаяся в шахристане у городских ворот в сторону Бухары неподалеку от арка, находилась, как выяснено, на территории современного мусульманского кладбища в 100 м к востоку от северо-восточного угла калы. Здесь на протяжении многих лет при рытье могильных ям в большом количестве добывают жженый кирпич-маломерку IX—X вв. (21×21×3 см³—22×22×3 см³). Хорошо оконтуриваемая по микрорельефу прямоугольная площадь у мазара Ходжа-хаджи-Фараби в 250 м к северо-востоку от калы явно соответствует месту былой мечети намазгох, находившейся, по данным письменных источников, за стеной шахристана у тех же городских ворот, что и соборная мечеть. К юго-востоку от нее старики указывают урочище, где раньше были видны остатки дома с 40 дверьми. Здесь был один из ка-

раван-сараев, о которых имеются указания в исторических средневековых сочинениях. Кое-где удалось заметить следы древних хумданов. В общих чертах была намечена схема последующего развития Фараба, когда Амударья несколько раз прорывалась к городу и неоднократно текла между калой и возвышенностью Кыз-кыр, разрушая постройки былого шахристана. Интересные данные были собраны на месте о печальной участи Фараба в пору упадка XVIII столетия. Своевременность производства археолого-топографической съемки городища наблюдали сами ютакинцы — участники исследования Старого Фараба, когда после заснятия по микрорельефу и остаткам руин планировки былой застроенной базарной территории к юго-востоку от калы, где удалось нанести на план улочки, лавки, караван-сарай с двумя дворами, мечеть и т. п., через несколько часов бульдозеры полностью выровняли всю площадь под поля. Старинное купольное здание мазара шейха Калян-Фараби оказалось разобранным на кирпичи за несколько лет до посещения Старого Фараба отрядом ЮТАКЭ.

В части исследования феодальных архитектурных памятников в 1956 г. были осуществлены архитектурные обмеры, фотографирование, описание ряда объектов в различных районах, причем попутно производилось взятие проб строительных материалов. По среднему течению Мургаба обследованы два средневековых жилых замка XI в. разных композиций. Первый из них кёшк на городище Кельте-минара, центрической композиции, двухэтажный, с центральным крестовидным залом, с очень интересной системой перекрытия в угловых помещениях, особым видом «монастырского свода» и с однородной обработкой гофрами всех фасадов; второй — Овлиялы-кёшк на одноименном городище, с квадратным, но не центричным планом, разделенным как бы на три параллельных ряда комнат (до 20 в двух этажах), с пештаком в центре главного фасада, с обработкой фасадов плоскими «лопатками» и нишками за исключением главного, где смежные с пештаком участки оформлены тремя гофрами.

В Серахском районе предварительно обследованный ЮТАКЭ еще в 1947 г. мавзолей Ярты-гумбез был детально изучен в 1956 г. с подробной обмерной документацией, давшей возможность выполнить графическую реконструкцию первоначального вида одного из его фасадов с показом архитектурной декорации и кирпичной облицовки. Одновременно была сделана прорисовка его исторической арабской надписи почерком куфи, отмечающей месяц и дату смерти в конце XI столетия погребенного в нем лица (джумади-ал-ахир 491 г. х-май или первые три дня июня 1098 г. н. э.). Это лишает какой-либо достоверности опубликованное во 2-м томе «Трудов Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР» (Ашхабад, 1956, с. 170) отождествление без всякой аргументации этого памятника с упоминаемым в X в. сооружением над могилой неизвестного по имени племянника Ар-Рады, умершего еще в IX в., т. е. более чем за два столетия до даты смерти лица, похороненного в отстроенном для него Ярты-гумбезе, который, согласно данным архитектурного анализа, принадлежит к памятникам именно конца XI в.

В долине Сумбара впервые был подвергнут специальному архитектурному изучению мавзолей Махтум у Махтум-калы, который, по мнению Н. М. Бачинского, представляет собой якобы постройку, предшествующую мавзолеям XI—XII вв. в Узгенде. В действительности, имея основанный на 16-граннике щитовидных парусов внутренний купол,

композицию фасада с возвышенным порталом и менее высокими боковыми крыльями, заключающими два яруса арочных лоджий, мавзолей Махтум представляет собой типичное сооружение второй половины XV в. Изучение в том же районе мавзолея Шейх-Овез-Берды у Ювенкалы показало, что этот памятник относится к эпохе конца XIV—первой половине XV в. Оба сумбарских мавзолея принадлежат к провинциальной ветви хорасанского зодчества и вносят новый штрих к пониманию картины развития конструктивно-технических и архитектурно-композиционных идей своего времени.

Специальное архитектурное изучение мавзолея Парау-биби в 2 км к юго-западу от городища Парау Кизыларватского района показало, что основание его восходит еще к X в., что в XI—XII вв. памятник был перестроен, а позднее неоднократно подвергался различным ремонтам и переделкам. С находящегося в более разрушенном состоянии, чем в 1947 г. мавзолея XVI в. Кизыл-Имам в Дуруне были взяты на анализ пробы строительных материалов.

Из большого количества установленных в 1956 г. для феодального периода новых фактов в связи с актуальностью проблемы былых связей народов, обитавших на территории СССР, с зарубежными странами, заслуживает быть упомянутым обнаружение на средневековом городище Султан-кала в Старом Мерве просверленной, служившей для ношения ракушки водящегося в Черном море моллюска Nassa (по-видимому, reticulata L.) и находка в пригородном квартале ремесленников феодального Мерва на раскопе 1 медного арабского фельса, чеканенного при омейядском халифе Хишаме, сыне Абд-ал-Мелика (724—743) в городе Андалус'е, т. е. в Кордове в 107 г. х. (725/6 г. н. э.). Это первый регистрируемый случай находки в Средней Азии арабской монеты VIII в. с берегов Гвадалквивира в Испании.

В целом в 1956 г. следует считать в известной мере законченными четырехлетние работы ЮТАКЭ по предварительному выявлению и изучению трассы главного средневекового пути из Мерва в Серахс, которая, как удалось установить, не использовалась в античную пору, когда дорога пролегала не по ней. Начало оформления указанной трассы восходит в VI—VII вв., но развитие ее как части крупной международной магистрали приходится на IX—X вв. при максимальном благоустройстве в XI—первой половине XII в. Определенный упадок ее наблюдается после монгольского завоевания и, несмотря на принимавшиеся позднее разными правительствами меры, она никогда не была столь оживленной, как в среднюю пору развитого феодализма. Исследованиями ЮТАКЭ удалось показать огромную роль в сложении на ней средневековых населенных пунктов, помимо транзитной торговли, связи со скотоводческим хозяйством прилежащих пустынных пастбищ. Ею в значительной мере было вызвано развитие в наиболее крупных пунктах ремесленного производства. В дальнейшем для последующего углубленного археологического исследования желательно осуществить раскопки на Данданкане, Тильситане и Уштур магаке. Но уже по археологическим данным ясно, что у района Серахса как историко-культурной области с локальными особенностями общность с Мервом и прикопетдагскими районами в средние века становится по сравнению с античным временем еще более тесной, «общехорасанской».

Учитывая опыт работы ЮТАКЭ в исследовании прошлого территорий Южного Туркменистана за феодальный период, следует отметить перспективность детального комплексного историко-археологиче-

ского изучения отдельных историко-культурных его областей. Совершенно ясно, что сумма археологических наблюдений во много раз расширяет основанные на одних скудных данных письменных источников наши представления об экономике, ремесленном производстве, облике материальной культуры, искусства и других сторонах развития здесь средневекового общества.

Этногенез туркменского народа

Работы ЮТАКЭ, связанные с проблемой этногенеза туркменского народа, протекали в 1956 г. по двум направлениям — антропологическому и этнографическому.

Новые материалы по палеоантропологии, кроме упоминавшихся выше погребений бронзового века, поступили из некрополя, находящегося в западных окрестностях Старого Мерва и вскрывавшегося для получения уточненных представлений стратиграфического порядка; с кладбища к северу от северо-западного угла старомервской Гяур-калы, относящегося, по впервые установленным в 1956 г. данным, к сельджукидской поре XI — первой половине XII в.; из могил верхнего яруса пригородного квартала керамистов средневекового Мерва к западу от Султан-калы, где суннитское кладбище сложилось в стороне от так называемого мавзолея «Мухаммеда Ханапья» уже после монгольского завоевания.

В полном контакте с ЮТАКЭ и при ее содействии летом 1956 г. была проведена полевая работа Института истории АН УзССР с целью исследования туркменских племен в антропологическом отношении. Программа и маршрут ее были согласованы ЮТАКЭ с заведующим кафедрой антропологии САГУ профессором Л. В. Ошаниным, причем в основном был намечен сбор материалов по антропологии салыров и ата в Серахском районе. Полевые работы возглавлял доцент САГУ К. Наджимов. Собранный материал (среди салыров 290 мужчин и 194 женщины, среди ата — 110 мужчин) наглядно продемонстрировал, что оба племени являются типичными представителями долихоцефальной европеоидной закаспийской расы с незначительной примесью монгольских признаков (у салыров мужчин — 0,33%, у женщин — 4,83; у мужчин ата — 1,82%). Документально подтвердилось, что салыры и ата накладывали на головы новорожденных младенцев повязки. Поскольку решение вопроса о возможном влиянии ее на деформацию мозговой коробки базировалось раньше на обмерных данных взрослых людей, в 1956 г. был собран материал среди детей, у которых с достаточной степенью уверенности можно было исключить наложение повязок. Выяснилось, что их головной указатель значительно выше, чем у взрослых, у которых вообще отмечаются возрастные изменения этого признака, как явствует и из вновь собранных фактов, в целом подтверждающих точку зрения, что долихоцефалия туркмен является признаком расовым, который быть может лишь несколько усиливается путем наложения повязки. По представленному ЮТАКЭ заключению Л. В. Ошанина, «весь добытый ЮТАКЭ палеоантропологический материал, ныне уже весьма обширный, охватывающий промежуток времени с конца III тысячелетия до н. э. до второй половины I тысячелетия н. э., не оставляет сомнения в том, что древнейшее население Туркмении относилось к европеоидной долихоцефальной расе, и поныне явно преобладающей среди всех туркменских племен».

В части этнографического изучения туркмен в 1956 г. продол-

жалась разработка впервые выдвинутой ЮТАКЭ многолетней темы о туркменской архитектуре. В Дурунском районе произведены обмер и фотофиксация отстроенного из сырцового кирпича мавзолея Ак-Имам, относящегося к памятникам XVIII—XIX вв., но подражающего в своей планировке и общей архитектурной композиции мавзолею XVI в. Кизыл-Имам. В Старом Фарабе детально обследован единственный уцелевший памятник монументальной архитектуры — мавзолей Ходжа-Хаджи-Фараби, центрического типа с венчающей стены декоративной аркатурой и с массивным отлогострельчатым куполом. Эта постройка XVIII—XIX вв., несмотря на признаки упадка стиля, свидетельствует, что в культовом строительстве стойко держались традиции средневекового хорасанского зодчества. Среди памятников жилой архитектуры в Фарабском районе обнаружен и детально зафиксирован великолепный и пока уникальный в своем роде образец народной туркменской архитектуры XIX в. в виде ховлы богача-туркмена Бобо-Назар-бая. Постройка выполнена в тех же приемах, что и ховлы левобережья Амударьи от Керки до Чарджоу. Гладь ее пахсовых стен расчленена декоративными башенками и оживлена сплошь гребенчатым орнаментом разнообразного жанра: геометрические сетки, орнаментальные круги «солнца», деревца и др. Удалось выяснить, что особенно важно, сохранившееся в памяти стариков имя мастера строителя этой усадьбы, которым был туркмен Таирзия из племени хыдырали. Из других обследованных памятников поздней жилой туркменской архитектуры следует отметить находящиеся в районе Серахса руины усадьбы XIX столетия текинского правителя Курбан-бая. В этой усадьбе интересен жилой дом со стройным квадратным двухэта́жным домом, который оформлен в углах пилястрами и по обе стороны которого расположены продолговатые комнаты для жилья.

По историко-этнографическому изучению селения Мурча и племени мурчали в 1956 г. производился на месте сбор новых материалов для завершения многолетнего исследования.

1957 г.

В полевых работах участвовали следующие отряды:

1 — (стационарный) по раскопке на городище Старая Ниса. Начальник отряда археолог *М. С. Мерщиев.*

XIV — (маршрутный и стационарный) совместный с ЛОИИМК АН СССР — весной по изучению памятников неолита в подгорной полосе Копетдага, а осенью — по изучению памятников энеолита и раннебронзового века в Тедженском районе. Начальник отряда кандидат исторических наук *В. М. Массон.*

XVIII — (стационарный и маршрутный) по изучению Старого Мерва и его района в составе девяти групп. Начальник отряда профессор *М. Е. Массон.*

XXII — (стационарный) по историко-этнографическому изучению селения Мурча и туркмен-геклен. Начальник отряда *Д. М. Овезов.*

Каменный век

В 1957 г. работы по изучению памятников каменного века Южного Туркменистана были сосредоточены на остатках поселения позднего неолита, находящихся в песках в 30 км севернее Ашхабада и известных под именем Джейтун, где пока осуществлялись лишь разведочные исследования. Весной

1957 г. широким раскопом была вскрыта значительная площадь древнего поселения в центральной части между двумя барханами.

Заложенный у южного края раскопа шурф в толщах культурных наслоений прошел последовательно через пять строительных комплексов и на глубине 3,5 м достиг уровня желтого барханного песка. В шурфе на северной части поселения этот же песок был встречен на глубине 2 м от поверхности. Очевидно, Джейтунское поселение сложилось на небольшом всхолмлении, которое в результате накоплений культурных отложений после оплыва руин его сооружений превратилось постепенно в тепе.

Раскоп в верхнем слое вскрыл два однотипных дома. В каждом из них имелось по одному жилому помещению (3,75×3,50 м и 5,75×5,75 м) и по нескольку хозяйственных построек. В жилых, у одной из стен, имеется прямоугольный очаг, а с противоположной стороны в середине устроены или ниша, или выступы с полихромной росписью черной, красной и белой краской. В одном из жилых помещений (№ 1) отмечены три слоя штукатурки: первая — просто глиняно-саманная, вторая — покрыта черной краской и третья — желтой. Обнаружение четырех уровней полов, характеризующихся толстыми известковыми промазками, свидетельствует об относительной длительности обитания дома. Среди хозяйственных построек, из которых принадлежавшие дому № 1 трижды подвергались ремонту, одно сооружение имеет овальный план с максимальным диаметром в 3,1 м и с минимальным — в 2,7 м. Сохранившиеся нижние части его стен выведены с уклоном внутрь, видимо, идущие вверх на конус. Впервые встречены сооружения в виде трех небольших параллельных стенок без поперечных перемычек, а также две своеобразные платформы, из которых одна явно была возведена уже в начальный период существования поселения. На ее поверхности имеются углубления в виде «ванночек». Одно из них сохранило следы длительного воздействия огня. Стены домов возведены из овальных несколько вытянутых (65—75 см при ширине в 20 см) и уплощенных глинобитных комьев («гуваляк»).

Среди многочисленных найденных на Джейтуне кремневых орудий имеются наконечники стрел односторонней обработки, трапеции, сегменты, проколки и вкладыши от серпов и ножей. Встречены также отжимники, плоская бусина из белого камня, каменный амулет, фрагмент костяной проколки и щиток панцыря степной черепахи (Testudo Horsfieldi) с просверленным отверстием. Среди керамики, оформленной от руки ленточным способом, заслуживают внимания краснолощенные сосуды, цилиндроконические чаши, крупные толстостенные блюда иногда с фестончатообрамленным краем и небольшие корчаги-хумча со слегка суживающимся к краю венчиком. Вообще сравнительно редкая расписная керамика чаще всего представлена фрагментами небольших хумов. Роспись осуществлялась красновато-коричневой краской по кремовому фону. Кроме ранее известной росписи волнистыми линиями и вертикальными рядами дуг, в 1957 г. впервые для Джейтуна отмечен мотив треугольника, образуемого тремя полосами с фоновым просветом в центре. Особую группу составляют небольшие керамические поделки обычно в форме усеченного или простого конуса, близкие аналогичным изделиям из слоя Сиалк 1 и, возможно, служившие миниатюрными пестиками. Частые находки костей джейранов являются показателем роли охоты в жизни былого населения Джейтуна, перешедшего к земледелию уже во второй половине V тысячелетия до н. э.

Работы 1957 г. подтвердили, что поселение Джейтун относится к ранним этапам той своеобразной позднеолитической культуры, более поздние фазы которой представлены на поселении Чопан-депе. Вместе с тем полученные результаты дают впервые наглядную подтвержденную документальными данными археологического порядка картину жизни самого поселения Джейтун. Учитывая, что оно является древнейшим земледельческим поселением в СССР и одним из древнейших в мире, особый интерес представляет вскрытая его архитектура, особенно принимая во внимание, что аналогичная нижних слоев тепе Сиалк в Иране почти неизвестна, а архитектура Джармо и Хассуны в Ираке дает уже более развитые комплексы. Можно считать, что вскрытие на Джейтуне дома с однокомнатным жильем является основной ячейкой расселения его обитателей. Они расположены достаточно изолированно друг от друга и не образуют сложной системы многокомнатных массивов подобно тому, как это прослеживается на некоторых более поздних памятниках Южного Туркменистана, а на Ближнем Востоке началось, видимо, с Хассуны. Невольно возникает вопрос, не связан ли архаический характер архитектуры Джейтуна с тем, что он представляет собой наиболее ранний из известных пока памятников сырцовой архитектуры, когда, с одной стороны, еще не были открыты все возможности нового строительного материала, а с другой — планировка была связана с замкнутой пещерой или отдельно стоящей хижиной.

Энеолит (IV тысячелетие до н. э.)

В 1957 г. в широком масштабе были проведены исследования своеобразных энеолитических культур Южного Туркменистана, изучение которых ЮТАКЭ вызвало большой интерес среди специалистов как СССР, так и зарубежных стран Востока и Запада.

В весеннем сезоне были продлены систематические раскопки на Кара-депе близ Артыка, начатые в 1955 г. и продолжавшиеся в 1956 г. На стратиграфическом раскопе 1 (площадью в 400 м²) вскрыто здание четвертого сверху культурного слоя Кара 4, относящееся к комплексу культур типа Намазга II. Выявившаяся планировка указанного здания показала, что она заметно отличается от аналогичной в сооружениях Кара 3, тогда как планы зданий в культурных слоях Кара 3 и Кара 2 почти повторяют друг друга. Возможно, что между временем бытования зданий в слоях Кара 4 и Кара 5 был более значительный перерыв, чем в слоях Кара 3 и Кара 2. Среди бытового инвентаря культурного слоя Кара 4 отмечается относительно широкое распространение полихромной керамики типа западного варианта культуры Намазга II. К числу керамики с черной росписью на красном фоне относится, между прочим, оригинальный сосуд с закраиной, оканчивающейся четырьмя углами, что придает ему форму «салатницы». Среди толстостенной керамики одной из самых характерных форм является подпрямоугольный сосуд с прямыми стенками и двумя выступами-ручками на узких сторонах.

Кроме здания, было вскрыто 21 ямное погребение, относящееся по времени к культурному слою Кара 3. Все скелеты лежали на правом боку головой на ю-ю-з. В десяти погребениях имелся скромный инвентарь обычно в виде одного сосудика и нескольких бусин. Для своего времени можно назвать относительно «богатым» погребение № 75, в котором у скелета обнаружены на шее, плечах и запястьях рук (в

виде браслетов) 443 бусины в основном из гипса, сердолика, отчасти лазурита. Несколько бусин обтянуто тонким слоем плакированного серебра, а одна бусина была из золота.

На основании полученных ЮТАКЭ трехлетних наблюдений установлено, что к энеолитической поре культуры Намазга II на изучаемом памятнике относятся три последовательных культурных слоя — Кара 2, Кара 3 и Кара 4.

Одним из новых объектов археологических раскопок был избран ранее неизвестный памятник, открытый в 1957 г., расположенный в 6 км к северо-западу от ж.-д. ст. Геоксюр и носящий название Дашлыджи-депе. Он являлся самым восточным из известных к тому времени памятников группы культуры Намазга I (Анау Iб) и представлял собой остатки поселения в виде бугра двухметровой высоты, площадью, включая оплывы, около 1200 м². Показателем былого довольно широкого заселения прилежащей территории являются скопления керамики, встречающиеся на такырах в нескольких пунктах на расстоянии до 1,5 км от бугра в разных направлениях. Холм Дашлыджи-депе намечено раскопать полностью, причем большая часть работы осуществлена в 1957 г. В дальнейшем предстоит вскрыть лишь самый нижний культурный слой мощностью от 30 до 40 см.

Работами 1957 г. в остатках поселения установлено два культурных горизонта. Строения верхнего слоя, сложенные из сырцовых кирпичей двух размеров (36—38×24×10 см и 46—48×24×10 см) и нарушенные позднейшими ямами и погребениями, сохранились плохо. В нижележащем втором горизонте удалось довольно хорошо выявить планировку центральной части этого небольшого поселения, состоявшую из трех жилых комплексов. Их постройки выведены из сырцовых кирпичей таких же размеров, как и в верхнем культурном слое. Планировка характеризуется отсутствием строгой регулярности с подчинением общей оси, искривленностью направлений стен, иногда незначительной их толщиной в один кирпич (около 25 см), небольшими размерами помещений, из которых одно, будучи жилым, имело площадь 2×2 м. Самая крупная из жилых комнат с большим очагом и суфой достигает 30 м² (6×5 м). К жилым комнатам примыкают хозяйственные помещения.

Среди керамической утвари встречены хум с прямыми стенками, толстостенные конические миски, тонкостенные маленькие конические чашечки, полусферические чаши и горшковидные сосуды. При изготовлении толстостенных сосудов к глине подмешивался мелкий саман. Тонкостенные предметы утвари делались из глины без всяких примесей и подвергались заглаживанию, а также лощению. Роспись производилась темно-коричневой и просто коричневой краской обычно по зеленовато-белому, реже по красному фону. Встречается роспись в виде горизонтальных рядов треугольников со сплошной заливкой, перекрещивающихся лент, угловатых шевронов и как бы веток. На одном фрагменте можно рассмотреть изображение ног животного или двух человеческих рук с растопыренными пальцами. На Дашлыджи-депе обнаружены также конические и грушевидные пряслица, кремневые отщепы, обломки медных изделий, фрагмент женской статуэтки, а на полу помещения № 16 лежавшие кучкой вылепленные из необожженой глины 13 фигурок животных, среди которых одна явно изображает козла.

Другим раскапывавшимся в 1957 г. объектом, который эпохиально

относится к культуре Намазга II, явилось Ялангсы-депе, находящееся в 14 км к юго-востоку от ж.-д. станции Геоксюр и представляющее собой бугор до 5,5 м высотой. Остатки некогда бывшего здесь относительно небольшого поселения занимают площадь, считая с оплывами бугра, около 8 500 м². Культурные слои начинаются на глубине 0,6 м от уровня современной поверхности. В 1957 г. полностью раскопана часть поселения, сохранившаяся в верхнем культурном слое, соответствующем культурному ярусу Геоксюр 3. Здесь обнаружена группа, видимо, из трех стоящих рядом однокомнатных жилых домов, окруженных хозяйственными постройками. Стены выведены из сырцового кирпича размером 36—34×27—25×10 см. В двух жилых комнатах-домах, из которых самая большая имеет около 36 м², обнаружены прямоугольные двухчастные очаги. Среди хозяйственных помещений три овальные в плане комнаты диаметром от 3,5 до 4,5 м. В северо-западной стороне раскопанной части поселения оказалось сооружение, близкое по типу к обнаруженному на Джейтуне и состоящее из десяти низких параллельно идущих перегородок, из которых только пять соединены в юго-восточном конце поперечной стеночкой. Между помещениями № 7 и 8 оказался завал из крупных кусков обгоревшего кирпича, возможно, от керамического горна.

Керамическая утварь верхнего слоя Ялангсы-депе представлена главным образом хумами, банкообразными сосудами с подкошенной придонной частью, полусферическими чашами. В черепке отмечена примесь мелкорубленого самана. Роспись производилась темно-коричневой краской по зеленовато-белому и реже по красному фону. Преобладающий мотив — четыре параллельные линии вдоль венчика, иногда с помещенными между ними одиночными вертикальными черточками или небольшими треугольниками. Хумы расписывались шевронами в виде углов, обращенных вершинами вниз. При раскопках верхнего слоя были встречены три фрагмента с полихромной росписью западного варианта типа Кара 4 и Кара 5.

Кроме керамической утвари, найдено несколько фигурок из необожженной глины, изображающих животных крупного и мелкого домашнего скота, в том числе статуэтка быка с крупными, направленными вперед рогами. Среди встреченных четырех примитивных женских фигурок из обожженной глины одна является уникальной. Это самая крупная статуэтка из числа найденных до 1957 г. на раннеанауских поселениях. Ее длина 28 см. Она представляет собой полусидящую, несколько откинувшуюся назад, женскую фигуру с признаками беременности. Статуэтка покрыта красным ангобом. Черной росписью на шее обозначены три нити округлых бус и две полосы. Ниже пояса и до колен с обеих сторон той же краской показана несимметричная татуировка в виде 13 «солярных» кругов и четырех линейных уголков. К числу уникальных относятся два медных предмета, очень редких на памятниках энеолитической поры: один из них — топор, второй — наконечник копья.

Нижние слои Ялангсы-депе, судя по отдельным находкам, по-видимому, синхронны поздним слоям культуры Намазга I. Раскопки 1957 г. выявили в верхнем слое интересную картину небольшого энеолитического поселения, в котором нет признаков единого архитектурного комплекса, а налицо расселение нескольких семей в однокомнатных жилых домах, что, вероятно, связано с отмеченным выше типом поселения каменного века на Джейтуне.

Крупные раскопочные работы большой научной значимости осуществлялись на начатом раскопками в 1956 г. и расположенном в 7 км восточнее ж.-д. станции Геоксюр бугре Геоксюр-депе. Имеющий максимальную высоту около 10 м и занимающий площадь примерно в 10 га, этот объект представляет собой остатки самого большого в древности поселения в низовьях Теджена и, видимо, являлся центром былого оазиса.

В 1957 г. удалось удачно разрешить задачу стратиграфического изучения данного памятника, условно зашифрованного как Геоксюр I. Заложенный в пределах раскопа шурф был опущен сквозь всю толщу культурных наслоений до встреченных на глубине 10 м от поверхности бугра песчаных аллювиальных отложений. Четко выявлены десять культурных слоев, соответствующих десяти строительным комплексам. В пяти верхних слоях стены домов являлись одновременно и стенами шурфа, причем в четвертом слое были расчищены впущенные из вышележащего два скорченных погребения, из которых одно ориентировано головой на запад-юго-запад, а второе — на восток-юго-восток. Нижние пять строительных комплексов наглядно разграничены глиняными промазками полов. Отсчет слоев велся сверху вниз.

Комплекс находок самого нижнего десятого слоя относится к группе культуры Намазга I (Анау Iб). Аналогичная керамика с темно-коричневой росписью по зеленовато-белому фону в виде рядов треугольников со сплошной заливкой и ленточного орнамента характерна для 8, 9-го слоев с той лишь разницей, что треугольники становятся более удлиненными, а их ряды идут среди параллельных линий. Комплекс 7-го слоя соответствует верхнему слою Ялангсы-депе. В 6, 5, 4-м слоях встречена полихромная керамика восточного варианта типа Намазга II, причем в 6-м попадается также расписная керамика верхнего слоя Ялангсы-депе, а в 5-м найдены, между прочим, два колесика от модели повозки. В 3-м слое образцов расписной керамики не обнаружено, полихромная же керамика 2-го и 1-го слоев принадлежит характерному геоксюрскому комплексу. В результате работ 1957 г. стало возможным выявить следующие соотношения геоксюрской стратиграфической колонки с ранее установленной ЮТАКЭ стратиграфией Кара-депе и Намазга-депе, что является значительным достижением.

<table>
<tr><th>Геоксюр</th><th>Кара-депе</th><th>Намазга-депе</th></tr>
<tr><td>1</td><td>1</td><td rowspan="6">III</td></tr>
<tr><td>2</td><td rowspan="2">2</td></tr>
<tr><td>3</td><td rowspan="2">3</td></tr>
<tr><td>4</td><td rowspan="4">II</td></tr>
<tr><td>5</td><td rowspan="3">4</td></tr>
<tr><td>6</td><td rowspan="3">5</td></tr>
<tr><td>7</td><td rowspan="4">I</td></tr>
<tr><td>8</td><td rowspan="3"></td></tr>
<tr><td>9</td></tr>
<tr><td>10</td></tr>
</table>

По мере раскопок ЮТАКЭ целых археологических комплексов, получения новых фактов и наблюдений окончательно разрушилась надуманная ашхабадскими археологами-краеведами и построенная на шаткой базе подъемных фрагментов керамики упрощенная схема в виде мнимых 11 стадий якобы единообразного и одновременно протекавшего

по всему Южному Туркменистану первобытнообщинного строя. Наглядно выявляется сложный неравномерно проходивший здесь процесс подлинной истории развития общества (с отставанием некоторых районов), со многими локальными и племенными особенностями, нашедшими отражение в археологическом инвентаре.

Принципиально важные новые наблюдения дали вскрытия верхнего слоя бугра Геоксюр I (по расширенным раскопкам в 1956, 1957 гг.), расположенному в юго-восточной части объекта. Общая вскрытая площадь поселения верхнего слоя превышает 2000 м², что позволило лучше представить его былую планировку. Дополнительные вскрытия ряда помещений вдоль обнаруженного в 1956 г. прохода («улочки») выявили, что последний, уже достигший в откопанной части по длине около 60 м, будучи образован границами застройки нескольких жилых комплексов, тянется с изломами под разными углами. От него отходят в перпендикулярном направлении аналогичные проходы, что позволяет надеяться на уточнение внутренней планировки поселения путем установления при дальнейшем расширении раскопа замкнутых жилых массивов и хозяйств.

Новым явилось обнаружение во втором раскопе (площадь около 850 м²) на значительном незастроенном участке своеобразных погребальных камер. Их территория с южной стороны отгорожена от жилых построек стеной, прослеженной с запада на восток на протяжении 22 м и имеющей два прохода, а внутри она разбита на отсеки двумя идущими примерно с юга на север стенками. В одном из них находятся две погребальные камеры (А и Б); во втором — одна (В) и в третьем — одна (Г). Одни из них прямоугольные, другие — овальные в плане (при максимальном диаметре около 2 м), сложенные из сырцовых кирпичей 40×26×10 см, причем с высоты около 40 см намечается как бы напуск ложного свода. Максимальная высота сохранившейся кладки — около 1,15 м. Поскольку полы одновременных жилых построек и погребальных камер находятся на одном уровне, следует думать, что последние должны были возвышаться над поверхностью земли, даже если их присыпали землей.

В сильно разрушенной камере Г кости погребенных не сохранились. В камере А обнаружено четыре скелета, лежавших в скорченном положении головой на юго-юго-восток. При трех из них находилось по одному керамическому сосуду и по одной мелкой поделке. В камере В было, судя по черепам, не менее шести захоронений. Наглядную картину последовательного совершения захоронений на протяжении длительного времени удалось проследить при вскрытии камеры Б. Здесь для размещения новых покойников сдвигались в сторону ранее погребенные, иногда находившиеся уже в полуистлевшем состоянии. Всего в камере В восемь захоронений.

До 1957 г. на территории Южного Туркменистана не было известно камерных погребений поры первобытнообщинного строя. Впервые открытые ЮТАКЭ на бугре Геоксюр I, они дают совершенно новый тип погребального обряда, отличный от обычных захоронений в могилах, характерных также для Геоксюр-депе, причем некоторые из них находятся в непосредственной близости от погребальных камер. Наконец, новым является факт наличия именно коллективных захоронений в «склепе», предназначавшемся, может быть, для членов одной семьи. Объясняется ли бытование на поселении верхнего слоя Геоксюр I двух типов погребений имущественным неравенством, моментами этнического по-

рядка или другими причинами будет зависеть отчасти от результатов обработки добытого здесь ЮТАКЭ антропологического материала.

Среди сделанных в 1957 г. на данном объекте многочисленных находок особо заслуживают быть отмеченными следующие терракотовые фигурки:

а) женские торсы с налепами трех кругляшков на каждом плече;

б) женский торс, на груди которого имеется налеп в виде бараньей головы;

в) женский торс с изображением на груди человеческой фигурки («Мадонны»).

Осуществление в 1957 г. раскопок на ряде памятников былого оазиса культурных земель к северу и юго-востоку от ж.-д. станции Геоксюр, проведение маршрутных исследований прилежащих районов, в частности в направлении на Серахс, изучение совместно с геологом Л. Г. Добриным ряда вопросов по истории возможного в древности орошения в низовьях Теджена позволяют теперь наметить некоторые этапы освоения человеком в пору энеолита земель дельты Теджена.

В первой половине IV тысячелетия до н. э. в пору бытования культуры поздних слоев Намазга I (Анау Iб) раннеземледельческие племена, потомки носителей джейтунской культуры, двигавшиеся из района Ашхабад — Каахка, достигли древней (инклабской) дельты Теджена. Здесь, вдоль одного из ее былых притоков, затухающего в пределах оазиса (на что указывают глинистые осадки в районе Дашлыджа-депе и древние озерные отложения непосредственно под такырной коркой) возникли поселения на месте Дашлыджа-депе, Геоксюр-депе и, по-видимому, Ялангсы-депе. Характерная керамика, бывшая в употреблении жителей этих поселений, свидетельствует о родственности первых насельников Геоксюрского оазиса с земледельческими племенами подгорной полосы Копетдага. В середине и второй половине IV тысячелетия до н. э., в пору существования культуры ранних слоев Намазга II, намечается расцвет оазиса к югу от современного полотна железной дороги, где одновременно сосуществуют семь поселений с крупным центром на месте Геоксюр-депе. Одновременно застраивается расположенное в нижнем течении поселение Дашлыджа-депе, вероятно в связи с тем, что сюда уже не доходила вода, разбиравшаяся на орошение обитателями вновь возникших упомянутых выше пунктов. Сложение значительного оазиса в районе Геоксюр привело к тому, что в культуре населявших его племен появились черты значительного своеобразия по сравнению с культурой поселений подгорной полосы Копетдага. Расписная керамика особого своеобразия достигает в этом несколько изолированно расположенном оазисе в пору культурных слоев Намазга II (Геоксюр 2 и 1). На грани IV и III тысячелетий происходит его запустение без каких-либо археологически улавливаемых следов катастроф или стихийных бедствий. По-видимому, обитатели постепенно покинули свои дома из-за прекращения тока воды по ранее орошавшему их земли потоку одного из многих русел Теджена. Гибель Геоксюрского оазиса не могла не явиться значительным ударом для раннеземледельческих племен, двигавшихся вдоль Копетдага в восточном направлении. Это движение в IV тысячелетии до н. э. связано с резким скачком в развитии хозяйства при переходе от собирательства к земледелию и скотоводству. Увеличение количества поселения привело к тому, что племена, носители нового прогрессивного вида хозяйства, осваивают значительные территории. Этот процесс в V—IV тысячелетии до н. э. происходил на огромной тер-

ритории Ближнего Востока от побережья Средиземного моря до Инда. Систематическое изучение за последние годы энеолитических культур Южного Туркменистана позволяет теперь включать его в общий процесс истории всего Древнего Востока.

Бронзовый век

В историко-топографическом отношении особый интерес представляет открытие при маршрутном обследовании района от Серахса до Теджена остатков поселения на месте Хапуз-депе, расположенного южнее ж.-д. станции Джуджуклу. Здесь собраны кремневые наконечники стрел, глиняные пряслица, куски медных поделок, фрагмент каменной печатки, керамика, в том числе расписная типа культур Намазга III и IV. Подъемный материал свидетельствует, что поселение это было вновь частично обжито после того в пору бытования культур поздних слоев Намазга V и ранних слоев Намазга VI. Керамика этого времени с Хапуз-депе очень близка к глиняной утвари поселения Аучин-депе в дельте Мургаба. Поселение Хапуз-депе является наиболее восточным памятником времени Намазга III и Намазга IV из числа известных в Южном Туркменистане. По-видимому, во второй половине «бронзового века» в пору позднего Намазга V — раннего Намазга VI через район Хапуз-депе осуществлялись связи между общинами подгорной прикопетдагской полосы и общинами, начавшими в это время, как установлено ЮТАКЭ, освоение земель дельты Мургаба.

Крупные раскопочные работы по изучению «бронзового века» в 1957 г. были осуществлены на Кара-депе у Артыка и заключались во вскрытии верхнего слоя поселения в значительных масштабах на площади около 2200 м². В результате соединения раскопок № 3, 4 1956 г. удалось выявить и снять план древнего поселения на территории почти в 3000 м², на которой обнаружены две значительные улицы, площадь, 87 помещений и 7 дворов. Среди полученного разнообразного инвентаря обращает на себя внимание большое количество шильев, сделанных из трубчатых костей животных, что, наряду с другими фактами, является наглядным показателем большой ценности в пору раннего бронзового века металлов. В числе находок имеются медный совкообразный инструмент, глиняные колесики от моделей повозок, каменные и керамические пряслица, глиняные статуэтки животных и людей, разнообразная расписная керамика, в том числе два с половиной десятка целых сосудов. Среди росписи впервые в Южном Туркменистане встречены изображения птиц с распростертыми крыльями, возможно, орлов. Этот мотив представляет интерес генетическими связями с расписной керамикой Центрального (Сиалк) и Юго-Западного (Сузы, Тали-Бакун) Ирана. Благодаря раскопу на большой площади удалось впервые сделать наблюдения над распространением типов и мотивов расписной керамики в различных частях поселения. Так, например, в домах одного строительного массива (раскоп № 3) преобладают изображения птиц с солярными кругами, тогда как в другом жилом комплексе (раскоп № 4) они не обнаружены, но зато наличествуют отсутствующие в первом изображения орлов и коров с длинными туловищами типа «кулли».

Уникальной для археологических комплексов культур «расписной керамики» является находка керамической статуэтки высотой 15 см, изображающей стоящую фигуру мужчины с прямоугольными плечами, с длинной узкой, но двухрядной бородой, с длинной косой на затылке и в небольшой шапочке. Очевидно, такой же, но более тщательно сде-

ланной фигурке принадлежит обнаруженная на Кара-депе в 1956 г. головка в шлеме. Воспроизводя какое-то местное мужское божество, новая статуэтка, с одной стороны, дает возможность уловить связь с месопотамской скульптурой, а с другой, учитывая ранее выявленные ЮТАКЭ материалы, позволяет ставить вопрос о сравнительно широком распространении среди древнеземледельческих племен Южного Туркменистана образа мужского божества.

При раскопке верхнего слоя Кара-депе 1 (Намазга III) в 1957 г. было обнаружено также пять погребений, из которых в трех скелеты были обращены головой на юго-юго-запад, а в двух — на северо-северо-восток и северо-северо-запад, в то время как в нижележащих захоронениях времени культур Намазга I и Намазга II строго соблюдалась юго-юго-западная ориентация. Если это сопоставить с установленным ЮТАКЭ появлением в росписи керамики Кара-депе 1 сиалко-гисарских элементов (изображения птиц, козлов, пятнистых животных и т. д.), возможно, что оба явления отражают проникновение в эту пору в район Кара-депе нового этнического элемента.

Разнообразный массовый материал, полученный на Кара-депе в результате широкого масштаба раскопочных работ 1955—1957 гг., а также обработка и осмысление сделанных наблюдений, делают Кара-депе у Артыка наиболее хорошо изученным памятником эпохи первобытно-общинного строя на территории Южного Туркменистана и всей Средней Азии.

Особо отрадным достижением за отчетный период явилось то, что экспедиция, неоднократно в течение нескольких лет пытавшаяся осуществить карбоновый анализ объектов с памятников родового общества, в конце 1957 г. получила соответствующее заключение специальной лаборатории ЛОИИМК о части материала из относящегося к ранней поре «бронзового века» верхнего культурного слоя Кара-депе из Артыка. Результатом анализа этот слой датирован 3000 г. до н. э. с допуском колебаний в 300 лет. Таким образом, дававшееся ранее ЮТАКЭ определение во времени оказалось подтвержденным результатами применения современного физического метода. Вместе с тем это первый случай в исследовательской практике всех Среднеазиатских республик в части определения древности археологических культур при помощи изучения интенсивного распада радиоактивного изотопа углерода в материалах биологического происхождения.

Рабовладельческое общество

В части изучения памятников раннерабовладельческого общества интересные данные были выявлены в 1957 г. во время разведочного маршрутного обследования Теджено-Мургабского междуречья, включая северную часть Серахского района. На 98-м километре пути из Теджена в Серахс, к западу от дороги, на краю поймы реки Теджен были обследованы остатки поселения I тысячелетия до н. э. В нижних слоях его содержится материал культуры типа Яз-депе I, а в верхних — Яз-депе II и III. Целая группа поселений с керамикой группы культур Яз-депе II и III была выявлена к юго-востоку и северо-западу от Теджена. Таким образом, устанавливается, что район этого нынешнего населенного пункта к середине I тысячелетия до н. э. был заселен сравнительно густо.

Осуществление ЮТАКЭ за предшествующие годы около десятка опущенных до материка стратиграфических шурфов в северной части

мервского городища Гяур-кала показало, что в Эрк-кале и на прилежащей территории в нижних антропогенных слоях, иногда лежащих непосредственно на туюне, заключены археологические материалы середины I тысячелетия до н. э., чем документально доказывается наличие здесь в ту пору значительного по площади древнемаргианского поселения. Согласно средневековой исторической традиции, отмеченной у ряда восточных авторов с X в. (Ибн-ал-Факих, Истахри, Худуд-ал-алем, Якут, Закария Казвини, Димишки, Хамдаллах Казвини и др.), цитадель Мерва (Эрк-кала) старше шахристана (Гяур-кала) и была отстроена до появления в Средней Азии армии Александра Македонского, когда якобы еще жил третий легендарный владетель Персии Тахмурас или Техумерт. В правление этого государя народ как будто впервые обучился изготовлять пряжу из овечьей шерсти, делать одежды и ткать ковры. Учитывая уже упомянутые выше многочисленные археолого-стратиграфические наблюдения, слишком большие для древней цитадели размеры Эрк-калы, занимающей площадь около 12 га (т. е. больше, чем Рим на Палатинском холме), текст Ахмедатуси (XII в.), согласно которому Тахмурас основал Мерв и построил там, кроме того, кухендиз, можно предположить, что крупная обнесенная многогранной стеной Эрк-кала первоначально не была цитаделью, а являлась городищем раннерабовладельческого города. Находящийся же в середине ее большой искусственный бугор (около 30 м высотой в оплывшем состоянии), на вершине которого позднее размещался дворец арабских правителей, в первые века существования древнего Мерва был его кухендизом.

Проводимые осенью 1957 г. разведочные земляные работы подтвердили правильность высказанного предположения. Заложенный стратиграфический раскоп на северном склоне центрального бугра Эрк-калы ниже античных слоев времени расцвета рабовладельческого общества выявил, что основание «бугра» представляет собой мощную искусственную платформу, сложенную чередующимися рядами пахсы и кладок из крупного продолговатого сырцового кирпича древнемаргианского типа. В верхних ярусах эти кирпичи с большой примесью песка имели размеры от 54×24×10 см до 57×26×10—11 см, а в нижних — сделанные из туюна кирпичи варьируют в размерах от 48×26×10 см до 60×30×10 см, хотя изредка встречались и более короткие, вероятно, обломанные экземпляры. Из-за наступления непогоды в 1957 г. дойти до основания не удалось, но уже в выявленной части обнаружена платформа первоначального мервского кухендиза, которая имеет более 14 м высоты.

Особое внимание в соответствии с «Положением» ЮТАКЭ уделялось изучению рабовладельческого общества времени его расцвета. Внутри парфянской крепости Митридатокерт (городище Старая Ниса) с 29 июня по 3 сентября осуществлялось вскрытие в южном архитектурном комплексе крупного сооружения, условно именуемого «башней», примыкающего с западной стороны к уже откопанному «круглому храму» и находящегося несколько южнее парадного квадратного зала с четырехлопастными колоннами посередине. Изучавшийся в 1957 г. объект даже в оплывшем состоянии на несколько метров выше всех других, входящих в состав южного архитектурного комплекса. При работах, осуществлявшихся здесь в 30-х гг. ашхабадскими археологами-краеведами без научной документации, памятник был искалечен двумя глубокими перпендикулярно его рассекшими траншеями и большим числом менее крупных с подбоями, изрезавшими объект в разных на-

правлениях. Все это очень затруднило проведение подлинно научного исследования, сосредоточенного в 1957 г. преимущественно в северо-западной части памятника. Раскопками были вскрыты остатки сооружений двух ярусов. В основе нижнего яруса мощный массив как будто сплошной платформы из сырцовых кирпичей, в основном имеющих размеры 40×40×13 см. Массив почти квадратный в плане со сторонами в 20 м при высоте 8 м. Площадь его 400 м² совпадает по размерам с внутренней площадью упомянутого выше парадного квадратного зала. С северной, западной и южной сторон вокруг этого массива-платформы прослежен обводной коридор шириной от 2,70 до 2,90 м при высоте от пола до замковой части свода около 6 м и до 26 м длины по каждой из сторон платформы. По-видимому, продолжение этого коридора будет установлено при раскопках с восточной стороны, где снаружи отмечаются следы некогда ведшего в него входа. Проход намечается и в северном отрезке коридора, причем к западу от него расположено помещение со следами красной штукатурки. На одном из этапов функционирования памятника внутри обводного коридора до высоты уровня пят сводов по обе стороны были выведены дополнительные кирпичные кладки с проложенными в них бревнами, что сузило коридор до 0,95 м. Одновременно стены его покрываются белой алебастровой штукатуркой. Обнаруженные арочные своды сделаны из слегка клинчатых половинчатых кирпичей в 40 см высоты при 24 см в верхней части и 20 см в нижней с тремя рядами ямочек, сделанных на одной из поверхностей, для противодействия скольжению. Наблюдения за расчисткой обводного коридора выявили, что на высоту до 1 м от пола он заполнен рыхлым отвалом земли с зольными прослойками. Над ним лежит почти метровый слой, представляющий собой завал сырцового кирпича и перекрытый полуметровым слоем зольного отвала с черными прослойками сажи. Выше расположен натечно-надувной слой, поднимающийся до уровня пят сводов. Указанная стратиграфия, прослеженная на всем протяжении вскрытых частей коридора, знаменует несколько последних этапов в истории заброса и запустения памятника.

Наблюдения над остатками второго яруса показали, что над платформой возвышались помещения как бы второго этапа, полы которых располагались почти на 1,75 м выше замковой части сводов коридора. Изучение в северо-западной части следов трех таких комнат, из которых одна приходилась над северным отрезком коридора, а две — над западным, выявило, что сооружения второго яруса занимали более значительную площадь, чем площадь платформы. Установлено также, что некоторые помещения появились позднее основного сооружения, так как их наружные стены образуют внешний отступ от плоскости наружных стен обводного коридора. Помещения второго этажа были покрыты алебастровой штукатуркой. В северо-восточной части расчищена небольшая площадка (2×1,5 м), имеющая глиняную промазку пола со скоплением на нем осыпавшейся белой алебастровой штукатурки и примыкающая к остаткам северной стены. Здесь встречены кусочки той зеленой глины, из которой изготовлены крупные парфянские статуи квадратного парадного зала. Среди прочих находок — фрагменты терракотовых акантов и один вотивный алебастровый шар. Проведенная нивелировка первоначальных полов, расчищенных в 1957 г. частей коридора, парадного квадратного зала с колоннами и круглого зала показала, что изучаемый памятник возводился с уровня одной для всех трех объектов строительной площадки, по-видимому, одновременно или

почти одновременно с двумя другими, ранее раскопанными и, во всяком случае, в тесной планировочной увязке с ними, если даже не по единому замыслу при создании южного архитектурного комплекса.

В процессе дальнейшего выяснения исторической топографии территории Гяур-калы «Старого Мерва» с целью исследования городских стен времени рабовладельческого общества в 1957 г. начато было стратиграфическое изучение разреза у юго-западного угла городища, где для орошения нескольких гектаров его внутренней площади неким Батмановым еще в дореволюционное время был сделан по арыку отвод воды из ближайшего магистрального канала. В осеннем сезоне работ на южной стороне разреза в результате частичных раскопов удалось сделать ряд существенных наблюдений.

Высшая точка теперешнего гребня былой городской стены возвышается над уровнем дна арыка на 19 м, а, считая с внутренним и внешним оплывом, ее протяжение с востока на запад — 88 м. В нижних ярусах на значительном расстоянии с востока на запад обнаружена пахсовая кладка, обращенная наружной стороной на север, где она разделана с определенным уклоном, как «сырт» на каналах. Возможно, что это является признаком наличия здесь в древности ввода воды в город из магистрального канала. В этом же разрезе работами 1957 г. впервые были выявлены остатки первоначальной стены Мерва поры греческого владычества, получившего в III в. до н. э. название Селевкии, а затем вскоре переименованного в Антиохию Маргианскую в честь Антиоха I Сотера (280—261), по распоряжению которого и был восстановлен город. Ось городской стены времени Антиоха I оказалась проходящей на 12 м западнее оси стены ранне-феодального периода. Ее основание составляет пахса с прослойками кирпича, в тесто которого добавлено много песка. Примерно с уровня, лежащего на 4 м выше дна современного арыка, начинается регулярная кирпичная кладка стены, имеющей в основании ширину около 5 м и прослеженной по высоте почти на 7 м. Выведена она с некоторым наклоном к середине из квадратного кирпича, варьирующего в размерах от 38×38×10 см до 42×42×12 см. В числе попавшей в ее толщу керамики оказалась одна маргианская чашечка. Позднее, на грани II—I вв. до н. э., после прочного завоевания Маргианы при Митридате II (124—87) Мерв, превратившийся в пограничную крепость государства Аршакидов, был опоясан стеной еще более сильного профиля. Судя по ее остаткам, она имела в основании около 9,5 м, полностью перекрыла оказавшуюся внутри ее стену Антиоха, была выведена выше уровня кирпичной кладки последней даже своим основанием из двухметровой пахсы с подкосом (не считая капитальной забутовки). Ее же кирпичная кладка прослежена в высоту более чем на 6,5 м, где ширина ее достигает примерно 7,5 м. Кроме того, на западном фасе обнаружена кладка, отступающая наружу почти на 6 м и, по-видимому, принадлежащая прямоугольной башне. Кладка стены парфянского времени выполнена из сырцового квадратного кирпича почти тех же размеров, что и стена Антиоха.

В 1957 г. продолжались раскопочные работы привратного замка парфянского времени у южной стены Эрк-калы, несколько восточнее места бывших ворот цитадели. Уже исследования 1956 г. показали, что мы имеем дело с крупным сооружением сложного плана, выявившиеся помещения которого занимают площадь около 600 м². Исследования 1957 г. убеждают, что его размеры были значительно больше первоначально предполагаемых. Выяснено, что составляющая его основание ог-

ромная платформа лежит примерно на 20 см ниже уровня полов замка, сложена из сырцовых кирпичей, варьирующих в своих размерах от 40×40×13 см до 42×42×16 см, и выведена с наклоном в 60°. Установление ее юго-западного угла, а также и то, что отсюда западная граница платформы отходит под прямым углом в северном направлении, свидетельствуют, что между нею и западным коридором замка имеется площадь почти в 9 м ширины, что XXI помещение отнюдь не является крайним и что западнее его под позднее появившимися средневековыми помещениями VI—X следует ожидать остатки ряда комнат, относящихся к парфянскому замку. Что идущий с запада на восток отрезок обводного коридора XXI также не является границей замка, подтверждается нахождением в 1957 г. у его западного конца дверного проема, который выводит в новое раскопанное к северу от него помещение XXIII с покрытыми белой алебастровой штукатуркой стенами и с полом, расположенным в двух уровнях. В указанном проеме шириной около 0,9 и высотой 2,26 м впервые встречена сохранившаяся парфянская рама дверного косяка, сделанного из арчевых балочек и скрепленного шипами подквадратного сечения. Частичная расчистка некоторых помещений показала, что они функционировали при парфянах в течение длительного времени, о чем говорят выявленные в них полы на разных уровнях, признаки недоделок и закладок проходов, устройство вместо них ниш и другие наблюдения. Самой крупной оказалась центральная комната (XX), квадратная в плане, со сторонами 8,5 м (площадь около 75 м²). Раскопанное XXII помещение позволило установить точную его высоту от пола до потолка, которая равна 6,35 м. Ведущая вдоль его западной стены на второй этап под углом в 35° лестница имела всего лишь 14 ступеней. Они начинаются теперь в 0,9 м от полностью раскрытого прохода в помещение XII («башня») и имеют более 40 см ширины и от 25 до 30 см высоты. Тщательная разборка закладок внутренности помещений дала возможность зарегистрировать несколько новых не встречавшихся ранее клейм на кирпичах и отметить большое количество находок глиняных биконических ядер для пращи, а также фрагментов керамики маргианского типа середины I тысячелетия до н. э., наконец, несколько типов бронзовых наконечников стрел. Главным достижением является то, что благодаря внимательному археологическому надзору в швах кирпичных забутовок и в кладках позднейших наружных стен были найдены в нескольких местах случайно оброненные и попавшие туда медные монетки III в. н. э. Определение их помогло установить, что парфянский замок подвергся капитальной переделке, реконструкции (закладка внутренности комнат и коридоров, обведению новыми наружными стенами с декоративными стреловидными бойницами и прямоугольными наружными нишками) около середины III в. н. э. в правление сасанидского государя Шапура I (240—271). Как известно, при нем в разных частях Ирана отмечается усиленное строительство дворцов и крепостей. Именно мелким халкам Шапура I в основном принадлежат монеты, встреченные ЮТАКЭ на рассматриваемом объекте.

В 1957 г. удалось установить и второй крупный период в истории парфянского замка Эрк-калы и даже определить, что он приходится на время раннего феодализма, предшествующего арабскому завоеванию. В процессе изучения сплошных кирпичных кладок северного коридора выяснилось, что первоначальная стена парфянского замка имела здесь толщину всего в 0,8 м, что новая стена, протянутая вдоль нее при Ша-

пуре I в качестве «футлярной», достигает в толщину 1,7 м, а далее снаружи к ней вплотную примыкает третья, более поздняя стена шириной 1,9 м, выведенная из кирпичей 39×39×10 см, также с наружными декоративными бойницами и покрытая глиняной штукатуркой с саманом. При разборке сохранившегося гребня этой стены из кладки была извлечена медная монета, чеканенная при сасаниде Хормизде IV (579—590), которая своим наличием показывает, что третья наружная стена появилась не ранее конца VI в. н. э. В 1957 г. установлен также факт, что край сплошной кладки огромной платформы у замка, сложенной из сырцовых кирпичей, варьирующих от 38×38×10 см до 40×40×11 см, обнаружен на расстоянии 19,6 м севернее фасада вышеупомянутой третьей стены. Из отдельных находок на раскапывавшемся объекте следует отметить 1) штукатурку, покрытую розовой краской; 2) крупный кусочек ткани III в. н. э.; 3) уникальную терракотовую фигурку того же времени, изображающую полуобнаженную служительницу зороастрийского культа; 4) мужское бронзовое кольцо-печать с изображением льва, повергнувшего на землю быка и 5) найденный у центрального бугра Эрк-калы фрагмент зубчатого парфянского жженого кирпича, свидетельствующий, что при Аршакидах в высившемся здесь здании при архитектурной декорировке применялись такого рода терракотовые облицовочные плитки.

По специально несколько лет разрабатываемой ЮТАКЭ тематике изучения истории народа, непосредственного производителя материальных ценностей, в 1957 г. на мервском городище Гяур-кале в его северо-восточной части, близ былых городских ворот Дермушкан, продолжалось исследование первого ставшего известным в среднеазиатской археологической практике ремесленного квартала мукомолов. Его вскрываемый культурный горизонт восходит к III в.—отчасти к самому началу IV в. Земляные работы, охватившие около 280 м², были сосредоточены на восточном крае раскопанной за прошлые годы площади. Вскрыто восемь новых помещений (половина из которых служила в качестве хозяйственно-производственных), два световых дворика и внутриквартальный проход. Стены сложены из пахсы или из сырцовых кирпичей (от 38×38×9 см до 43×43×14 см). В хозяйственно-производственных помещениях обнаружено от трех до семи хумов в каждом, имеющих до 1 м в высоту и от 0,55 до 0,9 м в диаметре. Тут же встречены куски примерно от 20 каменных ручных жерновов диаметром от 30 до 38 см. Среди бытовых предметов 17 почти целых керамических сосудов, в том числе несколько не встречавшихся раньше форм; большое количество клинчатых жженых кирпичей разных размеров, использованных в качестве подставок для закрепления хумов в устойчивом состоянии; каменные оселки, пряслица, пирамидообразные грузила, костяные лощила (в том числе из рога джейрана). Из бронзовых предметов интересны плошка с ручкой и ложечка для сладкого блюда «бастоми». В числе украшений цепочка из светлой бронзы, колечко, браслет, рельефный медальон из светлой пасты с изображением головы льва en face с антропоморфными чертами, много различных бус из сердолика, горного хрусталя и других самоцветов, а также из паст и стекла, причем одна стеклянная бусинка с накладной позолотой. Кроме того, обнаружены детский бронзовый колокольчик, каменный изящный игральный кубик с вырезанными очками от одного до шести, два костяных коротких стиля, один из которых имеет скульптурное изображение петуха, несколько терракотовых фигурок маргианской богини, а среди изображе-

ний животных особенно интересны фигурка верблюда и оседланного коня в сбруе с очень мощной шеей. Одной из самых достопримечательных находок является гемма с изображением оленя с поджатыми ногами, которая свидетельствует, что в позднюю пору рабовладельческого общества его далеко зашедшее развитие вызывало необходимость иметь в обиходе печати даже у ремесленников среднего достатка. Встреченные в осеннем сезоне медные парфянские монеты позднемаргианской эмиссии, а больше всего раннесасанидского чекана Артешира I (224—241), Шапура I (241—272), местных правителей III в. н. э., а также несколько кружков Хормизда II (303—309) подтверждают датировку последнего периода жизни мервского квартала мукомолов III — самым началом IV в., после чего археологически четко прослеживается его запустение как отражение кризиса рабовладельческой формации. Вместе с тем массовые наблюдения на широкой площади раскопа квартала мукомолов свидетельствуют, что вскрывавшиеся в 1957 г. и прилежащие к ним помещения и дворики западной части квартала крупнее по размерам, чем раскапывавшиеся в восточной части, и что содержащийся в них археологический инвентарь несколько богаче. Все это позволяет теперь сделать вывод, что участки хозяйств в западной части квартала, как более близко расположенные к бойкой торговой улице, ведшей из ворот Демушкан к центру города, вероятно, стоили дороже находившихся внутри густо застроенного квартала и принадлежали, очевидно, более зажиточным ремесленникам.

Расширение стратиграфического шурфа у северной границы квартала, где она иногда отстоит от городской стены на расстоянии до 3 м, показало, что вскрытая здесь платформа, выложенная из крупного квадратного кирпича и вплотную примыкающая к городской стене, по-видимому, сооружена была для установки орудий метательной артиллерии, так как тут найдено много расколотых и совершенно целых керамических ядер от 11 до 14 см в диаметре (в 1956 г.— до 21 см), причем на одном имелся отпечаток грубой хлопчатобумажной ткани, на которую, очевидно, складывались отформованные из сырой глины снаряды для просушки на солнце перед обжигом. Кроме того, были получены новые стратиграфические данные, подтвердившие наблюдения и выводы, зафиксированные в научном отчете ЮТАКЭ за 1956 г. по поводу ослабления в пору кризиса IV—V вв. надзора за свободным пространством (в целях обороны) вдоль городской стены с внутренней стороны и постепенного заполнения его на значительную высоту отвалами хозяйственного мусора. Они оказались накопленными здесь в таком количестве, что в раннем средневековье, в период нового подъема городской жизни в Мерве, решено было во избежание трудоемкой работы его не убирать, а лишь присыпать сверху и утрамбовать.

Для выяснения исторической топографии Древнего Мерва (Антиохия Маргианская) в 1957 г. была проведена подготовительная работа к крупным раскопам 1958 г. на объекте, зашифрованном как Р-6. Он расположен в южной части Гяур-калы, примерно на середине между центром города и южными городскими воротами Балин, около 350 м севернее последних, у восточной стороны обширной базарной площади, над которой руины памятника возвышаются северным, западным и южным фасами в виде оплывшего бугра более чем на 7,5 м. В осеннем сезоне была снесена северная часть сооружения сасанидского времени, обнаруженного при разведочных раскопках 1955 г. Под ними оказались сохранившиеся на незначительную высоту (предельно до 0,5 м) остатки

здания предшествующего периода, по плану совершенно не соответствующие верхнему. На вскрытой площади расчищены два помещения, из которых западное имеет размеры 3,95×4,25 м, а восточное — 2,60×5,00. Первоначально их стены толщиной от 1,4 до 1,5 м были выведены из сырцового кирпича 41×41×12—13 см. Позднее здание снаружи было обведено как бы дополнительным футляром примерно в 1,65 м толщиной, в результате чего наружные стены достигли более 3 м в поперечнике. На первом этапе своего существования стены с внутренней стороны и полы были покрыты тонким слоем белого алебастра. Затем и стены и полы были оштукатурены глиной. Пол был выложен в один ряд строительными кирпичами. В центре западного помещения на нем видно овальное пятно 0,8×0,9 м, образовавшееся от попадавших сюда в течение длительного времени горячих угольков, вероятно, из ажурной металлической курильницы-жертвенника. Для культурного слоя характерно отсутствие предметов бытового инвентаря. Среди встреченных находок отмечены: необычный покрытый беловатым ангобом керамический фиал (наружный диаметр 24 см; высота — 10,6 см); подставочка, вырезанная из слоновой кости, терракотовая статуэтка Маргианской богини; остракс позднепарфянскими письменами, несколько отличными от почерка документов из Нисы II—I вв. до н. э.; мелкие скульптурные алебастровые фрагменты со следами красной краски и позолоты; несколько парфянских медных монет поздней маргианской эмиссии и раннесасанидские халки III в. н. э. Если добавить к этому найденные в 1955 г. особые керамические кубики с оттиснутыми на них изображениями мужского бюста, гемму с изображением зебувидного быка, отбитую от статуи гипсовую кисть левой человеческой руки со слегка отставленными в стороны большим и малым пальцами, то весь инвентарь своей совокупностью заставляет предположить, что вскрываемый объект является первым открытым на территории Маргианы древним культовым сооружением, функционировавшим в течение длительного времени в пору рабовладельческого общества, а также его кризиса и неоднократно реконструировавшимся в последний раз уже в раннефеодальный период.

В своей совокупности работы ЮТАКЭ 1957 г. по изучению рабовладельческого общества проведены с широким охватом во времени от IX в. до н. э. до IV в. н.-э. Исследованию подвергались разнообразные памятники в виде маргианских поселений, основного ядра первоначального города Мерва середины I тысячелетия до н. э., стен античной Антиохии Маргианской и парфянского времени, нисийского заповедника Митридатокерта, замка в Эрк-кале, ремесленного квартала мукомолов и культового здания в Гяур-кале. Полученные наблюдения и установленные новые факты, целиком укладывающиеся, вопреки высказываниям многих западноевропейских и американских специалистов, в основные отстаиваемые ЮТАКЭ положения в части периодизации развития рабовладельческого общества на территории Туркменской ССР, вместе с тем вносят ряд уточнений и конкретизируют отдельные моменты в прохождении указанного процесса в отдельных культурно-исторических областях Южного Туркменистана.

Феодальное общество

В соответствии со своим «Положением», с неоднократными указаниями ученого совета ЮТАКЭ, а также рекомендациями нескольких сессий Отделения истории и философии Академии наук СССР и пленумов ИИМК

экспедиция занималась в 1957 г. изучением памятников феодального общества.

Чтобы выяснить, что же представляла собой стена раннесредневекового Мерва, была проведена стратиграфическая расчистка части профиля ее на северном фасе Гяур-калы между 6 и 7-й башнями к западу от Эрк-калы. По линии намеченного разреза стена сохранилась в виде огромного вала с крутыми склонами, над которым поднимаются остатки кладки из сырцового кирпича 37×37×8 см, 38×38×9 см, 39×39×10 см. Ее гребень в современном состоянии на 19 м выше уровня затянутого землей наружного рва и более чем на 21 м возвышается над поверхностью городища Гяур-кала с внутренней стороны. Ширина стены у подошвы, считая и оплывы, 66 м. Удалось установить, что она реконструировалась при Сасанидах после выхода страны из кризиса в VI в. и возводилась на остатках античного города, используя их в качестве основания, которому с наружной стороны был предан уклон в 64°. С высоты примерно 13 м на поверхности шириной свыше 10 м были возведены новые фортификационные сооружения с башнями и куртинами между ними. Главную часть в куртинах составляла наружная стена несколько менее 4 м ширины с устроенными в ней глубокими (свыше 3,5 м) и узкими (около 75 см) нишами для подхода стрелков к бойницам нижнего оборонного яруса. Площадка верхнего оборонного яруса с зубчиками, судя по сохранившимся остаткам внешней стены, была приподнята над нижним ярусом свыше 8,5 м. Куртины оказались разбитыми с внутренней стороны на отсеки с помощью поперечных кладок, имевших до 1,7 м ширины и отступавших внутрь на 2,25 м, причем отдельные отсеки соединялись между собой проходами до 2 м в пролете. Башни, очевидно, поднимались на высоту свыше 30 м. Работами 1957 г. документально доказано, что стены раннефеодального Мерва, создававшиеся в пору бытования машин метательной артиллерии, представляли очень мощное долговременное фортификационное сооружение, почти неприступное для своего времени и хорошо обеспеченное от эскалады. Одновременно сделан ряд наблюдений, указывающих на последующие изменения в устройстве стен на разных этапах их функционирования, включая первые века после арабского завоевания.

При изучении исторической топографии Мерва уже несколько лет назад было обращено внимание на расположенные в северо-восточном углу Гяур-калы руины крупного сооружения (площадью свыше 800 м²), в которых при разведочных работах стратиграфического порядка в 1953—1954 гг. было установлено наличие остатков последовательно возникавших на одном и том же месте зданий нескольких периодов, начиная с поры рабовладельческого общества. Задачей 1957 г. являлось изучение широким раскопом остатков второго, считая сверху, здания преимущественно в юго-восточной части. Это привело к открытию первого и единственного пока для всей Средней Азии, Ирана и Афганистана большого раннесредневекового дома овального плана. К концу осеннего сезона о нем можно было иметь представление по южной части, которая, судя по внешней стене, являлась фасадной и в ней располагался главный вход. Дом этот, возведенный на оплывших развалинах нижележащего строения времени рабовладельческого общества и отстроенный, видимо, в V в., сложен из квадратного сырцового кирпича, варьирующего в размерах от 38×38×10 см до 40×40×12 см. В массивной внешней овальной стене толщиной до 2,45 м употреблен кирпич лучшего качества, чем для более тонких внутренних стен.

Всего в южной части дома вскрыто 23 относительно небольших помещения от 8,5 до 18 м², из которых № 23 представляет собой коридор, уходящий в северном направлении за пределы раскопа 1957 г. Некоторые комнаты, расположенные по краю, из-за овального очертания внешней стены, имеют как бы трапециевидный план. На стенах примерно с высоты одного метра начинается кладка пят сводов из кирпичей, поставленных на торец, и, судя по началу кривой, высота помещений несколько превышала 2 м. Стены покрыты глиняно-саманной штукатуркой, на которой в нескольких местах сохранились нанесенные пальцами по сырой глине примитивные орнаментальные изображения и символы. В некоторых комнатах штукатурка имеет черный цвет. В помещениях устроены небольшие ниши, а также очаги до 0,55 м в диаметре, причем в комнате № 20 обнаружены два очага. Среди находок есть несколько объектов, попавших в верхние культурные слои из более нижних, относящихся к поре рабовладельческого общества. К ним относятся терракотовая фигурка обезьяны, головка от терракотовой статуэтки собаки, зооморфная ручка от кружального сосуда, причем это первый случай находки такого сосуда на территории Мерва. Содержимое культурного слоя времени обживания овального дома дает керамику VI—VII вв. Очень характерны кувшинчики с утяжеленными носиками, а также небольшой острак со следами шести строк позднепехлевийского письма VI—VII вв.

Овальный дом был каким-то крупным общественным сооружением специального назначения. Обращает на себя внимание его несколько изолированное положение, удаленность от застройки жилых кварталов, полное отсутствие женских украшений и детской утвари, а также бедность и однообразие археологического инвентаря. Особого внимания заслуживают стилизованные изображения дерева с крестом, отдельного четырехконечного, удлиненного креста, амулета с крестом и, наконец, очень крупной стеклянной бусины, по-видимому, от молитвенного шнура с четками. Очень может быть, что овальный дом принадлежал какой-то общине из числа так называемых «еретических» христианских сект, адепты которых искали в странах Среднего Востока убежище от преследований со стороны официально признанной «православной» церкви Византийской империи.

Археологические наблюдения стратиграфического порядка свидетельствуют о том, что овальный дом пережил упадок, за время которого в нем накопился плотный слой строительного мусора. После него отмечается обживание отдельных помещений, на что указывают новые уровни полов на упомянутом завале строительного мусора, на котором, между прочим, выведены западные стенки помещений № 21 и 22. Выше располагается более рыхлый слой с остатками археологического инвентаря. Он был разравнен на новом этапе и до сохранившихся к настоящему моменту гребней стен все помещения были забутованы кладкой из сырцовых кирпичей, образовавших платформу для возведения нового сооружения верхнего культурного слоя. Это произошло уже после вхождения Мерва в состав Арабского халифата и, вероятно, в начале IX в., что подтверждается находкой в забутовке помещения № 23 медного фельса, чеканенного в Мерве в начале 20-х гг. IX в.

Изучение исторической топографии средневекового Мерва выдвинуло на первый план задачу возможно широкого археолого-стратиграфического охвата городища Султан-калы. Изучение его сохранившихся городских стен в 1955 г. показало, что они, как и цитадель Шахрияр-

арк, появились лишь в XI столетии, тогда как тенденция перехода городской жизни из былого шахристана в западную часть пригорода-рабада, согласно отрывочным сведениям письменных источников, наметилось вскоре после арабского завоевания в VIII в. Уже в первой половине этого столетия базар размещался здесь непосредственно за «воротами рабада». Тут же была сооружена вторая соборная мечеть. В середине того же века Абу Муслим предпринял попытку организовать новый административный, общественный и торговый центр на канале Маджан, примерно в центре современного Султан-калы. Здесь был отстроен «Дом правления», третья соборная мечеть в ряду базарных меня-саррафов и тюрьма. Во второй половине IX в. при Хусейне, сыне Тахира II, намечалось даже перенесение «Дома правления» и базара еще дальше на запад, к каналу Хурмузфарра.

Археологическими наблюдениями ЮТАКЭ за ряд лет установлено, что на территории Султан-калы встречаются находки сасанидских монет раннего чекана, преимущественно III в. (Артешира I, Шапура I, Варахрана II, мервских правителей) и более поздних эмиссий, начиная с конца V в. (Кавада, Хосрова I, Хосрова II и др.). Исходя из этих фактов, в первую очередь важно было получить стратиграфические данные для окраинных участков огромного городища Султан-кала, имеющего площадь свыше 4 км². В связи с этим в 1957 г. были заложены три шурфа: № 1 — в юго-восточном углу, № 2 — в прямо противоположном северо-западном углу на расстоянии от первого более двух километров и № 3 — в середине Шахрияр-арка, т. е. в северо-восточном углу городища. Все три шурфа были разбиты у руин интересных средневековых сооружений, что позволило одновременно со стратиграфическими задачами получить новые данные по истории трех зданий. Установлено, что в шурфах № 1 и 3, расположенных параллельно западному фасу шахристана Мерва (Гяур-калы), несколько западнее его, туюновые отложения залегают на глубине 4,5—5 м от былого уровня поверхности феодального города конца XII — начала XIII в. Древний амударьинский песок встречен в шурфе № 1 на глубине 7 м от указанного уровня, а в шурфе № 2 — на глубине 5,5 м. Незначительность культурного слоя к тому же со включением очень небольшого числа маловыразительных черепков керамической утвари до IX в. н. э. (в шурфах № 1 и 3 — в XV ярусе, в шурфе № 2 — один фрагмент сосуда с белым ангобом VI—VII вв. в XIII ярусе) свидетельствует очень наглядно, что окраинные участки территории будущей Султан-калы до IX столетия были обжиты еще очень слабо. Они не имели застройки даже типа «руб» или «руб'а» (ربع). Этим термином в Хорасане, и в частности в Мерве, в средние века обозначали места в пригородных частях, где люди селились близко друг от друга, как это археологически прослежено ЮТАКЭ в руба'а Разик-абад, расположенном южнее юго-западного угла Гяур-калы. Несомненное оживление в IX—X вв. отмечается наблюдениями над стратиграфией слоев в шурфах № 1 и 3, которые были заложены на территориях, близко расположенных к бойкой торговой улице между Гяур-калой и Султан-калой. В южном конце эта улица сливалась с главной дорогой, проходившей через густозаселенный Разик-абад; в северном — пролегала через торговые ряды, известные в XII в. под названием «Сувейкат-ас-Согд» («Согдийский рыночек»). В обоих указанных шурфах на глубине 4 м от поверхности земли был пройден слой, относящийся к жилым домам зажиточных владельцев, в комнатах которых имелись полы, выложенные жженым кирпичом, а в обиходе находилась хорошая

стеклянная и глазурованная утварь, иногда с благожелательными надписями (например, اليمن и др.). Вышележащие слои (у шурфа № 3 достигающие мощности до 2,5 м, а у шурфа № 1 даже в 4 м), накопленные на протяжении XI—XII столетий, являются показателями исключительно интенсивной городской жизни, даже на окраинах Султан-калы в основном за время вхождения Мерва в состав государства «Великих Сельджуков». В конце этой эпохи появились и те здания, около которых закладывались шурфы, причем дом в юго-восточном углу Султан-калы, имевший, как показало вскрытие 1957 г., сплошную ячеистую разделку внутренних стен северного помещения, и прилежащий с севера айван в пору так называемой «гузской смуты» находились некоторое время в забросе. Менее интенсивно за все время протекала жизнь на территории, где ныне размещается северо-западный уклон Султан-калы и где весь культурный слой, лежащий на материке, имеет толщу в 3,5 м, из которых большая часть приходится на XI—XII вв. Характерную особенность шурфа № 2 составляет прослойка надувного пустынного песка в середине XIV яруса, как свидетельство некоторого упадка и запустения, приходящихся на время, наступившее вскоре после арабского завоевания. По договоренности со 2-й юго-восточной Каракумской геологической экспедицией, которая осенью 1957 г. закладывала со специальной целью три шурфа в центре городища к западу от мавзолея Санджара, ЮТАКЭ, консультируя датировку проходимых слоев, получила дополнительные наблюдения археолого-стратиграфического порядка, подтвердившие установленное нашей экспедицией положение, что Султан-кала, несмотря на прямо противоположное свидетельство письменных источников XV в., в последний раз была заново обжита во второй половине XIII — первой половине XIV в. Глазурованная керамика именно этого периода была зарегистрирована на ЮТАКЭ в верхнем культурном слое всех трех упомянутых геологических шурфов.

В части исторической географии Марыйской области за феодальный период в 1957 г., благодаря много лет существующему контакту с упомянутой 2-й юго-восточной Каракумской геологической экспедицией, удалось зарегистрировать на правом берегу Мургаба, напротив Ташкепри, в 2,5 км южнее плотины, в излучине русла реки расположенные на второй террасе остатки средневекового поселения. Наиболее густоусеянная жженым кирпичом и разными археологическими объектами площадь имеет длину свыше 300 м при несколько меньшей ширине. Наличие стеклянных шлаков свидетельствует о местном производстве предметов стеклянной утвари, представленных фрагментами разного цвета. Подавляющее большинство находок датируется XI—XII вв. Среди них встречены изделия из бронзы (ручка от ложечки для «бастами», кольца, изящная ажурная набойка в виде санджака для сундука и др.), куски привозных каменных предметов из стеатита, фрагменты разнообразной глазурованной утвари, в том числе с орнаментацией эпиграфического типа и подлинными куфическими надписями. Тяжелые бронзовые несомкнутые кольца с острыми концами восходят к более раннему времени, но они, может быть, принесены былыми жителями из других мест, откуда подобраны и попадающиеся теперь здесь на поверхности такие раковины из Индийского океана, как Conus miliaris, разные сургаса и другие, а также местные ископаемые устрицы мелового периода.

При попытке отыскать местонахождение двух крупных селений Мервской области — Харака и Саусакана, которые располагались западнее Мерва в развилке между большими дорогами на Абиверд и Се-

рахс, используя данные арабской карты X в., удалось зарегистрировать развалины одного из них несколько западнее Векиль-базара и восточнее Мары.

Особое внимание было уделено остаткам средневекового поселения у руин кёшка Слу-кошук, отстоящего от Мерва к северо-западу по прямому направлению в 16 км. Обследование этого памятника было особенно своевременным, так как через него проходит трасса одного из крупных магистральных арыков, отводимых из Каракумского канала. Изучение сопровождалось археолого-топографической съемкой по методу, разработанному профессором М. Е. Массоном, закладкой одного стратиграфического шурфа и сбором подъемного материала. Особенностью этого поселения, в значительной части погребенного сыпучим барханным песком, является его планировка, которая определяется тремя радиально расходящимися основными уличными магистралями. Самая длинная тянется в северо-западном направлении свыше 1,3 км, вторая — отходит на восток и прослеживается на расстоянии свыше полукилометра, третья, самая короткая (примерно 0,25 км), вытянута на юго-запад-запад. Общая площадь селения, занятая выявленными по микрорельефу участками, примерно 42 га. Максимальная ширина несколько более 300 м. С северной стороны селение прикрывает от набегов со стороны песков укрепление, квадратное в плане со сторонами 70 м, стены которого были выведены из пахсы. Развалины укрепления известны у населения под названием Дешик-кала. Примерно в полукилометре к северо-западу от нее имеются руины замка-кёшка, сложенного из сырцовых кирпичей 38×38×8—9 см и 39×39×10 см. Двухэтажный гофрированный замок Слу-кошук, расположенный в южном конце селения, выведен в нижней части из пахсы, выше из сырцовых кирпичей в основном 30×30×6 см, а также применен продолговатый кирпич 40×26×6 см. Дома селения, остатки которых видны на поверхности, одноэтажны, а стены их сложены из пахсы и из сырцовых кирпичей 30×30×6 см — 31,5×31,5×6—7 см. На окраинах селения установлено наличие остатков шести керамических печей-хумданов. Подъемный материал с поверхности дает преимущественно керамику XI—XII вв. Среди нее особенно интересен уникальный мискообразный сосуд диаметром в 3,5 см с высокими бортами (до 10 см) и изолированным более высоким патрубком в середине. Он напоминает специальные посудины, употреблявшиеся в Персии еще в XIX столетии для выращивания в них к наурузу каких-либо злаков. В среднюю часть сосудов (иногда бокалообразной формы) ставили в воду срезанные цветы. Заложенный в 410 м к северо-западу от Слу-кошука шурф на глубине 3,20 м от поверхности достиг пола комнаты в здании IX—X вв. Что в эту пору поселение было уже зажиточным, свидетельствуют имеющиеся в разных его частях в больших количествах жженые кирпичи-маломерки 19×19×3,5 см и 20×20×3,5 см, а также фрагменты керамики этого же времени. Среди подъемного материала встречены черепки глиняной посуды VI—VII вв. и даже II—III вв. н. э.

По многолетней теме, связанной с выяснением истории керамического производства и ремесленников-кулялей, в 1957 г. по феодальному периоду заканчивалось изучение вскрытых в предшествующем сезоне горнов VII—VIII вв. квартала керамистов, расположенного в южной части мервского шахристана близ места былых ворот Балин и занимавшего, как устанавливается теперь, площадь почти в 15 га. Дополнительной расчистке были подвергнуты печи № 8, 8а, 9, 10 и 11, по кото-

рым выявлен ряд интересных деталей. В печи № 8а жаровой канал оказался исключительно большой длины (до 3,65 м) при сравнительно малом диаметре ее пода — 1,74—1,80 м. Между печками № 8 и 8а обнаружены остатки еще одного круглого керамического горна с внутренним диаметром около 1,60 м. Он сложен из сырцовых, обожженных уже в процессе эксплуатации печи кирпичей 32×32×7,5—8 см. Жаровой канал сохранился в длину на 1,45 м. Уровень пода лежит ниже подов обеих соседних печей на 1 м. Будучи одной конструкции с ними, она несколько предшествует им по времени и после того как пришла в негодность, ее разрушили, заложили кусками кирпичей и позднее устроили печи № 8, 8а. В числе их продукции исключительно неполивной утвари дополнительно отмечены кувшины и крышки. Кроме того, встречены три черепка керамики «барботинного» типа, несколько фрагментов от штампованных сосудов, один штампик для изготовления последних, а также бракованная, маленькая изящная терракотовая статуэтка, изображающая женскую фигуру. На раскопе печей № 9, 10 и 11 главное внимание было обращено на расчистку жаровых каналов.

В результате работ 1957 г. уточнены представления о конструкции печей, выяснено окончательно назначение центральных каналов как топочных и значительно пополнен материал, необходимый для составления сводных таблиц. Теперь совершенно очевидно, что мервские керамические печи VII—VIII вв. изучаемого квартала имеют совершенно оригинальную, нигде до сих пор не отмечавшуюся конструкцию, у которой нет никакой преемственности с двухъярусными маргианскими горнами парфянского времени, ранее уже найденными и раскапывавшимися ЮТАКЭ на Гяур-кале и на Джин-депе. Переходный образец конструкции к более поздним средневековым печам Южного Туркменистана являет собой печь № 2 двухъярусной конструкции с трехарочным сводом топки.

Главные работы по той же тематике в 1957 г. были сосредоточены в западной части пригорода-рабада средневекового Мерва на территории квартала керамистов, расположенного по соседству с обширным участком, на котором, как установлено ЮТАКЭ, находилась мечеть намазгох, и лежавшего к северу от большой караванной дороги, ведущей от ворот Фируза в сторону средневекового Абиверда. Квартал занимал площадь свыше 12 га. Одной из основных задач осеннего сезона явилось заложение стратиграфических шурфов в северной части квартала у Р-2 и у расположенного от него в 90 м к юго-востоку Р-4. В обоих пунктах одновременно осуществлялись расширенные раскопы для получения возможно большего количества вещевых материалов по установленным культурным горизонтам и по выявлению возможно более полных комплексов объектов, характеризующих керамическое производство за разное время.

В сопоставлении с данными шурфа в южной части квартала у Р-1 выясняется следующая стратиграфическая картина. Материком повсюду является включающий иногда прослойки серо-желтого песка плотный глинистый слой темно-коричневого цвета с мелкими ракушками. Над ним залегают культурные слои мощностью от 2,5 до 3,5 м, причем незначительной толщины нижний антропогенный ярус заключает редкие маловыразительные фрагменты керамики, свидетельствуя, что район был слабо обжит за время доарабского завоевания. Самый ранний четко ощутимый дом отмечен на Р-4, где в шурфе на глубине около 1,5 м от современной поверхности встречен пол комнаты из жженых кирпи-

чей-маломерок IX—X вв. размерами от 18×18×3,5 см до 22×22×3,5 см. В этом уровне и несколько ниже найдены детская глиняная копилка, фрагменты тонкостенной сероглиняной посуды X в. пейкендского типа, несколько осколков глиняной утвари ишкорной поливы и среди них один с изображением на белом фоне идущего влево дехканского светло-палевой масти коня в парадной сбруе с зелеными фестонами и в чепраке, орнаментированном в шашку черными и белыми ромбами. Аналогичный и, видимо, синхронный слой VII яруса в шурфе Р-2 содержал также жженые кирпичи, фрагменты сероглиняной тонкостенной керамики, черепки ишкорной поливы и штыри мелкого печного припаса, лежавшие в отвале золы.

К более позднему времени, судя по сумме признаков не позднее первой половины XI в., относятся комплексы из нижней печи Р-2 и отвала ее бракованной продукции (V, отчасти VI ярусы). Среди них много глазурованной посуды с эпиграфическими мотивами, выполненными почти черными буквами по белому фону с заполнением резервов оконтуренными красными линиями фигурами с черными точками внутри. На одной из пиал оказалось написанное по-арабски имя мастера-керамиста и владельца печи عمل علی («работа Али»). К печному припасу его мастерской относятся впервые встреченные в целом виде крупные керамические штыри от 53 до 68 см длиной и миниатюрные до 3,5 см. Расположенная выше печь и ее отвал датируются XI — серединой XII в. Он дал небольшие ярко-зеленые кувшинчики, большое число фрагментов мраморовидной желто-зеленой утвари и черепки, покрытые поливой ишкорного типа с белым, слегка зеленоватым фоном. Видное место в сюжетах росписи занимают различные, чаще всего фантастические птицы, встреченные на 25 объектах, причем некоторые покрыты ими в большом количестве («птичьи базары»). Совершенно изумительны по стилю и трактовке фигуры копытных животных (может быть, стилизованных джейранов) и пятнистого льва с разинутой пастью. Абсолютно неожиданными оказались три фрагментированные в той или иной мере чаши с изображениями нагой всадницы на коне. В Р-4 на 90 см выше упомянутого пола приходится уровень топки двух круглых печей. Их отвал брака дал поливную керамику, близкую по типу к такой же из нижней печи Р-2, т. е. не позднее середины XI в., иногда с красновато-коричневым фоном, а среди ишкорного типа глазурованной утвари встречено изображение всадника. Вышележащий культурный слой на Р-2 посуды ишкорного типа не содержит, но в нем много кувшинов зеленой поливы и утвари с красно-коричневым фоном. Шурфы и стратиграфические раскопы 1957 г. дали очень богатые комплексы керамики с рядом совершенно новых форм (в том числе неглазурованных банкообразных вазочек), а среди предметов мелкого печного припаса значительное количество разнообразных сипая от миниатюрных (в 5 см) до весьма крупных (8,5 см). На Р-4 был встречен целый склад аккуратно сложенных штабелем керамических штырей круглого сечения в количестве свыше 400 штук. Особенно интересен целый изогнутый штырь длиной около 70 см с диаметром в сечении от 3 до 3,6 см при стрелке изгиба в 9 см. На одном его конце оказались натечные зеленые капли от соприкосновения с ним в печи глазурованного предмета.

Ряд новых фактов дал основной раскоп 1 в южной части квартала керамистов. Контрольные наблюдения позволили установить, что изумительный мастер-куляль Мухаммед Иноятон, изготовлявший прекрас-

ную штампованную неглазурованную керамику, в основном работал в первой половине и в середине XII в. в пору правления Санджара, что он выделывал не только штампы для своей керамической продукции, но также калыбы медникам-мисгарам для отливки отдельных деталей из металла, что в раскопанном хозяйстве ему принадлежат шесть прямоугольных керамических горнов (№ 1, 2, 3, 5, 6 и 11) и что мастерская его подвергалась разгрому со стороны гузов при разграблении ими Мерва. Некоторое время спустя, в конце XII — в начале XIII в. на ее участке обосновался новый куляль, который, изготовляя также преимущественно неглазурованную керамическую утварь, воспользовался многими уцелевшими штампами Иноятона, оборудовал около его горнов четыре новые прямоугольные печи (№ 4, 7, 8 и 9) и работал здесь до разгрома мастерской монголами после захвата ими города. Осуществлявшиеся в 1957 г. раскопки к северу от мастерской Иноятона на широкой площади около 300 м² наметили наличие как бы тянущегося в широком направлении небольшого прохода шириной от 3,5 до 4 м, к которому по другую сторону примыкает хорошо оконтуриваемый участок, занятый еще одним хозяйством керамиста конца XII — начала XIII в. Здесь вскрыто три довольно крупных рабочих производственных помещения (от 24 до 36 м²), из которых в западном найдено свыше 80 глиняных комьев-заготовок, а в среднем — формовочном, где находились станки, много необожженных кувшинов. Дворик для сушки, вымощенный жженым кирпичом, имеет площадь свыше 50 м². К пятому помещению примыкают три прямоугольных горна (2,4×1,4 м; 2,7×1,9 м; 3,3×
×2,1 м), топочные отверстия которых обращены на север. Еще далее в этом же направлении находится отвал керамического брака. Тщательно проведенные раскопки вскрыли картину неожиданно разразившейся катастрофы, которая застигла керамическую мастерскую в разгар ее работы. По всему третьему помещению заготовки глины оказались разбросанными. Во втором помещении на полу лежали растоптанные ногами ворвавшихся людей только что отформованные, даже еще не просушенные сосуды. Тут же валялась разбитая, до того лишь недавно вылепленная, но еще не обожженная крупная скульптурная антропоморфная голова дива с накладными бровями и двумя лунками на лбу для вставки отдельно изготовленных рогов. Этот объект сам по себе не только уникальный, не имеющий прямых аналогий ни в Средней Азии, ни в Иране, но совершенно исключительный, являющийся словно поздней репликой местной народной домусульманской скульптуры. Среди отдельных предметов имеются: небольшое бронзовое навершие со скульптурной примитивной фигуркой льва; детский бронзовый бубенчик; керамические игрушки в виде фигурок собаки, лошади и слона с сидящим на нем верхом непропорционально большим человеком; штампы, из которых особенно интересен калыб с крупным изображением рыбы и другой калыб с фигурой звереподобного дракона с длинной шеей, хватающего себя за хвост (символ бесконечности), а под ним пара противостоящих фазанов. Среди керамики преобладают неглазурованные предметы серого цвета в виде кувшинов, сосудов с носиками, тагора, хумча. Большой процент приходится на фрагменты тонкостенных сероглиняных сосудов с процарапанным орнаментом. Особую группу представляют глиняные фонари-фанусы новых форм для светильников-чирагов. Очень немного встречено поливной керамики: в основе она или зеленой поливы или с красным, коричневым и зеленовато-болотным орнаментом на грязно-белом фоне. В целом состав находок напоминает

добытые ЮТАКЭ в 1947 г. на Нисе комплексы из расположенных в рабаде бадрабов второй половины XII — начала XIII в. Вскрытая в 1957 г. керамическая мастерская прекратила свое существование после разгрома монголами Мерва и в том числе, как теперь выясняется, пригородного квартала средневековых гончаров.

Исследования ЮТАКЭ в 1957 г. значительно углубили научное представление по ряду вопросов о средневековье Южного Туркменистана. В изучении археологических памятников средней поры феодализма Туркменская ССР идет впереди всех остальных Среднеазиатских республик, где объекты этого времени, за исключением некоторых архитектурных памятников, почти не подвергаются исследованию. В частности, городища Мерва уже изучены детальнее всех остальных старых городов как зарубежных сопредельных стран, так и Советской Средней Азии, включая Бухару, Самарканд и Термез, давно привлекавшие к себе внимание ученых.

Этногенез туркменского народа

Работы ЮТАКЭ, связанные с проблемой этногенеза туркменского народа, в 1957 г. протекали по двум направлениям — антропологическому и этнографическому.

Очень интересные соображения высказаны в результате обработки пяти черепов, добытых XIV отрядом в северной части Марыйской области в полосе песков при раскопке поселения позднего бронзового века «Тахирбай-3», расположенного в 12 км севернее колодцев Новый Кишман. Все полученные там черепа принадлежат лицам европеоидного типа. Они не имеют следов искусственной деформации, а их черепной указатель варьирует от значительной долихокрании до верхней границы мезокрании. Два женских черепа носят явные признаки средиземноморского типа. Один мужской череп, скорее всего протоевропеоидный, сближающийся с типом черепов палеометаллической эпохи на территории Поволжья, Южной Сибири и Алтая. Эти данные в совокупности с ранее установленными по другим черепам поры родового общества, добытым в Южном Туркменистане, дали основание В. В. Гинзбургу высказать предположение, что различия антропологических типов может быть отражают ранние связи населения Закаспия, обладающего средиземноморским типом, с поселением более северных вышеперечисленных областей.

При проведении летом 1957 г. совместной экспедиции Института истории Академии наук УзССР и кафедры антропологии САГУ с целью исследования населения Туркменистана в антропологическом отношении, программа которой была согласована профессором Л. В. Ошаниным с ЮТАКЭ, последняя оказала доценту К. Наджимову возможное содействие.

Ряд новых фактов историко-этнографического порядка был установлен ЮТАКЭ в результате анализа данных, заключенных в неизвестной до сих пор в науке русской карте третьей четверти XVIII в., составленной И. В. Боувером, хранящейся в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве и озаглавленной «Карта, представляющая киргис-кайсацкую степь, Бухарию и часть России». Приведенная в ней транскрипция названий ряда населенных пунктов, находящихся ныне на территории Туркменской ССР, явно передает их наименования в туркменском произношении (например, Чарджуй написан как «Чарчау», т. е. Чарджоу) и это говорит о том, что в числе непосред-

ственных осведомителей, чьи сведения были использованы составителем карты, находились туркмены. На карте, кроме обозначения «кочующие туркмены», нанесен ряд пунктов, населенных туркменскими племенами (Халата, Халадж и др.). Показательно, что Туркмен-кала в Байрам-Алийском районе отмечена двойным топографическим значком как уже крупное селение, а Мургаб на карте назван «Река Мари». Особую значимость карта Боувера имеет в отношении района Сарыкамышской впадины, для которого приведены подробности, позволившие по-иному, чем это представлялось в результате работ Хорезмской этнографо-археологической экспедиции, возглавляемой профессором С. П. Толстовым, трактовать историю обживания указанной территории туркменами и отчасти каракалпаками.

В 1957 г. был подвергнут переработке текст составленной ЮТАКЭ монографии «Селение Мурча. Историко-этнографический очерк» в соответствии с указаниями доктора исторических наук А. Л. Троицкой (Ленинград), после чего работа была включена в IX том Трудов ЮТАКЭ. Ее автор Д. М. Овезов, согласно плану, переключился на изучение туркмен племени гёклен, проведя в предварительном порядке сбор в Ашхабаде опубликованных и архивных материалов.

Нумизматика

В Туркмении на протяжении первых 25 лет существования Советского государства исследовательские работы по нумизматике не велись, если не считать регистрации и определения отдельных, случайных находок монет, что с первых лет революции осуществлялось преимущественно М. Е. Массоном.

ЮТАКЭ с первого года своей деятельности осуществляет в этом направлении систематическую работу, приведшую к ряду открытий («Материалы ЮТАКЭ», вып. 1. Ашхабад, 1949; «Труды ЮТАКЭ», т. 5. Ашхабад, 1955). За 1957 г. следует отметить следующие установленные новые факты:

1. На мервском городище Эрк-кала найден необычный для Средней Азии греко-бактрийский халк североиндийского чекана. Это второй случай обнаружения в Старом Мерве исключительно редких для него греко-бактрийских монет после встреченного ЮТАКЭ несколько лет назад халка основателя Греко-бактрийского государства Диодота 1. Вновь найденная монета принадлежит чекану Евкратида Великого, у которого его современник парфянский государь Митридат I (171—138 гг. до н. э.) отнял две западные сатрапии — Туривию и Аспиону.

A.— бюст государя вправо в шлеме с султаном.

R.— вместо обычных двух скачущих на конях вправо братьев Диоскуров, сыновей Юпитера и Леды, изображение одного всадника вправо с копьем и пальмовым листом в руке. Следы индийской легенды почерком кхароштн: «Раджаса Махатакаса Евкратидаса».

2. В XX помещении парфянского замка на Эрк-кале при разборке кирпичной кладки, которой оно было забутовано доверху в III в. н. э., встречен небольшой кладик, состоявший из восьми спекшихся медных монеток со следами отпечатавшейся на окиси ткани, по-видимому, от матерчатого кошелька-мешочка, случайно оброненного в процессе закладки почти всех комнат замка. После разъединения спекшейся стопки монетных кружочков плохой сохранности и их очистки удалось сделать определение состава интересного комплекса:

1) один экземпляр — парфянская монета Маргианской эмиссии II—III вв. н. э.

А.— бюст правителя влево с диадемой и короткой бородой;
R.— Аршак, сидящий на троне, вправо с протянутым вперед луком в правой руке. Неразборчивые следы легенды;

2) один экземпляр — монета основателя государства Сасанидов Артешира I (224—241).

А.— бюст государя вправо в митре;
R.— следы жертвенника;

3) четыре экземпляра — монеты сасанида Шапура I (241—272).

А.— бюст государя вправо в зубчатой короне;
R.— колонный алтарь-атешдан с двумя стоящими к нему спиной фигурами стражей с мечами и копьями;

4) два экземпляра — монеты мервского правителя III в.

А) А.— бюст правителя влево с пышной буклей волос;
R.— всадник на коне влево;

Б) А.— то же, но бюст вправо;
R.— всадник на коне влево.

Находка этого клада позволяет сделать следующие выводы:

Наряду с другими монетными находками он подтверждает датировку закладки помещений парфянского замка в Эрк-кале серединой или третьей четвертью III в. н. э. и связывает произведенную реконструкцию цитаделей Мерва с временем правления Шапура I, когда протекала оживленная строительная деятельность по укреплению городов и крепостей в разных концах Сасанидского государства.

Монеты сасанидского правителя Мерва III в. с изображением всадника на R показывают, что первоначально они чеканились по образцу парфянских с поворотом бюста влево, а затем стали выпускать их по типу сасанидского чекана с поворотом бюста вправо.

Нахождение в одном кошельке-мешочке всех указанных монет свидетельствует, что при первых Сасанидах правительство допускало в Мерве в рыночном обращении не только монеты предшествующего шаха, но даже халки разгромленного Аршакидского государства, очевидно, в связи с большим количеством на руках у населения парфянской монеты маргианской эмиссии и невозможностью быстро заменить ее монетой новой династии.

3. К редким монетным кружкам принадлежит фельс, найденный на Гяур-кале в верхнем культурном слое Р-6 и чеканенный в Мерве в 206 или 207 г. х. Тахиром, сыном Хусейна, родоначальником династии Тахиридов.

В кругу из точек калима. Кругом:

بسم الله امربضربه بمرو طاهر بن الحسين فى [سنه...] مايتين

В двойном кругу из точек с шестью кольцами:

محمد رسول
الله صلى الله
عليه و سلم

В легенде монеты характерен пропуск после имени Тахира слов مولى المامون («Клиент Мамуна»). Тахир Зу-л Яминеин («двудесничный»), сын Хусейна, владетель города Бушенг Хератской области, знаменитый полководец халифа Мамуна, получил в управление Хорасанскую провинцию в 205 г. х. (821). По-видимому, он имел тайное намерение отделиться от халифата, но был отравлен в ноябре 822 г. (207 г. х.) вскоре после того, как приказал пропустить имя халифа при

чтении хутбы на пятничном богослужении. Как явствует из содержания надписи на фельсе, Тахир не только этим выдал свои сепаратистские стремления, но даже монету приказал чеканить прямо от своего имени без эпитета, указывающего на его подчиненность халифу.

4. В 1957 г. удалось зарегистрировать находку к югу от Байрам-Али по дороге на Туркмен-калу, на бугре за поворотом на восток, не доезжая до селекционной станции, куска золотого динара. От легенды А уцелела часть титулатуры со словом ﻟﻪ ﷲ , которое позволяет датировать монету 30—40-ми гг. XIII в. Фрагмент явно отрублен от уже нецелого кружка и являет собой так называемый «динар-шикесте» («ломаный динар»), свидетельствуя тем самым, что в первые десятилетия после монгольского завоевания в области Мерва золото при купле-продаже измерялось на вес.

5. В осенний сезон была зарегистрирована крупная серебряная монета, найденная при чистке колодца в Новом Кишмане. Она оказалась турецкой в 20 пиастров, выбитой при султане Абд-ал-Азизе (1861—1876). Сам монетный кружок без дырок и без припаянного ушка. Возможно, что монета попала в колодец в силу тех же обстоятельств, как и выбрасывавшиеся в начале формирования Советского государства турецкие монетовидные жетоны, изготовлявшиеся в Константинополе и распространявшиеся при проведении пантюркистской пропаганды.

В 1957 г. ЮТАКЭ вновь поставила перед Музеем истории Академии наук Туркменской ССР вопрос о необходимости для республики собственной научно систематизированной нумизматической коллекции, о своевременности создания ее и помощи в этом со стороны ЮТАКЭ. С директором музея профессором Г. Н. Непесовым была достигнута полная договоренность в том, что в 1958 г. будут оборудованы несгораемые сейфы и изготовлены железные коробочки трех стандартов международного типа, причем вся работа будет осуществляться при консультации профессора М. Е. Массона.

Эпиграфика

Поскольку до 1946 г. среди ашхабадских археологов и краеведов не было лиц, знающих хоть какой-нибудь из восточных языков, употреблявшихся в прошлом на территории Туркменистана, до учреждения ЮТАКЭ на месте почти не велось никакой эпиграфической работы. Успешно проводимая в этом направлении деятельность ЮТАКЭ дала интересные результаты и в 1957 г.

1. Достижения по расшифровке парфянских документов из Нисы в количестве свыше 2000 объектов за первое полугодие были подытожены в докладе членов бригады на 1-й Всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте. Дальнейшая систематизация расписанного на карточки материала и составление таблиц местностей, чиновников, имен, дат и т. п. выявили ряд новых фактов.

Четко прослежен иерархический характер административной лестницы: диспати→хшатрап→марзпан. Последнее лицо высшей администрации Парфянского государства, лишь изредка упоминающееся, носило имя Михрсасанак. Встречено имя хшатрапа Кофизат (Кохзад). Диспати, связанный с селением Фриапатикан, именуется Михрофарн. Большая часть низовых территориально-административных единиц (керт) имеют названия, образованные от имен божеств, царей и других, преимущественно зороастрийских, собственных имен. Меньшая часть имеет более древние трудно этимологизируемые названия. Обращают на себя внимание такие наименования, как Барзмедан («высокая обитель»), причем есть «Старый Барзмедан» и «Новый Барзмедан»; Ападанак

(«дворцовый»), Пардиз («парковый»), Бодис («благоуханное»), Марг («луг»), Авазан (связанный территориально с озером, водоемом); Нанаистанкан («принадлежащий храму Нанаи»), Атур (видимо, связанный с храмом огня). Среди других территориально-административных единиц (диз) встречаются Марв, Рагав, Векирт (напоминает Васкерета Авесты), Каркишан, Аргакан («дорогой», «ценный»), Бадистан («сад»), Варгастис («плотина»). В некоторых названиях улавливается звуковое совпадение с некоторыми современными пунктами: Арток (Артык), Кахак (Кааххка), Чачик (Чаача). По-видимому, хозяйственная канцелярия крепости Митридатокерт (Старая Ниса) охватывала в своей деятельности не менее 15 кертов и свыше 20 дизов и при этом не в окрестностях Нисы, как это предполагалось первоначально, а на обширной территории от Нисы до Тедженского и, может быть, Мервского оазисов.

В 1957 г. удалось выявить еще около сотни собственных имен, и, таким образом, общее число их, упоминаемых на парфянских остракa из Нисы, свыше двухсот, причем все они парфяно-иранские, а более сотни — теофорные, многие из которых образованы от специфических зороастрийских божеств. Чисто зороастрийские составляли более 10%. Зороастризм, по всей вероятности, был официальной религией в Парфянском государстве уже в I в. до н. э., хотя начало оформления кодекса Авесты датируется обычно третьей четвертью I в. н. э. и связывается литературной традицией со временем правления Аршакидского государя Вологаза I (51—77/8 г. н. э.).

2. Исключительным эпиграфическим объектом в 1957 г. явилась намогильная плита ракушечного известняка с изображением девочки, держащей в левой руке птицу, а в правой — гроздь винограда, и с высеченной лаконичной, шестистрочной арамейской эпитафией II или III вв. н. э. Это самый древний ляпидарный эпиграфический памятник, открытый на территории Южного Туркменистана. Делегаты Марыйского педагогического института, принимавшие участие в 1-й Среднеазиатской студенческой археологической конференции, по возвращению в Мары способствовали активизации деятельности своего исторического кружка, в результате работы которого были обнаружены две каменные плиты с изображениями мужского бюста и с упомянутым изображением девочки. Фотографии этих плит студенты доставили в середине декабря в Ташкент начальнику ЮТАКЭ, опознавшему в памятниках сирийского типа намогильные плиты и пальмирские письмена. На место находки был срочно послан археолог М. С. Мерщиев, который, получив в Марыйском педагогическом институте обе плиты, доставил их в археологический кабинет САГУ, где проходила камеральная работа ряда отрядов ЮТАКЭ. Для Туркменской ССР обнаружение этих пальмирских плит — неоспоримый документ, подтверждающий старые связи со странами Средиземноморья и говорящий о том, что в районе их находки была одна из станций-факторий пролегавшего через Мерв пути международной торговли, где останавливались и караваны пальмирских синодиархов.

Фотографии с плит были направлены академику В. В. Струве, члену-корреспонденту Н. В. Пигулевской и участникам бригады по расшифровке парфянских документов И. М. Дьяконову и В. А. Лившиц.

3. В связи с предстоящим освоением новых земель после пуска воды по Каракумскому каналу ЮТАКЭ в 1957 г. организовала в северной части былого оазиса Старого Мерва поиск средневековых намогильных кирпичей с арабскими эпитафиями. Два новых объекта были обнаруже-

ны при поштучной переборке огромной кучи старинных жженых кирпичей в 6 км к западу от средневекового Пашана (ныне Ку'ртлы) и к юго-западу от Дурнали, в районе Чанглы-депе.

На одном объекте от арабской пятистрочной эпитафии, выполненной почерком куфи, сохранилось несколько слов, из которых явствует, что кирпич предназначался для могилы некоего лица, сына Хамида, скончавшегося, судя по восстанавливаемой дате, в 581 г. х. (1185/6 г.). Второй фрагментированный кирпич был предназначен для могилы мальчика Ахмеда, скончавшегося, по данным почерка, также в XII столетии.

4. Из микро-эпиграфических памятников заслуживает особого внимания найденная на городище Султан-кала, близ мавзолея Санджара, небольшая прямоугольная гемма-печать (15×12 мм) из черного камня с очень изящно выполненной арабской легендой, в середине которой помещено вырезанное почерком насхи имя «Мухаммед, сын Ахмеда». Оно окаймлено со всех четырех сторон, как причудливой рамкой, благопожеланием из двух слов, переданных почерком куфи с непомерно вытянутыми стволами некоторых букв: حا فظه الله («да сохранит его Аллах»). Печать, судя по почеркам, принадлежала лицу, жившему в пору существования государства Великих Сельджуков.

5. Совершенно неожиданным открытием было обнаружение на раскопе Р-2 в пригородном квартале гончаров средневекового Мерва, во втором ярусе, содержавшем археологический комплекс предметов XII в., кусочков скорлупы куриного яйца, почти сплошь покрытых следами идущих наискось строк надписи арабскими буквами, которые были выполнены черной краской или тушью с помощью кисточки. Несмотря на очень плохую сохранность надписей, по отдельным словам удалось разобрать разные благопожелания с упоминанием в двух случаях Аллаха. Выкопанный в Мерве объект оказался первой ставшей известной в археологической практике находкой яйца-писанки, являющегося одновременно эпиграфическим памятником.

СОСТАВ ЧЛЕНОВ УЧЕНОГО СОВЕТА ЮТАКЭ
(1953—1959)

Академик АН СССР, историк-востоковед *В. В. Струве,* 1953—1959 (председатель).
Член-корреспондент АН СССР, историк-востоковед *А. Ю. Якубовский* (заместитель председателя). Скончался 21 марта 1953 г.
Академик АН СССР, геолог *Д. В. Наливкин,* 1953—1959.
Член-корреспондент АН СССР, филолог-тюрколог *С. Е. Малов,* 1953—1957.
Член-корреспондент АН СССР, историк-востоковед *Н. В. Пигулевская.*
Член-корреспондент АН СССР, филолог-иранист *А. А. Фрейман.*
Доктор исторических наук, археолог *М. И. Артамонов.*
Доктор исторических наук, арабист *В. А. Крачковская.*
Доктор исторических наук, историк-востоковед *И. П. Петрушевский.*
Доктор исторических наук, археолог *А. П. Окладников,* 1954—1959.
Профессор, историк-иранист *М. М. Дьяконов.* Скончался 8 июня 1954 г.
Профессор, археолог *С. Н. Замятнин,* 1953—1958.
Профессор, историк-востоковед, археолог *Б. Б. Пиотровский.*
Кандидат исторических наук, историк-востоковед *А. М. Беленицкий,* 1959.

НАУЧНЫЙ СОСТАВ УЧАСТНИКОВ ПОЛЕВЫХ И КАМЕРАЛЬНЫХ РАБОТ ЮТАКЭ
(1953—1959)*

Массон М. Е. Доктор исторических наук, действительный член Академии наук Туркменской ССР. (Ташкент, кафедра археологии Средней Азии САГУ; 1953—1959; п., к.). Начальник ЮТАКЭ.

---

* В скобках приведены — основное место работы участника ЮТАКЭ; годы деятельности по линии экспедиции; буква «п» указывает на участие в полевых работах, а буква «к» — в камеральных. Лица коллекторского состава, в основном студенты разных вузов, в перечень не вошли.

Овезов Д. М. Историк-этнограф. (Ашхабад, Академия наук Туркменской ССР; 1953—1959; п., к.). Заместитель начальника ЮТАКЭ, ученый секретарь.

Адыков К. Историк. (Ашхабад—Ташкент; аспирант при кафедре археологии Средней Азии САГУ; 1953—1959; п., к.).

Айзенберг Ю. Б. Геолог. (Ашхабад, Институт геологии Академии наук Туркменской ССР; 1955 (п.), 1956—1958 (к.).

Архангельский П. Б. Энтомолог; заслуженный агроном Узбекской ССР. (Ташкент. Станция защиты растений; 1953—1959 (к.).

Ахраров И. Археолог. (Ташкент, Институт истории Академии наук УзССР; 1954 — п., к.).

Баишев И. А. Юрист. (Редактор Ташкентской телестудии. 1956 — п.).

Бетгер Е. К. Библиограф — ориенталист, кандидат исторических наук. (Ташкент, Государственная публичная библиотека УзССР; 1953—1956; к. Скончался 3/IV 1956).

Блаватский В. Д. Археолог-античник; доктор исторических наук. (Москва, Институт истории материальной культуры Академии наук СССР; 1954—1956; к.).

Богданова-Березовская И. В. Кандидат химических наук. (Ленинград, ЛОИА АН СССР; 1958—1959; к.).

Булгаков П. Г. Востоковед-арабист, кандидат филологических наук. (Ленинград, Востфак Ленинградского государственного университета; 1954—1956; к.).

Буряков Ю. Ф. Археолог. (Ташкент, Музей истории народов Узбекистана; 1958—1959; п., к.).

Висьневский И. С. Геолог, кандидат геологических наук. (Ташкент, Главное геологическое управление, 1959; к.).

Вязьмитина М. И. Археолог-искусствовед. (Киев, Институт истории Академии наук УССР; 1957; к.).

Гинзбург В. В. Антрополог, доктор биологических наук. (Ленинград, Музей антропологии и этнографии АН СССР; 1957—1959; к.).

Гражданкина Н. С. Химик, кандидат технических наук. (Ташкент, САНИИРИ и АН УзССР; 1954—1959; п. (один раз) и к.).

Гремяцкий М. А. Антрополог, доктор биологических наук. (Москва, ИИМК АН СССР; 1956; к.).

Диков Н. Н. Археолог, аспирант истфака Ленинградского государственного университета. (Ленинград, 1953, п.).

Добрин Л. Г. Геолог, кандидат геологических наук. (Ашхабад, Институт геологии АН ТССР; 1957; п.).

Дьяконов И. М. Востоковед, кандидат филологических наук. (Ленинград, ИВАН; 1953—1959; к.).

Дьяконов М. М. Востоковед, доктор исторических наук, заведующий ЛОИИМК АН СССР. (Ленинград, 1953—1954; к.).

Дяо Тхэ Туан. Агроном. (Ташкент — Вьетнам; 1958; к.).

Заурова Е. З. Археолог. (Фрунзе, Институт истории АН КиргССР; 1959, п.).

Зезенкова В. Я. Антрополог, кандидат биологических наук. (Ташкент, кафедра антропологии САГУ; 1953, 1955—1959; к.).

Иванов А. Н. Скульптор-реставратор. (Ташкент; 1953, 1954 и 1959; к.).

Ин-да. Археолог, профессор. (Москва — Пекин, 1954; к.).

Исламов О. И. Геолог, кандидат геологических наук. (Ташкент, Среднеазиатский государственный университет; 1959; к.).

Коваленко Л. В. Археолог. (Ташкент; 1953—1954; п.).

Коробкова Г. Ф. Археолог. (Ленинград, Лаборатория первобытной техники ЛОИА АН СССР; 1958—1959; к.).

Кошеленко Г. А. Археолог. (Москва, Институт истории материальной культуры Академии наук СССР; 1959; п.).

Крачковская В. А. Востоковед-арабист, доктор исторических наук. (Ленинград; 1957; к.).

Лазеев В. В. Топограф. (Ашхабад; 1956; п., к.).

Леммлейн Г. Г. Минералог, доктор геологических наук. (Москва, Московский государственный университет, 1954—1955; к.).

Лившиц В. А. Востоковед, кандидат филологических наук. (Душанбе, Институт языка и литературы Академии наук Таджикской ССР, 1953—1957; Ленинград, Ленинградское отделение ИВАН СССР, 1958—1959; к.).

Лунина С. Б. Археолог. (Ташкент, кафедра археологии Средней Азии САГУ; 1955—1958, п., 1959, к.).

Массон В. М. Археолог, с 1954 г. кандидат исторических наук. (Ленинград, Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР; 1953—1959; п., к.).

Мережин Л. Н. Археолог. (Термез, Сурхандарьинский областной музей; 1958, п., к., 1959, к.).

Мерщиев М. С. Археолог. (Ташкент — Янгиюль, 1953—1958; п., к.).

Мокин В. М. Художник. (Ташкент; 1956—1957 и 1959; к.).

Моложатова М. И. Искусствовед-китаевед. (Ташкент, кафедра китаеведения САГУ; 1957—1958; к.).

Обельченко О. В. Археолог. (Ташкент, кафедра археологии Средней Азии САГУ; 1955; п., к.).

Окладников А. П. Археолог, доктор исторических наук. (Ленинград, Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР; 1954—1959; к.).

Ошанин Л. В. Антрополог, доктор биологических наук. (Ташкент, кафедра антропологии САГУ; 1953—1959; к.).

Прем Пурачатра, профессор. (Ташкент — Таиланд, 1958; к.).

Пугаченкова Г. А. Архитектор, кандидат архитектуры; с 1959 г. доктор искусствоведения. (Ташкент, кафедра археологии Средней Азии САГУ; 1953—1958, п., к.; 1959, к.).

Пэй-Вань-Чжун. Археолог, профессор. (Ташкент—Пекин, 1954; к.).

Рутковская Л. М. Археолог. (Ташкент, кафедра археологии Средней Азии САГУ; 1953—1958; п., к.).

Сарианиди В. И. Археолог. (Москва, Институт истории материальной культуры Академии наук СССР; 1955—1957, п., к.; 1959, к.).

Семенов С. А. Археолог, доктор исторических наук. (Ленинград, заведующий лабораторией первобытной техники ЛОИА АН СССР; 1956—1957; к.).

Скворцов Ю. А. Геолог, доктор геологических наук. Ташкент, САГУ; 1956; к.).

Ташходжаев Ш. Археолог. (Ташкент, Институт искусствознания; 1958; п., к.).

Терехов Г. И. Гистолог, доктор медицинских наук. (Ташкент; 1956; к.).

Трапезников Г. Е. Археолог. (Ташкент, кафедра археологии Средней Азии САГУ, 1955; Ленинград, Государственный Эрмитаж, 1957, п., к.).

Трофимова Т. А. Антрополог, кандидат биологических наук. (Москва, Институт этнографии АН СССР; 1958—1959; к.).

Усманова З. И. Археолог. (Ташкент, кафедра археологии Средней Азии, САГУ, 1955—1957, п., к.; 1958; к.; 1959, п., к.).

Фэн-Цзя-шэн. Археолог. (Ташкент — Пекин, Академия наук КНР; 1958; к.).

Хлопин С. Б. Археолог. (Ленинград, Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР; 1955—1959; п., к.).

Цалкин В. И. Зоолог, доктор биологических наук. (Москва, ИИМК АН СССР; 1954—1957; к.).

Церетели Г. В. Востоковед, чл.-кор. АН СССР, академик Академии наук Грузинской ССР. (Тбилиси; 1958; к.).

Шевченко А. И. Зоолог, аспирант. (Ленинград, Зоологический институт АН СССР; 1958—1959; к.).

Шишкин И. Б. Историк. (Москва, Московский планетарий, 1959; п.).

Щировский М. Я. Художник. (Ташкент; 1955—1957; к.).

Юдицкий Е. Н. Фотограф. (Ташкент, Управление по делам архитектуры; 1953—1959; п., к.).

Юреньев С. Н. Археолог. (Бухара, Бухарское отделение Комитета по охране памятников УзССР; 1955—1956; п.).

Юшко-Крашенинникова Н. И. Археолог. (Ташкент, кафедра археологии Средней Азии САГУ; 1953—1959; п., к.).

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АН — Академия наук
ВДИ — Вестник древней истории
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИАН — Известия Академии наук
ИВАН — Институт востоковедения Академии наук
ИВЛ — Издательство восточной литературы
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
ЛОИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции Института этнографии Академии наук СССР
ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
ТОВЭ — Труды отдела Востока Эрмитажа
ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции
УзФАН — Узбекский филиал Академии наук СССР
ЭВ — Эпиграфика Востока
BGA — Bibliotheca Geographorum Arabicorum
CRAIBL — Comptes rendus de l'Académie des inscription et belles lettres
JA — Journal Asiatique
MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5

Л. Н. Мережин. Обследование районной стены III в. до н. э. вокруг Маргианы (полевой отчет IV отряда ЮТАКЭ) 11

Г. А. Пугаченкова. К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы 16

М. И. Филанович. Башнеобразные культовые курильницы из Мерва 31

П. Г. Булгаков, Б. А. Вахабова. Средневековые ученые из Мерва 44

М. Е. Массон. Средневековые мусульманские намогильные кирпичи с арабскими эпитафиями из Марыйской области 53

Л. И. Жукова. Стратиграфическое изучение средневековых керамических отвалов в западной части Мервского рабада 98

М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1955—1957 гг. 111

Состав членов Ученого совета ЮТАКЭ (1953—1959) . 187

Научный состав участников полевых и камеральных работ ЮТАКЭ (1953—1959) 187

Список принятых сокращений 191

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ МЕРВА

Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции

Том 16

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
АН Туркменской ССР

Редактор издательства **Л. Дрямова**
Технический редактор **Г. Артыкова**
Корректоры **А. Евсеенко, Е. Камнева**

Сдано в набор 10.III 1977 г. Подписано в печать 8.II 1978 г. Формат 84×108$^{1}/_{16}$. Бумага № 3. Физ. печ. л. 12. Привед. печ. л. 20,16. Тираж 1000 экз. Заказ № 528. Изд. № 17. Цена (в переплете № 5) 2 р. 50 к. И—03261.

Издательство «Ылым» АН ТССР.
744000. Ашхабад, ул. Энгельса, 6.
744012. Ашхабад, ул. Ростовская, 92а.
Типография АН ТССР.

З А М Е Ч Е Н Н Ы Е О П Е Ч А Т К И .

стр.	строка	напечатано	следует читать
58	8 сверху	احة الله	رحمة الله
58	I4 снизу	احة الله	رحمة الله
6I	8 снизу	بوش	بوشر
6I	9 снизу	رحمه	رحمة
64	29 снизу	هذ	هذا
64	I9 сверху	رحمه	رحمة
64	I9 снизу	وحا	وجه
67	9 снизу	سح وعشر خمسمايه	سبع وعشر خمسمايه
67	I2 сверху	пункт 5	под пунктом 6
67	I3 сверху	пункт 6	под пунктом 7
67	I5 сверху	пункт 8	под пунктом 5
67	24 сверху	وفات عن	وفات فى
69	4 снизу	خماما با	خمسه مايه
69	I2 сверху	خمس	خمس
69	I9 сверху	الوفا يوم	الوفات [sic] يوم
69	I9 снизу	الشنخ	الشيخ
7I	5 сверху	خمسه مايه	خمسه مايه
7I	I6 снизу	الشيح	الشيخ
73	I снизу		под пунктом 4 на стр. № 74
73	9 снизу	مايه	مايه
73	II сверху	[ثنى ربع]	[ثنى وثلث وربع]
73	24 снизу	وثمنين	وثمنين [sic] وخمسين
73	26 снизу	سه	سنه
75	3 сверху	الحادى العشرين	الحادى [sic] العشرين
75	5 сверху	سنه سته	سنه سته [sic] و
75	I4 снизу	احة الله	رحمة الله
75	I5 снизу	هذا القبر	هذا القبرى [sic]

77	25 снизу		как 26-ю строку
77	26 снизу		как 25-ю строку
78	3 сверху		как 4-ю сверху, пункт 2
78	4 сверху		как 5-ю сверху пункт 3
78	5 сверху		как 3-юс сверху пункт I
88	2 снизу	رحمة الله عليه بنصر غفر له	رحمة الله عليه بنصر
88	3 снизу	رحمة الله عليه و	رحمه الله عليه وغفر له
88	2I сверху	فر	قبر
88	22 снизу	هد	هوا
90	22 снизу столбик I	جعفر	جعفر
90	25 снизу столбик 2	لوسعد رسعد	لوسعد سعد
90	26 снизу столбик 2	احمة الله	رحمة الله
90	27 снизу столбик 2	احيم	رحيم
90	30 снизу столбик I	العباس	العباس
92	I3 снизу	تاريخ	بتاريخ
94	I6 снизу	احمة الله بنصروجهه نواقبره	رحمة الله وبنصروجهه ونور قبره
126	I0 сверху	الاحاموضه سكه	الاحاموضه سكه
126	2I сверху	القيرموضه سكه	الحقيرموضه سكه
I27	I3-I4 снизу	رباط [illegible]	رباط سوران